

Пиримкул
Кадыров

**Алмазный
подарок**

*Ташкентский
городской
роман*

Перевод с узбекского Ю. Суровцева

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Солнечный круг медленно выкатывался из-за Чаткальских гор.

Аброр встречал восход на балконе. С третьего этажа казалось, будто огненный диск, вернее — верхний его край, сжался, приостановился в настороженном выжидании, а потом быстрыми-быстрыми лучами-выплесками пошел зажигать бесчисленные железные и шиферные крыши, бетонные и асфальтовые пространства громадного города, который давно уже проснулся, заполнив улицы разноцветными потоками автомашин.

На стали и стекле свет сверкает — нестерпимо глазу. И, падая на сочную зелень, растворяется в мощной кроне столетних чинар и дубов, нежно переливаясь золотисто-желтыми оттенками на цветущей джиде; медовый ее аромат утренний ветер разносит далеко окрест. Урюк, миндаль, персик и яблони отцвели еще в апреле; недавние майские дожди омыли их листья, уже по-летнему темные. Высокие кусты граната сверху трудно отличить от сплетений виноградных лоз, лишь ярко-красные колокольчики гранатовых соцветий выделяются, словно вспышки раскаленных угольков, среди буйной зелени. Их алые бархатистые цветочки боятся холода и темноты; ночью, сжавшись, смыкают лепестки, а утром от прикосновения солнечных лучей снова оживают, широко раскрывая свое ярко-красное лоно навстречу свету и теплу.

Все выше над головой поднимается солнце, диск его становится все меньше и ярче. Глаза не выдерживают ослепляюще яростного полыханья огня, и приходится отойти в тень.

Всю ночь Аброр просидел над чертежом древнего канала Бозсу, что когда-то протекал в этих, ныне бетонно-асфальтовых просторах. А что было до канала? Две

тысячи лет назад вместо зеленого оазиса была выжженная солнцем нескончаемая степь, безводная и беспощадная.

Да, здешнее солнце щедрое, и зелень майская густа и живительна, но уже в середине мая кончаются дожди, потом неделями на небе не отыщешь ни облачка, до самой осени стоят ясные, безжалостно жаркие и сухие дни. Человек тогда ищет спасенья в тени деревьев. А деревья ждут спасенья от воды, проточной, поливной, которая ныне покорилась людям.

Эта тысячелетняя взаимозависимость человека и природы стала для Аброра теперь путеводной нитью в сложном лабиринте давнего замысла.

Зеленый оазис Ташкента... Зеленая капелька жизни, зажженная некогда в степи, постепенно расширялась и превратилась наконец в море зелени... Спасенная жизнь вдвойне дорога. Каждый куст, каждое дерево словно тянется к человеку, доверяя свою судьбу, полагаясь на его добрую волю и добрый ум, разумно направляющий поток воды для спасения всего живого...

— Папа, мы опаздываем! — послышался обеспокоенный голос дочери.

Аброр, прервав свои раздумья, увидел ее уже внизу, у подъезда.

Да, пора спускаться. Он должен был отвезти жену в аэропорт, на московский рейс.

Лишь до первого перекрестка хватило сил удержать в себе то особое чувство, которое пришло к нему там, на балконе. А дальше... его подхватил и понес поток машин... Внимание, внимание, он должен собраться с мыслями, а не то или светофор прозеваешь, или тебя зацепят, или ты кого-нибудь стукнешь... И надо поторапливаться, времени оставалось в обрез, а путь от Юнусабада через центр города немалый.

Наконец миновали железнодорожный вокзал, оттуда до цели не столь далеко, благо что аэропорт ташкентский в черте города. «А мы, ташкентцы, порой из-за этого ворчим, выражаем недовольство...»

Ага, вот и железнодорожный переезд, теперь-то уж совсем рядом.

Аброр прибавил газу, желая скорей пересечь тускло поблескивающие рельсы, но резко-тревожно замигал красным семафор, и полосатый шлагбаум неожиданно быстро — так показалось — опустился перед «жигуленком». Аброр успел тормознуть — колеса взвизгнули,

машина вильнула, качнулась вперед, едва не налетев на шлагбаум.

Поезда не видно, а в железнодорожной будке пронзительно надрывался звонок. Продолжал раздражающе мигать красным семафор.

Вазирá, сокрушенно вздохнув, взглянула на крохотные наручные часы.

— Ах, чтоб ему пропасть! Опоздаем теперь... Лучше бы через путепровод ехать!

Аброр с силой дернул за ручной тормоз. В душе кипело раздраженное нетерпение.

— Может, еще через Бешагач надо было ехать? — съязвил он, назвав дальний район города.

— Через Бешагач — нет, а если бы через улицу Руставели, наверняка бы успели. А сейчас регистрация заканчивается...

Пошел-поплыл мимо нескончаемо длинный, тяжелый поезд. Неторопливо двигались цистерны, платформы, груженные бревнами, штабелями досок, уставленные ярко-красными тракторами.

— Смотри-ка, папа, и машины! — почти выкрикнул восторженный непоседа Зафар с заднего сиденья. — Такие же, как у нас, «Жигули»!

Аброр промолчал. Маликá поправила братишку:

— Не такие. Это другая марка.

— Почему? Ты-то откуда знаешь?

— У нашей машины две фары. А у тех «Жигулей» по четыре.

Медленно проплыла еще одна открытая платформа.

— Бульдозеры! — уже забыв о «Жигулях», выкрикнул Зафар.

Вазира не отрывала глаз от платформ и красных вагонов.

— И чего это он длинный такой?.. Конца-краю не видно!

А Зафару, наверное, хотелось, чтобы поезд был еще длинней и ехал бы как можно медленней: столько интересных вещей он вез. Аброр сидел неподвижно; было видно, что он не торопится.

Но вот наконец полосатый шлагбаум дрогнул и стал подниматься. Вишневые «Жигули» тут же юркнули через железнодорожное полотно... И вскоре Аброр остановил машину у самого входа в здание аэропорта.

Застекленный зал регистрации пассажиров был переполнен.

— Вещи Малика принесет!

Вазира выскочила из машины и, на бегу стараясь вытащить из сумочки билет и паспорт, устремилась в зал.

Аброр нарочито спокойно высадил детей, замкнул на ключ дверцы, открыл багажник. Рядом с чемоданом лежал длинный черный футляр. Чертежи Вазиры. Аброр взял легкий футляр за ручку и передал его Малике. Сам понес темно-коричневый кожаный чемодан. Был он не так уж и велик, но очень тяжел. Аброр уловил аромат хандаляков. «Без подарков не может!» — разозлился он на жену.

Они уже входили в стеклянные двери, когда откуда-то сверху раздался голос диктора: «Заканчивается посадка в самолет, вылетающий рейсом шестьсот тринадцать до Москвы. Повторяю: заканчивается...»

Вазира была в толпе, что облепила окошко регистрации и проем с круглыми весами для взвешивания багажа. Нетерпеливо выхватила у Аброра чемодан, сама толкнула его на весы.

— Повезло, мое место осталось за мной! А места опоздавших продают тут же... Желающих ой как много было, но добрые попутчики нашлись, не допустили...

Аброр огляделся. Сразу узнал высокого статного мужчину, стоявшего неподалеку у стойки спиной к ним.

— Мой билет регистрируют...

— Что, и Бахрамов летит? — голос Аброра на какой-то миг стал словно жестяным...

Было время, когда они вместе учились в институте и Аброр называл своего сверстника только по имени Шерзод. Потом произошло много такого, из-за чего он стал называть сокурсника только по фамилии. И вот сейчас Аброр увидел в руках Шерзода паспорт Вазиры. Аброр насупился, опустил взгляд.

Когда-то этот самый Шерзод чуть не женился на Вазире. Отец Шерзода, человек с положением, солидный, сумел через своих людей даже заручиться предварительным согласием родителей девушки. Но не ее согласием, нет! Аброр до сих пор не может спокойно вспоминать о тех днях: сколько пришлось им с Вазирой вынести, прежде чем удалось помешать намерениям родителей.

Вазира почувствовала настроение мужа. Отдышалась, мирно заговорила, указывая глазами на курившего в сторонке мужчину средних лет с портфелем в руках:

— Они с Шерзодом вдвоем летят...

«Говорит, будто только что узнала...» Аброр стал еще более хмурым, прервал жену:

— Ну уж коль Бахрамов так старался сохранить за тобой место, значит, он заранее знал, что вы втроем полетите!

«Может, он и знал, да я ничего не знала, — хотела было возразить Вазира, но сдержалась. — Оправдываться? Зачем?» Глядя прямо в глаза Аброру, спросила как отрезала:

— А это имеет значение?

Тут с паспортом и билетом Вазиры в руках подошел Шерзод.

— Посадка уже закончилась, трап могут ведь и убрать... О, Аброр...

На лацкане модного светлого пиджака Шерзода поблескивала медаль лауреата республиканской премии. Недобро сжатые губы Аброра приятного разговора не сулили, да и некогда было разводить церемонии. Однако Шерзод постарался придать голосу невозмутимую корректность:

— Аброр Агзамович, я приветствую вас.

Аброр сдержанно кивнул в ответ.

Вазира взяла у Шерзода свой паспорт с билетом и поспешно спрятала их в сумочку. Заторопились к выходу. До трапа московского самолета идти было довольно далеко — через центральный аэровокзал.

— Если бегом, то успеем! — энергично предложил Шерзод.

В свои сорок лет он был еще строен. Вазира невольно окинула взглядом грузное тело мужа.

— Ну, здесь попрощаемся, — сказала она и первой обняла сынишку.

Он ласково прижался к матери и успел прошептать ей на ухо:

— Привези мне самоходку, ну, танк такой...

— Хорошо. А Малике, конечно, туфли на платформе?..

Малика с готовностью кивнула и тут же бросилась матери на шею:

— Mamochka, возвращайся поскорей!

Вазира забрала у дочери футляр. Подошла к Аброру, положила мужу на плечо руку с сумочкой. Аброр догадался, что жена хочет поцеловать его, и слегка наклонил голову. Вазира приподнялась, коснулась губами щеки Аброра.

— Ну, счастливо оставаться! Вечером я позвоню из Москвы. Пока...

Шерзод отвернулся. Счастливая пара! Хорошая семья! Ну да ладно, еще посмотрим...

Шерзод и Вазира бросились наконец догонять мужчину с портфелем.

Вазира поспешала уже не так легко, как в молодые годы, да и высокие каблуки заставляли ее семенить; Шерзод на бегу забрал у Вазиры сумочку и футляр.

Они добежали как раз, когда аэродромная служба собиралась откатывать от борта самолета трап. Получив свою порцию упреков, поднялись по ступенькам, проскочили в дверь.

Попутчик Шерзода сразу же сел на первое свободное место. А Шерзода с Вазирой бортпроводница, видно, приняла за мужа и жену и провела их в третий салон, усадив рядом в самом хвосте самолета.

Домой Аброр возвращался взбудораженный и разозленный донельзя. То прибавлял скорость, то резко тормозил, на поворотах машину заносило и раскачивало. Испуганные Малика и Зафар, прижавшись друг к другу на заднем сиденье, молча следили за отцом.

У Аброра все еще стояла в глазах недавняя картина: бегущие рядом к самолету Шерзод Бахрамов и Вазира.

Ну и ловкач этот Шерзод! Сначала оформлял билет, мусолил в руках паспорт Вазиры, а потом вообще забрал ее сумочку. Аброр и дергался, и цепенел, как человек, под чью рубашку заползла оса. Вот-вот укусит... Разумеется, в самолете незнакомые люди будут принимать Вазиру за жену элегантного Шерзода. Оса под рубашкой нещадно ужалила Аброра, и на миг он просто забыл, что сидит за рулем стремительно едущей машины. Перед ним у очередного перекрестка вспыхнул желтый свет. Аброр сильнее нажал на газ. Новенькая «Волга» с белоснежными складчатыми шторками по заднему стеклу пронеслась перед самым носом «Жигулей». Она имела право пронзительно просигналить: дорога была ее, «Жигулям» следовало переждать. Сработал неведомо какой рефлекс, — Аброр успел сбавить скорость, иначе... Стало вдруг страшно. За детей...

Аброр попытался взять себя в руки, провел языком по пересохшему небу, ладонь положил на грудь, на сердце, готовое, кажется, вот-вот выскочить, рывком расстег-

нул ворот рубашки. «Хорошо еще, милиционера на перекрестке не оказалось», — постарался успокоить он себя. На минуту придержал машину у тротуара, после того как остался позади чертов перекресток.

Перед следующим перекрестком Аброр тихо остановил машину, обернулся к детям:

— Сейчас отвезу вас домой, а сам поеду на работу. — Порылся в кармане, достал зубчатый ключ и протянул его дочери: — Малика, за дверь отвечаешь ты.

— Но ведь и мне скоро в школу, папа.

— Когда будешь уходить, ключ оставишь Зафару. Мальчик обрадовался:

— Конечно, я ведь во вторую смену.

— А если я вернусь, ты еще не придешь домой, где я тогда ключ возьму? — спросила девочка.

Зафар недоуменно замолк.

Включился зеленый свет. Аброр быстро тронул машину с места и, не отрывая взгляда от дороги, бросил:

— Ключ, Зафар, не забудь соседям оставить.

— Вот правильно... Ладно, папа.

— Малика, в холодильнике вчерашний плов. Разогрей, и поешьте перед школой.

— Папа, а можно я себе потом яичницу сделаю? — Зафару хотелось быть взрослым, самостоятельным.

— Сам? Нет, к плите не подходи. Если Малика вернется пораньше, она тебе и пожарит.

Аброр старался отвлечь себя разговором о предстоящих детям заботах, сосредоточить внимание на дороге, но оса из-под рубашки все еще не вылетала. Понятно, он злится зря, из-за пустяка, ведет себя глупо, недостойно, — подумаешь, Шерзод побежал вместе с женой, помог ей оформить билет... А Вазира при прощании так доверчиво и нежно прикоснулась к щеке мужа, к его собственной щеке, черт возьми, а не щеке Шерзода, а если и посмотрела на него, на Аброра-муженька, строго, так иначе и не могло быть, коли муженек напыжился при виде старого соперника, словно индюк. Ему надо было вести себя спокойно, с достоинством, ведь не зеленый же он юнец, в конце концов, — сорокалетний, да и с Вазирой пятнадцать лет прожили, вон дети уже какие, даже стыдно перед ними за глупую, недостойную ревность!

Но что тут поделаешь, ежели проклятухая эта оса угнездилась в каких-то труднодоступных извилинах мозга, в темных уголках души? Он вроде матрешки —

сидят в нем, скрываются друг в друге несколько разных Аброров. И один из них, самый, может, изначальный (из первобытных генов!), укрылся и жалит другого Аброра. «Не муж, а тряпка... спешил, дуралей, гнал машину... для чего?! А чтоб вручить свою драгоценную на попечение соперника... дал ему отличный шанс для реванша». В прежней, довоенной ташкентской махалле такого мужа настоящие мужчины выгнали бы из своего круга как недостойного! В прежней... На старом Востоке мужчина, что и говорить, возомнил о себе невесть что — женщина соглашалась веками сидеть во внутренней, закрытой для чужих глаз части дома, а когда выходила на улицу, то с головы до пят закрывалась паранджой. Мало того, даже голоса ее не должен был слышать чужой мужчина. Считалось, что тот может насладиться если не ее красотой, то нежностью голоса, а отдать хотя бы капельку нежности другому — значит, нарушить обет верности.

Тьфу ты, наважденье! Уж к нему-то, Аброру, к его семье эдакое никак не относится... А вот поди-ка, внутри матрешки жил, оказывается, еще и старый, «восточный» Аброр. Вековой инстинкт... гены? Пусть так, но его жена должна быть безукоризненно честной, преданной. И чтоб никто не имел никакого, ни малейшего повода в том усомниться!

А Вазира летит сейчас в Москву вместе с Шерзодом, который (Аброр это знал наверняка) сделает все для того, чтобы поселиться с Вазирой в одной гостинице, повести ее в ресторан, в театр... Ну и что? Вазира может постоять за себя. Он верит ей! Но оса все жалила и жалила... Шерзод хитер, опытен, и сколько возможностей теперь у него будет, чтобы одержать победу над ним, над Аброром!

Растревоженный, въехал он во двор своего пятиэтажного кирпичного дома, «шедевра архитектурной мысли», как горько шутил подчас. А двор-то еще лучше! Обломанные деревья, перекопанный, развороченный траншеями и ямами центр двора, громоздящиеся кучи земли, клубы пыли вокруг гигантов самосвалов. «Вот оно, лицо Шерзода без маски...» — подумал Аброр.

Два года назад Вазира могла еще добиться, чтобы Аброр, забыв давнее, пошел к Шерзоду, однокашнику, решать деликатный вопрос, который касался благоустройства целого жилого квартала. Это сейчас она и на аркане не смогла бы затащить Аброра в роли просителя

в ответственный кабинет товарища Бахрамова. Но два года назад... Аброр подумал, что давнишнее соперничество безвозвратно ушло в прошлое, тем более что Шерзод женился на дочери министра и теперь сам стал солидным начальником, имеющим веский голос в делах коммунального городского строительства.

Живо припомнилось, как важно Шерзод сидел тогда в глубине просторного кабинета за большим столом с четырьмя телефонами. Перед ним, явно робея, двое проектировщиков разворачивали только что вычерченные эскизы. Шерзод, недовольный тем, что кто-то без доклада открыл дверь, хмуро глянул на вошедшего. Но, увидев Аброра, заулыбался, повернулся в удобном кресле, поднялся и шагнул навстречу. Одновременно — удивительное дело! — на лице его сохранилось и пренебрежение к подчиненным.

— Как освобожусь, вызову, — буркнул им Шерзод, пожимая руку Аброру.

Проектировщики забрали со стола чертежи, вышли из кабинета. К креслу Шерзод не вернулся. Он усадил Аброра по одну сторону приставного столика, а сам сел по другую.

«Принимает по всем правилам. Начальник!» — мысленно усмехнулся Аброр. Вслух сказал:

— Вот пришел, по делам нашей махалли...

— Ты... по делам махалли? — недоверчиво переспросил Шерзод.

Аброр стал объяснять, что их микрорайон построен на месте старой махалли. Прежние жители из глинобитных домиков переселились в современные дома. Но люди эти испокон веков привыкли к чистому воздуху, к жизни во дворе. Вот они и в новом микрорайоне стали устанавливать в общих, объединяющих по несколько пятиэтажных дворах деревянные помосты, стелить на них одеяла и отдыхать в тени деревьев. Во дворах, бывает, и шумные свадьбы играют, празднества справляют, как всегда многолюдные, с карнаями и сурнаями, с грохотом бубнов.

— ...А для новых микрорайонов, — вставил Шерзод, — все эти карнаи и сурнаи не совсем уместны, так?

— Ну, я бы так не сказал. Разве старые махалли не были, по сути, своеобразными микрорайонами своего времени?

— Были, разумеется... Но лучше старые обычаи

похоронить под снесенными глинобитными стенами ма-
занок. Разве ты иначе думаешь?

— Плохие обычаи... да, их надо бы похоронить. Но
ведь есть и хорошие. Я лично люблю бас карная. Напевы
сурная, ритмы дойры — все это, по-моему, очень подхо-
дит Ташкенту. Где еще такое услышишь? А неповтори-
мость звуков и красок... разве ими не должны мы доро-
жить? — в тон Шерзоду спросил Аброр.

— Да какая там неповторимость? Каждый летний
день десятки свадеб во всех концах города. В ход идут
микрофоны. Карнаи ревут — стекла дрожат. В Ташкен-
те и без них шуму хватает. Будь в моей власти, я бы эти
карнаи просто запретил в больших городах!

— Ну да, я и забыл, ты ведь еще в студенческие
годы увлекался джазом.

— Увлекался, а что? Сейчас вот весь мир увлека-
ется поп-музыкой...

— Но зачем весь мир-то унифицировать под джаз
или поп-музыку? Пусть там — джаз, здесь — карнай и
сурнай, пусть — каждому свое.

— Да ладно, хватит об этом. Я тебя слушаю... да-
вай по делу.

Аброр снова стал говорить, что его дело-то и состоит
в том, чтобы их микрорайон приобрел своеобразие.
Архитектурные шедевры — коробки — уже возведены,
тут ничего, как говорится, не попишешь. Но общий двор
можно еще решить более интересно. Сухие бетонные
лотки, по которым не текла вода, со двора уже убрали.
Сделали небольшие арыки с живыми зелеными бере-
гами. Рассадили по двору цветы и деревья, этакий
традиционный для восточного землеустройства чорбог —
«четыре сада». В определенной его точке — клумбы
с четырьмя разновидностями цветов. На краях взметну-
лись тенистые деревья — пирамидальные тополя и чи-
нары: двор-то немалый по площади. Нашлось в нем
место, как велит обычай, и для фруктовых — черешни,
персика, айвы. И в середине спортплощадка — там дети
резвятся целый день. И все это было сделано методом ха-
шара — своего рода субботник древности, когда беско-
рыстно, безвозмездно вся махалля благоустраивает об-
щий, или, как шутя сказал Аброр, — «хашарили».

— Все? — на лице Шерзода изобразилось вежливое
удивление.

«Не все, увь, не все». Были, конечно, и такие, кто не
признает никакого хашара, закроется в своей квартире и

живет так, что даже соседей по лестничной клетке знать не хочет... Но большинство жителей привыкли в сухом и жарком климате проводить свободные часы во дворе, под открытым небом, они-то работали сообща.

— Да, — еще добавил Аброр, — в прежней махалле был свой знаменитый хлебопек — отличные умел делать лепешки, и тандыр его славился. Землетрясением его хозяйство было разрушено, хлебопек сменил профессию, сел за баранку поливовой машины. А как только в новом-то дворе соорудили тандыр, нынешний водитель «поливалки» тут как тут, занимается теперь хлебопечением по совместительству...

— Чего ты мне без конца ваш двор расписываешь? — перебил его Шерзод.

— Потому что сейчас весь этот двор — и чорбог, и площадка, и помосты, и тандыр — под угрозой.

— Это еще почему? Кто тебе сказал?

— Кооперативщики... Они хотят в нашем дворе построить еще один свой шедевр. И это не проекты. Уже бурили шурфы во дворе, образцы грунта брали. Я стал выяснять, вот ниточка и привела меня к тебе.

Шерзод сосредоточенно потер лоб.

— Точно?.. Ну что ж, давай проверим.

Он встал из-за маленького столика, зашел за свой рабочий стол, выдвинул один из ящичков. Порылся в нем, извлек план микрорайона, где жил Аброр. Развернул. Быстро прочитал большой розоватый план-скатерть, обвел пальцем кружок на нем.

— Ага... понятно... вот здесь, между этими тремя пятиэтажными домами, в самом деле много свободной земли.

Зазвонил телефон. Аброр глянул на красного, черного, голубого и стального цвета аппараты, но который из них звонит — не разобрал. Шерзод различал их по «голосам», сразу поднял голубую трубку.

— Перезвоните минут через десять, — приглушенно сказал он, положил трубку на место. Обернулся к Аброру. — Понимаешь, прежние проектировщики в суматохе после землетрясения не особенно задумывались об экономии земли под застройку... — Вряд ли это было справедливо, но Аброр промолчал. — Город, таким образом, растянули на огромную площадь. Теперь мы по возможности сокращаем интервалы между зданиями. Сейчас каждая пядь городской территории, как говорится, на вес золота. На этот счет, сам знаешь, вышло спе-

циальное постановление. Так что приходится... уплотнять.

— Уплотнять надо, но с умом, — не вытерпел Аброр. — Учитывая и другие постановления. Надо строить так, чтобы в каждом общественном дворе были площадки для зелени, для детей, для спорта... Теперь куда нам их девать?

— Они... останутся. Двор-то у вас во-о-он какой! Кооперативный домик займет только часть двора.

— Да какую там часть? Вот посмотри расчеты — я прикинул.

На листочке, извлеченном Аброром из внутреннего кармана пиджака, было точно указано, сколько места займет сам новый дом, сколько площади двора окажется под колесами машин и строительных механизмов, уйдет на коммуникации подземные и наземные.

— Да, невеселая картина, — вынужден был признать Шерзод и не удержался — в сердцах ругнул своего предшественника, главу учреждения, в котором было столько разноцветных телефонов. — Чем они только в свое время думали, недотепы?! А теперь вот мучайся, ломай голову. Нет ничего хуже, чем чужие ошибки исправлять!

— Исправить их можно, Шерзод. Я готов тебе показать, где в микрорайоне можно кооперативный дом поставить.

Шерзод склонился над планом-скатертью:

— А ну, покажи.

Аброр взял со стола карандаш, показал.

— Вдоль магистра-али, — протянул Шерзод разочарованно. — Кооператив не согласится.

— Почему?

— Шумно очень. А кооператив государству наличными платит. Сейчас кооперативам во всем идут навстречу.

— Создавать удобства одним ценой неудобств других?

— Вообще-то говоря... ты прав... Примерно... Я-то был бы не против... Но...

Еще в студенческие годы Шерзод очень часто вставлял в свою речь «вообще-то говоря» и «примерно». Аброр вспомнил об этом, по-товарищески усмехнулся:

— Давай, Шерзод, побоку стародавнее «вообще-то говоря», а? Мы же с тобой сами с усами, как-никак специалисты. Оба понимаем: будет вопиюще неверно, и по-человечески, и по-архитектурному говоря, — Аброр

чуть не засмеялся, — если дом этот окажется посреди нашего общего двора. Так ведь?

— Примерно...

— А раз так, тебе по плечу предотвратить ошибку. Доводов достаточно. А дом кооперативный найдем где поставить — не обидим их, не бойся.

— А проект готовый пересматривать, привязку менять — разве это легко?

— Понимаю, и без того у тебя забот полон рот. Поэтому я пришел специально. Прошу от имени всей махалли. Вазира меня уверяла, что только ты спасешь наши деревья, наш чорбог, наш уют. (Сколько раз потом Аброр казнил себя за это упоминание имени Вазиры!)

— Ну, уж я от роли спасителя не в силах отказаться. Постараемся убрать от вас кооперативный дом...

— Не «примерно», не «вообще говоря»? — шутливо спросил Аброр.

Шерзод тоже заулыбался:

— Нет, точно.

— Значит, по другим инстанциям могу не ходить?

— Зачем? Если не осилю этого вопроса, тогда дам знать, вместе пойдем.

Обменялись сокурники крепким мужским рукопожатием, и Аброру подумалось, что отношения их теперь будут безоблачными, что когда-нибудь позовет он Шерзода с женой, министерской дочкой, к себе в гости.

Прошло с того дня лето, минула осень, пролетела зима. Выкопанные во дворе траншеи завалили, разговоры о строительстве дома вроде бы сошли на нет. «Молодец, Шерзод, сдержал-таки свое слово!» — думал Аброр.

Но прошлой весной, когда листва на деревьях только начала распускаться, Аброр увидел однажды, как в их дворе, оглушительно гудя мотором, деловито трудится экскаватор. От игровой площадки — он и сам иногда в редкие часы отдыха становился рядом с молодыми под волейбольную сетку — следа не осталось, там котлован глубиной уже в человеческий рост. Одна из траншей почти добралась до тандыра, земля из-под его основания осыпалась, и закопченная печь беспомощно накренилась, готовая рухнуть. Неподдалеку, в саду-чорбоге строители подготавливали место для установки подъемного крана, — бедная трава, бедные деревья! Рельсы под кран хотели проложить там, где в этом году вперые должны были дать плоды черешня и айва.

Рабочий в брезентовой спецовке уже взял в руки топор, направился к деревьям, но его остановил подбежавший жилец.

— Эй, погоди, погоди!.. Я член домкома, слышишь? Мы столько труда положили, чтобы деревца прижились, зазеленели, а ты их рубить собрался...

— Интересные люди! Кто же это разбивает сады на строительной площадке?

— Закончилось строительство, понимаешь? Откуда вы тут взялись? — Член домкома оглянулся, заметил Аброра, махнул рукой в его сторону. — Вот он пускай подтвердит... Аброр-ака, вы же связывались с тем учреждением. Говорили: «Убедил я их». Мы вам поверили и успокоились. А что же получается?!

— Урирбай-ака, меня твердо заверяли...

— Так бегите поскорей к тому, кто заверял, пусть он остановит несправедливость, пусть топор ответит.

Аброр видел, насколько далеко зашла подготовительная работа и каким быстрым темпом она вдруг пошла — ее теперь не остановишь. Тем не менее поднялся к себе на третий этаж и сразу позвонил Шерзоду в управление. Никто не ответил. Аброр разыскал по справочнику номер домашнего телефона Шерзода. Звонок оторвал Бахрамова от хорошо приготовленного плова, и плов этот, как тут же заявил Шерзод «уважаемому Аброру Агзамовичу», хозяину приятно было бы с ним, уважаемым, разделить.

Аброр рассказал о случившемся. Шерзод сначала помолчал, пытаясь удалить языком застрявшие меж зубов кусочки мяса.

— Вот тебе и раз, неужели?.. — произнес он наконец. — Ну и ну!.. А я-то всю зиму, вообще говоря, тормозил это дело! И надо же, уехал в отпуск, а заместитель мой дал делу ход... Ну да ты знаешь этих пайщиков, люди наличными платят...

— Но почему ты раньше мне ничего не сказал? Я бы мог пойти в другие инстанции! Ты ведь тоже хотел действовать...

— Толку не было бы. Проект прошел утверждение в верхах.

— Но ведь и «верхам» можно было разъяснить положение, они же тебе поручили строительные дела.

— Не получилось, не получилось... Теперь ничего уже изменить нельзя. Вмешались люди, с которыми шутки шутить не стоит.

— И среди этих людей твой свояк?
— Какого свояк?
— Тот, кому нужна в этом доме трехкомнатная квартира!

— Я бы не советовал вам, товарищ Агзамов... ставить вопрос таким образом. Если мой свояк и получит квартиру, то на вполне законных основаниях.

— Законы ты хорошо знаешь. Но вот порядочности у тебя нет. И чувство товарищества тоже. Оказывается, верить тебе — все равно что болото за твердый асфальт принять!

Несколько дней подряд Аброр и Уринбай-ака тревожили различные организации, имеющие отношение к новой стройке. Их выслушивали, но... время оказалось безнадежно упущенным, а произведенные затраты слишком велики.

Железная махина крана продолжала деловито урчать, в определенные промежутки времени оглашая двор напряженно пронзительным звоном. Невредимыми остались деревья, высаженные людьми под самыми балконами, все остальное пространство двора, обнесенное высоким деревянным забором, теперь превратилось в пыльную строительную площадку, где грохотали бульдозеры и самосвалы...

И до этого случая жизнь угалкивала Аброра с Шерзодом. Группа архитекторов, спроектировавших новые ташкентские кварталы, была выдвинута на соискание республиканской премии. В первоначальном списке кандидатов Аброр был. В печати лестно упоминалось и его имя, что, конечно, поднимало настроение. Был в списке и молодой архитектор Хатам Юлдашев. Потом предварительный список начал расти, однажды Аброр обнаружил в нем фамилию Бахрамова. А когда решили список соискателей выстроить в алфавитном порядке, Бахрамов вошел в первую тройку, а Юлдашев стал замыкающим.

Аброр, как член институтского совета, готовил документы и характеристики кандидатов. Характер «уточнений» ему не нравился, но окончательно все стало ясно, когда директор института (он же и руководитель совета) однажды сообщил, что по положению на одну премию можно выдвинуть группу только из шести человек. А седьмым по списку числится Юлдашев, он, мол, еще молод, всего тридцать четыре, оставим на следующий раз, у него все впереди, ну и так далее. Эти слова директор произносил, как показалось Аброру, при

гробовом молчании членов совета. Но стоило директору кончить, и молчание поспешил нарушить сторонник Шерзода Бахрамова. Он, конечно, поддержал предложение, а потом снова наступило тягостное безмолвие. Директор жестко спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Аброр поерзал на стуле, уперся взглядом в пол. Он молчал и чувствовал себя при этом последним человеком, малодушным, алчным, бессовестным. Как много сил, энергии, таланта отдал Хатам Юлдашев этому проекту, выдвинутому на премию! По сути, это ведь он, Юлдашев, был мотором всей их рабочей группы, его обойдут, а Шерзод Бахрамов, не сделавший и десятой доли...

Словно издали Аброр услышал голос директора.

— Ну, если нет других предложений...

Презрение к себе стало непереносимым, удушающим. Аброр поднял руку и глухо произнес:

— Юлдашева предлагаю оставить... Мне неловко это говорить. Но другие почему-то молчат, тогда я должен сказать...

И Аброр стал говорить об огромном вкладе Юлдашева в их общую работу, о его идеях, истинно творческих, а вот товарищ Бахрамов... многие ведь знают, что Шерзод почти отвык работать как зодчий... долгими часами склоняться над чертежной доской, днем и ночью искать новые решения — на это ему не хватает ни времени, ни выдержки, ни, прямо сказать, способностей. Он больше любит сидеть за столом с разноцветными телефонными аппаратами, посредством которых поддерживает «нужные контакты». И за это — в первую авторскую тройку?

— Мне стыдно... Предлагаю вместо Шерзода Бахрамова поставить Хатама Юлдашева.

Самого Шерзода на заседании совета не было — он уже тогда работал в другом учреждении, рангом выше. Но на защиту Шерзода поднялся сам директор. Иронически взглянув на Аброра, директор заметил:

— Быть самоотверженным по отношению к нашему коллеге Юлдашеву похвально. Но товарищ Аброр Агзамов хочет доставать каштаны из огня чужими руками: он проявляет самоотверженность за счет Шерзода Исламовича Бахрамова...

Аброр понял, что, сказав о творческой немощи Бахрамова, он нечаянно задел и своего директора, который

тоже давно не держал в руке чертежных инструментов. Выдвигал идеи, а потом становился во главе «коллектива авторов».

— Сайфулла Рахманович, я говорю не только о технических решениях — не помню случая, чтобы Бахрамов подавал нашему авторскому коллективу и оригинальные идеи, хотя бы в общей форме...

— Нет, нет, товарищ Агзамов, вы все-таки припомните поговорку: «Ножом ударь сперва себя и, если не будет больно, ударь другого».

Ах, так!.. А молчаливые коллеги, видимо, и в этом согласны с директором? Аброр вспыхнул:

— Хорошо. Если товарищи считают необходимым выдвинуть Юлдашева вместо меня, то я буду только рад за него...

До сих пор он помнит, что от этих слов не испытал тогда никакой радости. Через минуту-другую почувствовал обжигающую боль. Не из-за премии, нет. (И Юлдашев, и Бахрамов получили-таки премию, а Аброр по своей воле ее лишился.) Не столько из-за потери премии было ему больно и досадно. Больше оттого, что необдуманном своим выступлением проиграл еще одно сражение с Шерзодом Бахрамовым.

Шерзод и его сторонники до сих пор при всяком удобном случае напоминают Аброру — то косвенно, а то и прямо, — мол, помни поговорку: кто роет яму другому, сам туда попадает...

Сегодня в аэропорту Аброр не мог не увидеть лауреатской медали на пиджаке Шерзода. Предполагал, видно, Бахрамов, что встретится с ним, с Аброром. Не без умысла нацепил медаль, не без умысла. Вызвать растерянность и зависть у Аброра — это у Шерзода со студенческих лет заветное желание. Со студенческих лет, когда Аброр и Шерзод частенько сражались за шахматной доской и когда каждый неудачный ход Аброра вызывал радость соперника, почти неприличную.

Ну, а он сам, Аброр, совсем чист в отношении своем к Шерзоду? Не завидует ли однокашнику? Иногда Аброра даже удивляло постоянство того душевного напряжения, с которым он следит за Шерзодом. Чуть только зарубцевалась ранка, нанесенная бахрамовскими притязаниями на Вазиру, — так эта история с премией! Притупилась и эта боль — так на тебе, будто назло, около дома, можно сказать — под носом, развернулась эта стройка кооперативного дома!

Чисто и просторно было во дворе раньше. А сейчас «Жигули» у подъезда не поставишь. Домой приходится добираться через горы земли, груды булыжника, с осторожностью шествуя вдоль деревянного забора.

— Зафар, не вздумай на самокате по улице разъезжать!

— А где же мне кататься? — спрашивает Зафар, вылезая из машины и недовольным взглядом окидывая деревянный забор. — Здесь стройка...

— А тротуар?

Дети привыкли к простору двора, им, конечно, тесно на этой полоске грязного асфальта между стеной дома и высоченным деревянным забором. Но Зафар покорно соглашается:

— Хорошо, папа... До свидания!

Аброр взглянул на часы — он уже опаздывает на работу — и поспешно отъехал. Асфальтовая дорожка, огибая дом, выводила к магистрали. Но за углом, поперек дорожки, стал землеройный трактор — готовили траншею под водопровод. Аброр дал задний ход, собираясь объехать дом с другой стороны, но тут из-за деревянного забора, натужно урча, вылез тяжелогруженный самосвал. В его кузове горой-конусом возвышался свежесвынутый грунт, из-под колес летели комки глины. Увесистый ком ударил в капот «Жигулей», брызгами запачкал лобовое стекло. Аброр затормозил, стал осторожно вылезать из кабины — не ругаться с водителем самосвала (тот уже удалялся, устилая за собой путь песком и глиной), а просто очистить стекло от этого «бахрамовского ошметка», как выругался он в сердцах. И снова ожило перед глазами недавнее: бегущие к самолету, совсем рядом — Вазира и Бахрамов... Снова в душе колыхнулась давняя гнетущая злость...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Самолет летел над плотными слоями облаков, в совершенно чистом, залитом ослепительным солнечным сиянием небе.

Было покойно и приятно.

Откинули укрепленные на спинках кресел столики, приступили к завтраку, поданному на легких голубоватых подносах.

Шерзод, стараясь не задеть соседку, протянул руку за пластмассовым стаканчиком с чаем. Вазира заметила, как на безымянном пальце его руки блеснуло обручальное кольцо.

Курица была мягкой, рис хорошо проваренный. Вазира сказала:

— Неплохо, правда? Во всяком случае, Аэрофлот кормит вкусней, чем иные рестораны. Или это мне только кажется?..

— Да нет, вы правы. Мне тоже нравится. — Шерзод готов был поддержать разговор о еде.

— А вот чай похуже, верно?

— Вообще-то говоря... да, — согласился Шерзод и тут же рассмеялся. «Вообще-то говоря». Вообще-то говоря, он бы хотел перевести беседу в другое русло.

Белозубая улыбка очень шла Шерзоду, молодила его. Правда, над висками волосы немного поредели, да и под глазами появилось немало морщин. Брови тоже утратили былую мягкость, заметно отросли и погрубели.

Вазира не успела отвести взгляд — Шерзод перехватил его. Чувство приятной успокоенности, естественности оставило их. Вазира ела курицу совсем бесшумно. Шерзод сначала допил чай, потом тоже взялся за курицу.

— А в самом деле — ничего!..

— Вы помните, Шерзод, как на Чимгане мы делали шашлык из куропаток?

— Где? — Шерзод повернулся в кресле, насколько позволял это сделать столик, прямо взглянув в сверкающие черные глаза Вазиры.

— А у Двенадцати ключей! Я-то вот помню.

«Не меня, Аброра помнит», — подумал Шерзод. Ведь это Аброр тогда настрелял горных куропаток-кекликков, а шашлык ели все, и все от души нахваливали охотника и повара.

— Знаем, знаем, — усмехнулся Шерзод, — ваш супруг из удачливых охотников.

Прозрачный намек на бывшее соперничество за нее, Вазиру? Аброр оказался победителем. Но почему же Шерзод улыбнулся так снисходительно? Дело далекого прошлого, не таких, мол, красавиц потом видели?

Вазира почувствовала, что вот-вот начнется тот серьезный разговор, которого опасалась и от которого, как она понимала женским чутьем, уйти было нельзя.

Самолет мягко и незаметно сделал вираж; яркий луч

солнечного света из иллюминатора сдвинулся к креслам и упал на лацкан пиджака Шерзода. Лауреатская медаль отразила его, и луч жарко стрельнул в глаза Вазиры... Снисходительный тон — скажи пожалуйста... Да ее Аброр тоже мог бы стать лауреатом, не выступи в защиту Юлдашева так благородно и так... неуместно.

Вазира тщательно вытерла руки салфеткой. Повернулась снова к собеседнику.

— Но зато вы оказались в числе удачливых лауреатов!

— Ваш муж хотел лишить меня и этого.

— Потому и был наказан судьбой. Нет, кроме шуток, я считаю, что в той деликатной ситуации Аброр повел себя не вполне тактично. Я ему говорила об этом.

Будто в доказательство искренности своих слов, Вазира протянула руку к Шерзоду и тронула его лауреатский значок. Приятны, что тут скрывать, приятны были ему и слова ее, и нежное прикосновение.

— Я восхищен вашей независимостью, Вазира! Право же, Аброр еще должен до вас дорасти.

Вазира чувствовала, как настойчиво Шерзод отделяет ее в разговорах от мужа. И тем настойчивее, чем дальше уносил ее от Аброра самолет. Ей почему-то стало боязно.

— Кое в чем и я должна дорасти до него.

— Я так не думаю... [?] все-таки, примерно, в чем?

Вазира ответила не сразу.

— В совестливости. В умении болеть душой за других... Ведь Юлдашев получил тогда премию только благодаря Аброру...

— Да, как в газетах пишут, самоотверженный герой нашего времени. В самоотверженности, вообще говоря, ему не откажешь.

Шерзод произнес свою колкость так высокопарно-иронично, что видно было, сколь высоко он ставил себя по сравнению с Аброром.

— Вам бы, Шерзод, не мешало занять хотя бы частичку его самоотверженности.

— Не очень-то помогает она в деле. Даже в борьбе за добрую, гуманную цель.

— Вы не правы, и жизнь это уже доказала.

— В чем конкретно?

— Тот кооперативный дом... помните... Несправедливо, да и плохо, безграмотно поставили его. Аброр очень надеялся на вас.

— Надеяться легко, — пожал плечами Шерзод.

Во что бы ему эта безоглядная решительность и настойчивость обошлась? Со столькими людьми пришлось бы в жаркие споры вступать, кое с кем схватиться не на шутку. Да и в чью-то немилость попасть. Из-за чего, вообще-то говоря? «И что мне такое хорошее сделал Аброр, чтобы я, оправдывая его надежду, опрометчиво ринулся в огонь?»

Шерзод не сказал всего этого, но по лицу его Вазира уловила мысленно произнесенное. «В самом деле, в каком долгу он перед Аброром?» — подумалось и ей.

Стюардесса собрала подносы.

Откидной столик — теперь на место, в прорезь мешка на спинке переднего кресла; свое кресло откинуть назад, самому расслабиться, чуть вытянуть ноги.

Покойно и приятно.

— Поверьте, Вазира, — голос Шерзода звучал мягко, убеждающе, — я всеми этими обидами по поводу жилищного строительства сыт по горло. Им конца-краю не будет. Никогда. Для кого-то делаешь добро, но тем самым кому-то другому причиняешь зло... Потому-то я сейчас на другую работу и перешел.

— Да, я слышала, вы получили повышение. Поздравляю!

— Спасибо, Вазира!.. Только я ведь не из-за должности... Вы знаете, конечно, что землетрясение вывело из строя всю прежнюю систему водоснабжения Ташкента.

— Так уж всю? Земля разверзлась и все арыки проглотила?

Арыки не арыки, но, по мнению Шерзода, лучше осваивать безводную степь, нежели благоустраивать большой город. Что степь! Чистый лист бумаги, на котором пиши или рисуй что хочешь. А чтобы перестроить коммуникации большого города, надо сначала — да, не иначе! — разрушить старое до основания. Тут под землей целый мир: реки холодной и горячей воды, газ, канализация, электрокабели. Чтобы заново все переоборудовать, весь город на поверхности вдоль и поперек перероешь... А эти старые арыки! Пусти в них воду, так она сразу и в свежестрытые траншеи поровит. Вода проникает под новые дома, фундаменты начинают давать осадку сверх нормы. Аварии, скандалы... Представьте себе: каналы Бозсу, Салар, Бурджар, Кукчинский канал, Карасу, Жанггох, Чорсу, Ботирма, Кайирма, Ялангач. А еще Тал-арык, Румол-арык, Гурунч-арык.

— Диковинные названия, я их все и не знала, — удивилась Вазира.

О, есть арыки с еще более потешными названиями... В той стороне, где лежит канал Карасу, есть арык, который называется Пулемас, — значит, не требующий денег. Шерзод подсчитал, во сколько примерно обойдется бетонирование его русла, и оказалось — около миллиона рублей! Вот тебе и Пулемас — эдакую прорву денег слопать готов! А тех средств, которые выделяет горсовет, и на закуску для теста не хватит, не то что на пироги. Поэтому он, Шерзод, и обратился за помощью к богатым родственникам — в Министерство водного хозяйства («Вон впереди сидит наш попутчик с портфелем... он и есть один из богатых родственников»).

Рассказывал Шерзод внимательно, и слушать его было интересно. Временами Шерзод заглядывал в глаза Вазиры, не переставая дивиться, какие они у нее угольно-черные. А ресницы? Как и раньше, в годы студенческие, — густые и нежные, и брови шелковистые. Смотреть на Вазиру, будто исподтишка изучать ее лицо было для Шерзода томительным, но и непреодолимо влекущим удовольствием. Завоевать душевное ее расположение, а не просто приударить за миловидной женщиной — вот чего ему хотелось.

— Вообще говоря, ха-фум, тяжелый это труд — поддерживать систему орошения. Ведь есть же края, где когда нужно идут дожди, где сам бог круглое лето дает влагу всему зеленеющему, всему растущему. А тут без рукотворных каналов ничего не вырастет! Да к тому же — выкопал канал, выкопал арык, и мучайся потом с ними, ухаживай как за капризницей какой-нибудь.

— Зато у нас и накопился тысячелетний опыт в этом. — Вазира улыбнулась. — Как мой муж любит говорить, опираться, опираться нужно на живые традиции народа... Сейчас много говорят о ландшафтной архитектуре. Она ведь тоже — народное творчество, вы не находите?

Шерзоду показалось, что Вазира опять нарочно помянула Аброра. Говорить с этой женщиной было приятно, однако беспокойно.

— Ваш муж тем самым доказывает... можно сказать откровенно? Не обидитесь?

— Нет, нет, пожалуйста, скажите!

— Доказывает тем самым... свою ограниченность,

свой консерватизм! Он застрял в узких рамках национальных традиций...

— Как вы умеете перегибать палку, Шерзод! И какой вы, оказывается, злой!

— Вазира, вы же дали слово не обижаться.

— Да, но Аброр совсем не заслужил таких обвинений.

— Заслужил, заслужил... Я знаю, ваш муж защищал диссертацию по ландшафтной архитектуре, он добивается, чтоб ему дали кафедру ландшафтной архитектуры. Ходил даже в министерство с таким предложением... И опять почему-то меня прилетал к фактам — не буду скрывать, и такое случается! — неразумного, то ропливого «покорения природы».

Вазира вновь ощутила, какой опасный поворот приобретает их разговор.

— Кто вам такое сказал, Шерзод? Неужели вы думаете, что Аброр за вашей спиной...

— Ханум, я ничего плохого не думаю, я говорю только о фактах.

«В конце концов эти постоянные стычки Аброра с Шерзодом мне надоели», — подумала Вазира. И мужу и ей они приносят только неприятности. Может быть, удастся за время поездки в Москву пусть немного, но смягчить конфликт, хотя бы рассеять осложняющие его недоразумения, а женское чутье ей подсказывало, что недоразумения эти проистекают из-за бывшего соперничества двух мужчин.

«Как она простодушно верит, что сумеет одним махом помирить нас», — подумал Шерзод и припомнил недавний свой разговор об Аброре в министерстве, в кабинете одного начальника...

Бахрамову, как авторитетному эксперту, была дана целая кипа предложений и объяснительных к ним записок, поступивших из института, который занимался проблемами градостроительства. Бумаги подписал директор института, но составлены они были, судя по характеру идей, в них излагаемых, Аброром Агзамовым. Во всяком случае, при его активном участии. В бумагах, например, настойчиво проводилась мысль о необходимости для Ташкента открыть кафедру ландшафтной архитектуры. Аргументы напоминали статьи и выступления Аброра, знакомые Шерзоду. Поначалу он даже спросил себя, а не лучше ли будет поддержать Агзамова, поскорей ушел бы на эту кафедру, занялся бы

теорией — все подальше от той области, в которой они уже сталкивались и столкнутся, как чувствовал Шерзод, еще не раз, и по-крупному. Но Шерзод Бахрамов рассудил, что данное решение было бы опрометчивым: Аброр Агзамов при его энергичности мог укрепиться и предстать не только основателем новой кафедры, но чуть ли не зачинателем нового направления градостроительства, городского благоустройства. У Агзамова могут появиться последователи, и с удесятеренной силой он будет, конечно, нападать на то, что делает Бахрамов, в том числе на дорогую сердцу Шерзода идею бетонирования всех водных артерий Ташкента. Нет, надо опередить Аброра!

...Шерзод не без удовольствия припомнил и сейчас, сидя в мягком, удобном кресле самолета, как сумел тогда тонко и сдержанно, бесстрастным, ровным голосом доложить министерскому начальнику, что идея, конечно, неплохая, помечтать о подобной кафедре можно, но открывать ее еще преждевременно.

— Во-первых, сейчас всюду идет борьба за экономию, в частности за сокращение штатов, а тут сколько потребуется... гм... зрителей и просто сторожей за ландшафтами. Во-вторых, сама ландшафтная архитектура как научная дисциплина только начала у нас формироваться. Даже в Московском архитектурном институте эту кафедру, вообще говоря, открыли совсем недавно.

— Но именно там Агзамов кончал аспирантуру и защищал кандидатскую, — возразил начальник.

— Да, отдельные специалисты в Москве есть, они-то и помогли ему.

— Но тут вот написано, что в Киеве работает такая кафедра. А в Болгарии и Чехословакии существуют даже факультеты ландшафтной архитектуры.

— Что с того? В буржуазных странах есть специальные институты подобного профиля. Богатые миллионеры строят себе замысловатые виллы, разбивают сады на берегах океанов и морей или возле разных ниагар. Им как раз нужно побольше ландшафтных архитекторов. А нам увлекаться этой роскошью... — Шерзод пожал плечами.

— Шерзод Исламович, когда-то, в двадцатые годы, галстук считался буржуазным пережитком. Вы-то не помните, но был и такой «классовый подход»... Мы

сейчас с вами ездим на собственных машинах, а в довоенное время это тоже многие считали непозволительной роскошью... Жизнь учит отличать ненужное от неосуществимого в данный момент, а преждевременное — от становящегося необходимостью.

Шерзод почти весело хохотнул тогда, как бы признавая свое поражение в споре, касающемся столь высоких материй.

— Вы правы, вы правы... Ландшафтная архитектура должна служить нашему трудовому народу. Это искусство мы не должны отдать на откуп капиталистам. Это и наше перспективное искусство! Вот почему я от души поздравил Агзамова, когда он защитил диссертацию.

— А вы его хорошо знаете?

— Как же, пять лет учились вместе.

— Он перспективный работник?

— Мы однокашники, я должен защищать его и поддерживать.

Если ты хочешь напасть на кого-то, сделай вид, что вроде защищаешь и поддерживаешь его, — маневр старый, проверенный, дающий потом преимущество в падении. Шерзод так убедительно произнес последнюю фразу, что начальник попался на крючок.

— Я не имею в виду ваши приятельские отношения, но... Агзамов... человек... нуждающийся в защите? От кого, от чего его защищать?

— Он очень способный, но, вообще говоря, с загибами...

— В какую сторону?

— В сторону национальной ограниченности... абсолютизации национальных традиций... Скользкие интерпретации, понимаете?

— Значит, вы и в этом защищаете его...

— От него самого... Приходится критиковать. Потоварищески, но... В идейных вопросах на компромисс я не иду.

Такой ответ явно тогда понравился собеседнику Шерзода. Начальник задумался, начал листать-перелистывать присланные бумаги.

— Так. Значит, по ландшафтной архитектуре у нас один специалист... этот самый Агзамов... И такой специалист, что... Один в поле не воин, а?

— Потому я решил сказать, что пока мы только можем мечтать и о настоящей нашей ландшафтной,

архитектуре, и о соответствующей кафедре. Сейчас открыть такую кафедру мы не готовы.

— Ну вот что: набросайте-ка мне вкратце ваши аргументы, чтобы я мог доложить дело министру.

Шерзод заколебался: доверительный разговор с глазу на глаз и письменное заключение эксперта, которое будут читать многие, в том числе, возможно, и сторонники идеи Аброра... Разница, черт возьми, существенная.

Теперь-то, в аэрофлотском кресле, он улыбнулся умиротворенно, припомнив свой встревоженный вопрос тому начальнику:

— За своей подписью?

Начальник понимающе усмехнулся:

— Да нет, без подписи. Для моего... для внутреннего пользования.

И Шерзод изложил свои аргументы в «служебной шаргалке», без подписи; да он при этом чувствовал неприятную тяжесть на душе, но постарался успокоить себя: пройдет, пройдет, как проходит тяжесть похмелья. И тяжесть легко и быстро оставила его; мало того, душа настроилась на мажорный лад, будто он выиграл еще одну шахматную партию у Агзамова. Да, да, Шерзод сумел лишить подвижности фигуры Аброра. Ищи не ищи выход, бейся даже головой об стенку, а кафедре ландшафтной архитектуры мат, неизбежный и неотвратимый...

Ах, Вазира, милая Вазира, — Шерзод повернулся в кресле, поймал вопрошающий взгляд Вазиры, — наивная, милая женщина, которая рассчитывает на свою былую власть над ним, Шерзодом, на власть своей поблекшей, хотя, не будем скрывать, еще вовсе не увядшей красоты... Вазира все еще верит, что одними разговорами сможет помирить его с Аброром. Ну пусть, пусть верит, ему нравится наивность таких симпатичных женщин...

После долгой паузы Шерзод ответил Вазире, что разговоры о кафедре, которую пробивал Аброр, шли повсюду — на факультете и в министерстве; вполне допустимо, конечно, предположить, что об интригах Аброра ему, Шерзоду, умышленно нагнали.

— Вы ведь читали его книгу? — спросила Вазира с надеждой перетянуть Шерзода на свою сторону.

— Да, читал! — как бы поддаваясь ей, ответил Шерзод.

— Ну, припомните, Шерзод, о каких краях там идет речь?

О каких? Да о многих. Об орошаемых землях Казахстана и Украины, Туркменистана и Ставропольщины.

Шерзод перечислил.

А Вазира добавила, что Аброр не раз ездил по этим землям, изучал постановку проблем ирригации, Вазира была на защите в Московском архитектурном институте, ученые говорили тогда о всесоюзном значении работы Агзамова.

— Разве национальная ограниченность в этом, Шерзод? — спросила вдруг неожиданно резко Вазира.

— Я с вами не спорю, ханум, относительно успеха вашего супруга в Москве, но в Ташкенте, вообще говоря, он уж очень цепляется за старые традиции.

Аброр требует сохранить зеленые берега старых арыков, он был бы прав лет эдак пятьдесят назад. Тогда почти не было водопроводов, да и многоэтажных домов... сколько их было? Люди пили из арыков воду и потому содержали их в чистоте. «Осквернить арык — все равно что осквернить отчий дом или скатерть-дастархан», — такое убеждение не случайно, конечно, возникло. Арыки аккуратно чистили вручную. Сколько труда на это уходило! А сейчас всюду канализация, вода в трубах, и о чистоте арыков мало кто думает. Бросают туда всякий мусор, отбросы. Чистить их некогда и некому. Экономия общественного труда предполагает сокращение профессий, основанных на ручном труде, разве не так? Арыки стали... рассадниками антисанитарии, и только! Зачем же теперь цепляться за них? Потому он, Шерзод, и ратует за то, чтобы прежние арыки повсюду заменить бетонными водопроводами.

Вазира видела такие лотки в Голодной степи. Они там действительно экономят воду, облегчают труд. Их там не хватает, за ними охотятся. Но в Ташкенте в каждом новом дворе сколько лишних бетонных лотков установлено! Бетон, бетон... Экономика, урбанизация... Но бетон ведь — он тоже дорогой! Его не хватает. Особенно велика нужда в бетоне у метростроителей Ташкента. А тут масса бетонных лотков без воды, потому что старая, еще махаллинская, арычная сеть разрушена, а новая не налажена. Вокруг бетона ничего не растет. А по обеим сторонам арыка всегда трава, цветы, тутовник. А потому и воздух возле арыка чище... Аброр говорит, что

арыки — это своего рода корни, пущенные человеком в землю, великий дар матушки-природы.

— Как вы, оказывается, красноречивы, милая собеседница ханум! Ваш муж мне тоже говорил об арыках с таким жаром, будто Леонид Леонов — о русском лесе, — полушутливо уколол Шерзод.

— Конечно, аналогия немного смешна, масштабы несоизмеримы. Но есть же и точка соприкосновения, Шерзод. Ведь и в романе Леонова бездушные люди почему зря губят живой лес и оправдываются нуждами технического прогресса. А мы губим живые берега тысяч арыков и тоже объясняем: это, мол, необходимо для НТР, для современной урбанизации!

— Помилуйте, Вазира, да разве я против сохранения живой природы? Но будем же реалистами. Какое там сохранение природы в современном городе с двухмиллионным населением? Кругом столько машин, столько асфальта, стали, стекла!

— Сказать вам начистоту? Я тоже спорю с Аброром, мне тоже кажется, что природа в таком городе, как Ташкент, должна потесниться. Не исчезнуть, я против этого, но — неизбежно потесниться. Но Аброр не согласен и со мной. У него много аргументов.

— Да какие там аргументы?! — воскликнул Шерзод с азартом, показывающим, что он готов их тут же опровергнуть.

— Главный — вода. Ее-то оказалось вдоволь не только в каналах и арыках самого Ташкента, но и за пределами города.

— Ну и что?

— Как что? Значит, наш зной можно победить. Жарким летом в прошлом году из Прибалтики приехали гости: уж не помню, какой семинар проходил. Я их сопровождала. В сорок — сорок пять жары наш фонтан-водопад на площади Ленина просто спасал балтийцев. Объявится свободный час, они сразу мне говорят: «Пойдемте в тень Ниагары», — так они окрестили наш фонтан.

— Вон как, Ниагара в центре Ташкента!.. А тень откуда?

Как всякий нынешний ташкентец, он знал мраморную дорожку, проложенную мостиком через бассейн, в который падают с восьмиметровой высоты каскады воды.

И Вазира и Шерзод невольно поежились, будто

сейчас их лиц коснулась прохладная водяная пыль фонтана с искринками всех цветов радуги.

— Вы проходили по этой дорожке, Шерзод, и не заметили тени? Не поверю. Припомните-ка: люди с наслаждением идут в ласковых водяных брызгах, стараются не наступить ногой на трепещущие тени струй. Веселые брызги так ластятся к тебе, что не хочешь, а засмеешься. Даже усталый, хмурый человек невольно улыбнется на этой тенистой дорожке у фонтана. Вот это и есть живая природа в центре большого города.

Даже в манере Вазиры говорить Шерзоду почудился Аброр.

— Ну, ханум совсем подпала под влияние своего отставшего от жизни мужа. Я удивлен, Вазира, куда девалась ваша недавняя независимость?

— А если муж прав? Вы-то наверняка знаете историю этого фонтана...

Шерзод поморщился — ему было неприятно вспоминать, как тогда, семь лет назад, азартно возражал он против идеи воздвигнуть в центре города фонтан-водопад. То было в год землетрясения. Неотложные дела обступали со всех сторон. Но люди хотели видеть центр своего города величественным и красочным.

Шерзод ломал голову над тем, как разместить под площадью Ленина мощные кондиционеры, которые были бы способны поддерживать в пределах нормы температуру и влажность в двух громадных административных зданиях. Эти здания и должны были, по мысли проектировщиков, задать будущей площади величественную масштабность.

Кондиционеры нуждались в большом количестве воды; ее сперва думали гнать по трубопроводу из канала Бозсу, но потом прозрачно-голубую воду обнаружили тут же, неподалеку, на глубине, и решили использовать подземный поток.

А другую задачу — придать площади красочность, колоритность — надеялись решить соответствующей увязкой бассейна, в который будет поступать вода, и сети кондиционеров с рельефом местности. Шерзод предложил легкое и, как он подчеркивал, экономичное решение: укрепить откос дерном, засадить елями, установить красивые современные плафонные осветители. В первые проекты реконструкции площади этот вариант и заложили.

Однако идея эта не удовлетворила других архитекто-

ров. Особенно Аброра. Неужели нельзя, спрашивал он, использовать воду и перепад уровней более оригинально и более эффектно, чем построение простой зеленой горки? Аброру первому и пришла в голову мысль заставить поднятую из-под земли воду ниспадать в соответствии с уступами рельефа.

Однажды поутру, после очередной бессонной ночи Аброра за чертежным столом, Вазира увидела на ватмане черновые эскизы будущего фонтана-водопада. Он еще не виделся Аброру столь внушительным и красочным, как вышло на деле, — фантазии недоставало размаха и дерзости. Казалось, вполне можно довольствоваться ниспадающей по центральной части откоса лентой воды в пятнадцать — двадцать метров шириной. Но идею смело развили коллеги...

Шерзод подыскивал наиболее удобное для себя продолжение диспута с Вазирой (опасный, обоюдоострый он получался, вообще-то говоря, и совсем не наивной оппоненткой оказывалась привлекательная Вазира...).

— Ваш муж оказался тогда правым потому, что природе не противопоставил технике, а, наоборот, нашел путь к разумному единству.

Вазира облегченно вздохнула: если ей не под силу примирить Шерзода с Аброром, то положить конец ненужному, по ее мнению, ожесточению в их борьбе она может быть, и сумеет.

Самолет вздрогнул. Солнце скрылось, за окном белосерыми горизонталями проносились разрезаемые крылом облака. Снова тряхнуло. Из сетки над головой показался край готового вот-вот свалиться черного футляра. Шерзод приподнялся, понадежней уложил футляр на полке, сел поудобней в кресло.

— Если не секрет... что это за проект в футляре?

— От вас секретов нет. Только сначала хотелось бы услышать ответ на мой вопрос, хорошо?

— Пожалуйста!

— От кого вы узнали, что я лечу этим рейсом?

— Вчера я по делам заходил в ваше управление...

Кстати, вас там не нашел.

— Я уже ушла домой собираться в дорогу.

— Мне это и сказали. Так я узнал ваш рейс.

— А вам не сказали, по какому именно делу я лечу в Москву?

— Нет. Управление хранит «военную тайну». Но я сам догадываюсь: интерьеры метро?

— Вы и вправду догадливы... Метро для нас дело новое. Опыта нет. Вот и приходится частенько ездить в Москву за советами и консультациями.

— Я думаю, придется метростроителям и с нами дела иметь.

— Что вы имеете в виду?

— А разве не предстоит проводить метротоннель под каналом Бозсу?

— Да, это очень сложная проблема.

— В Москве у меня есть знакомый, он тоже проектировал метро. Павел Данилович Катинов, знаете, наверное?

— Слышала про одного Катинова, который прокладывал тоннель под Москвой-рекой.

— Он и есть... Павел Данилович о проблемах тоннелестроения и рассказывал. Мы с ним вместе в Японию ездили. В одном номере там жили и подружились. Он и телефон свой домашний дал. Если вам нужны советы такого специалиста — я к вашим услугам.

— Спасибо... возможно, я ими воспользуюсь... А в Японии вы давно были? — оживилась Вазира.

— В семидесятом.

— В Осаке? На Всемирной выставке был показан макет нашего нового Ташкента.

— Ну, как же! В Осаке под макет Ташкента целый зал отвели.

— Неплохо выглядел? Мне тогда самой в Осаку поехать не удалось. Но материалы макета я собирала. А изготовили макет ленинградцы. Из полистирола. Очень красивый... В тот год я не раз в Ленинград в командировки летала. Как сейчас в Москву.

— Не зря летали. Макет Ташкента в советском павильоне пользовался большим, очень большим успехом, весь день посетителей полон зал. Гостиница «Ташкент», театр Навои, площадь Ленина, двадцатиэтажные здания — все как на ладони. И все это на фоне оригинальной подсветки снаружи и внутри. И конечно, в зале звучала наша певучая восточная мелодия. Когда вдали от родины видишь и слышишь подобное, охватывает такое чувство гордости, что... словами трудно выразить. Верите мне, Вазира?

— Да, я верю. Шутка ли сказать — макет нашей столицы на Всемирной выставке. На Всемирной...

— Уж кто-кто, а японцы знают, что такое замлетрясение. Учитывая это, примерно, и делали макет. Минус-

ту-другую посетители осматривают нынешний центр Ташкента. Потом вдруг макет переворачивается, и перед глазами то же место города, но до землетрясения. Помните? Неказистые приземистые домишки на берегу Анхора. Старая улица Лахути и так называемая Кашгарка. Сырцовый кирпич кругом. Тесные улочки. А вот и разрушенные землетрясением старые дома. И стены в трещинах... Так минуту-другую держат панораму прежнего Ташкента, а потом макет снова медленно переворачивается — опять предстает обновленный город. Вообще говоря, Ташкент давно нуждался в перестройке — землетрясение ее ускорило.

Вазира усмехнулась:

— Поняла. Ответ полный и правильный.

Шерзод сам ощутил излишне поучительный тон своего рассказа. Усмехнувшись, спросил:

— Может быть, будет еще и дополнительный вопрос, учительница-ханум?

— Значит, твердую пятерку захотелось? Ну что ж, тогда вот... Говорят, женщины в Японии очень красивые. Кто там побывал, любовались. Ваша точка зрения?

— Японки, вообще говоря, очень красивые, это верно, и слава о них, примерно, не зря идет. Но на вкус... ташкентки красивее!

Вазира невольно зарделась. Подосадовала на себя, но ответила по-былому, по-студенчески, задорно и шаловливо:

— Садись, Ахметка, — пять отметка!

Оба засмеялись.

И время полетело легко и незаметно, в шуточной непринужденности, в спокойствии аэрофлотовского уюта, а для Шерзода еще и в ожидании чего-то приятного впереди, в Москве.

Поднимая все выше правое крыло, самолет стал делать левый разворот. Солнечный луч скользнул по груди Вазиры, задержался на лице.

— О, да здесь, смотрите-ка, Шерзод, совсем ясное небо! — воскликнула женщина, радуясь тому спокойному и доброму, чем была полна ее душа.

— Да, а вон и леса чернеют!

Над дверью в салон вспыхнула надпись по-русски и по-английски: «Не курить! Пристегнуть ремни!»

Шерзод взглянул на часы:

— А быстро мы долетели!

«Все-таки очаровательная женщина, эта Вазира. И

была, и осталась о-ча-ро-ва-тель-ной!» — произнес он про себя, медленно, отдельно, по слогам, словно продлевая удовольствие, получаемое от такой оценки.

Концы серых брезентовых ремней свешивались по обе стороны кресел. Нагнувшись вправо, чтобы достать свой ремень, Вазира непроизвольно оперлась на руку Шерзода, согнутую в локте.

— Я вам помогу...

— Спасибо, я сама.

Уши у Вазира заложило, в глазах чуть потемнело. Она плохо переносила посадку. Поудобнее устроилась в кресле, запрокинула голову, закрыла глаза. Постаралась сидеть не шевелясь.

Шерзод, чуть наклонившись над соседним креслом, любовался красивой шеей Вазиры, ее высокой грудью. Через иллюминатор было видно Подмоскowie.

— Здесь все еще весна. И зелень такая свежая... Все-таки хорошо жить в прохладном климате... Вазира, вы в какой гостинице собираетесь остановиться?

— В «России».

Шерзод обрадовался:

— И нам в «России» места заказаны! Значит, втроем в одном такси поедem.

Вазира открыла глаза, увидела близко от себя улыбающегося Шерзода, постаралась выпрямиться... Откинулась смущенно.

— Приземлимся сначала.

И смущение ее показалось Шерзоду очаровательным. Москва, гостиница «Россия», предстоящие «командировочные» дни — все обещало быть мажорно приподнятым и увлекательно приятным.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бозсу — недаром так называли эту речку. Она издавна орошала целинные земли, потому и называли «целинная вода». А еще слово «боз» означает — белая чистая ткань. Вода в речке и впрямь такая. Только когда весной дожди зарядят, мутнеет ее вода, а в иные месяцы чистая, прозрачная течет речка, словно гладкое белесое полотно стелется.

Аброр вырос на берегу Бозсу, сызмальства плескался в ее легких нестрашных волнах: на его памяти, у речки появилось другое имя — Анхор, канал Анхор. Во

многих документах и по сей день река Бозсу, протекающая через центр Ташкента, именуется Анхором. Однако это все та же речка!..

Стол окружен сотрудниками архитектурной мастерской, которой руководит Аброр. На чертежном столе Аброра лежит план, выполненный в цвете.

Бозсу голубой ленточкой змеится, петляет, огибает ташкентские холмы свободно и красиво.

Аброр неотрывно смотрит на план, над которым просидел дни и ночи, и с тревогой думает: поймут ли его коллеги?

— Аброр Агзамович, Бозсу считается старинным каналом. А у вас тут настоящая своенравная река.

Первая реплика обнадеживает. Аброр отвечает:

— Так строили в старину, тысячу лет назад. У ташкентцев не было тогда техники, вроде современной, они слушали подсказки ландшафта.

— Неужели у Бозсу тысячелетний возраст? — Недоверчивая Лена пожимает плечами, лицо в милых веснушках недоумевают.

— Если не больше, Леночка. Ташкенту две тысячи лет. А ведь никакое поселение в наших природных условиях не может существовать без орошения, стало быть, без арыков, без каналов.

Другой сотрудник, Карим Махкамов, лысеющий полный человек лет сорока (в мастерской его звали в глаза и за глаза Эрудитом), добавил:

— Я где-то читал, что самыми древними каналами Ташкента были Салар и Джун. Не Бозсу.

Аброр поддержал Эрудита. Да, древний Ташкент, знаменитый Шаш, зародился на берегу канала Джун. Сейчас это место находится в южной части города, неподалеку от аэропорта, называется Шаш, а в народе говорят Таштепе. Когда Шаш разрушили кочевники, город передвинулся на пять-шесть километров от старого места к северо-востоку, на берег канала Салар. И стал называться Мингурюк — то есть «тысяча урюка». Сейчас это место — вблизи Музея искусства Ташкента, где швейная фабрика «Заря Востока». Однако этому Мингурюку не суждена была долгая жизнь — в седьмом веке он оказал отчаянное сопротивление арабам, но военачальник халифата Кутейба все-таки сжег его дотла, после чего центр древнего Ташкента ушел еще на несколько километров к северу и возродился под наз-

ванием Бинакет, — это там, где ныне находятся медресе Кукельдаш, цирк и театр «Ёш гвардия»¹.

Рассказывая, Аброр вел незачиленным карандашом по голубой ленте реки на плане. Приглашал сотрудников обратить особое внимание на умело проложенное русло Бозсу древними мастерами. О да, они знали особенности своей земли, знали свои холмы и взгорья, они как бы и не препятствовали естественному, природному течению реки, лишь поправляли его, совершенствуя нерукотворные рукотворным — чуть расширив, или чуть углубив, или несколько спрямив речное русло. С ювелирной точностью учитывали они и угол наклона, и скорость течения, и характер дна под водным потоком, находя соответствие меж подводными пластами земли, каменистыми, твердыми, и неровностями рельефа, создавая умеренное течение, которое сохранялось веками. Если бы канал был прорыт с бóльшим, чем надо, наклоном, течение за сотни лет превратило бы русло в глубокий овраг, в каньон. Бозсу берет начало от порывистых горных речек Угам и Коксув, а по центру Ташкента и поныне течет так выверенно спокойно, что можно с берега зачерпнуть воду в пригоршню. Чудесна эта близость Бозсу к человеку, древний канал-река — будто прирученный олень.

— Но за парком Победы или пониже, в Бурджаре, оврагов хватает, — вновь возразил Аброру Карим Махамов. Он не только эрудит, но к тому же и дальний родственник директора проектного института, в подчинении которого находилась их мастерская.

— Карим-ака, — мягко заметил Аброр, — мы сейчас говорим о той части Бозсу, которая протекает по центру города. Красиво, не так ли?

— Тут в двух местах Анхор слишком уж петляет, не так ли?

— Но в этом естественном изгибе и есть своя красота. Это как раз и делает канал рекой... Мы же ландшафтной архитектурой с вами занимаемся... Такой рисунок богаче, интересней, чем прямая линия.

— А сколько лишней площади съедят у нас эти петли? В центре города каждый квадратный метр на особом учете.

— По-вашему, русло надо спрямить?

¹ «Молодая гвардия».

— Ну, не мне такие вопросы решать, есть более компетентные люди.

— Но мы ведь с вами творческие люди, наше мнение — мнение специалистов, с нас и спрос особый.

— Не знаю, не знаю... Общую идею этого вашего плана, Аброр Агзамович, не улавливаю.

— Общая идея? Бозсу — это памятник древней культуры, искусства, если хотите. Он создан умом и руками народа, и его нужно беречь, как берегут памятники архитектуры в Самарканде и Бухаре. Когда в Ташкент приезжают туристы и просят показать его исторические места, их везут в старый город, показывают древние усыпальницы, медресе Кукельдаш. Кто спорит, все это — произведения, достойные памяти потомков. Но почему не вспомнить, что есть еще один, тысячелетний памятник — канал Бозсу? Может, потому и не вспоминаем, что Бозсу до сих пор живет и работает? Но вдвойне славно создание народное, раз оно живет тысячу лет и все еще трудится в полную силу... Верно, берега канала во многих местах надо ремонтировать. И русло кое-где подновить, укрепить. Но не спрямлять! Не вольничать по-своему!

Карим Махкамов иронически засмеялся.

— А вы знаете, я где-то читал, что в прошлом веке Бозсу обрамляли такие густые заросли, такое дикое буйство царило здесь, что тигры прижились. Да, да, тигры в Ташкенте, ну, около Ташкента. Об этом писали очевидцы. Вы как, Аброр-ака, не хотели бы восстановить те непроходимые заросли вместе с тиграми?

— Было бы неплохо, Карим-ака! Вы никогда не читали о том, что тигры — гордость леса — благодаря заботе человека вновь стали обживать уссурийскую тайгу? Неподалеку от больших городов, представьте себе!.. Жаль, что в прошлом веке ташкентцы не завели Красную книгу.

Коллеги посмеялись. Правда, Карим Махкамов тут же и нахмурился, отошел к чертежному «комбайну», развернутому вдоль одной из стен мастерской.

Скептицизм Эрудита настораживал Аброра. Чувствовалось, что какая-то невидимая, но крепкая нить связывала лысеющего толстяка с Шерзодом Бахрамовым. Да и почему невидимая? Аброр знал, что Махкамовы и Бахрамовы дружат семьями. Карим Махкамов женат на старшей сестре директора института Сайфуллы Рахманова и, таким образом, превратился в связую-

щее звено между Рахмановым и Бахрамовым. Когда Шерзод добивался выдвижения своей кандидатуры на премию, Карим, разумеется, способствовал этому. И все они торжествовали, когда добились успеха.

Изо дня в день работать в одной комнате с человеком, который каждое твое слово мог преподнести директору в превратном свете и каждый творческий замысел, тот, что пока еще держится тобой в секрете, выдать сопернику, Бахрамову, — это ли не наказание аллаха? Вот и сейчас Махкамов недовольным своим видом показывал, что Аброр проводит время за пустыми разговорчиками, а между тем дирекция нас всех обязала... дала срочное задание...

И впрямь — в ближайшее время мастерская должна была представить рабочие чертежи нового скверика в центре города.

Осторожно свернув план-проект Бозсу, Аброр подал всем знак — разговор, мол, закончен...

Так... Вот они, чертежи скверика... Просто, ясно. И скучно. Что бы тут придумать все-таки?

Аброр взял лист белой бумаги, обозначил легкими параллельными штрихами шумную городскую магистраль — она шла вдоль предполагаемого сквера. «Ну хорошо, расположим по периметру скверика дубы, чинары, клены...» Символические знаки Аброр набрасывал быстрыми, четкими, натренированными движениями, будто обычные буквы при письме. Причем в контурах каждого знака сразу угадывалось, чинара это, или плакучая ива, или клен. Пусть будет больше деревьев, пусть они скроют серую скуку асфальта! Но сопоставим высоту чинар и ширину площади в центре сквера... Аброр рассмеялся: мда, увлекся любитель живой природы, при таком замысле площадь могла оказаться со временем полностью затененной пышными кронами.

Аброр решительно перечеркнул набросок, взял еще один чистый лист. Но на столе зазвенел-загремел телефон. Внутренний, с трехзначным номером. Аброр снял трубку, готовый сердито выговорить тому, кто мешал ему сосредоточиться.

— Алло!.. Аброр Агзамович! — раздался в трубке знакомый басовитый голос.

Говорил директор института. Аброр непроизвольно прижал трубку плотней к уху.

— Я слушаю вас, Сайфулла Рахманович.

— Не могли бы вы на минутку зайти ко мне?

— Сейчас?

— Да... Если вы не очень заняты.

Обычно, когда дело не было очень важным и потому срочным, директор вызывал нужного сотрудника через своего секретаря, из приемной. Сам звонил редко.

— Я и сам думал зайти к вам, Сайфулла Рахманович. Иду.

Сотрудники услышали имя-отчество директора, произнесенное Аброром. Каждый подумал о проекте реставрации Бозсу, тем более что Аброр взял с собой именно этот свернутый в трубку план. У Лены все милые веснушки вспыхнули, когда она вдогонку Аброру пожелала совсем по-студенчески:

— Ни пуха ни пера, Аброр Агзамович!..

Кабинет директора находился на пятом этаже. Аброр неторопливо поднялся вверх по мраморной лестнице со своего третьего. В приемной дожидались очереди четверо.

— Проходите! Вас ждут. — Тамара, девушка-секретарь, кивнула Аброру на дверь.

Сайфулла Рахманович легким наклоном головы ответил Аброру на приветствие, жестом указал ему на свободное кресло. В другом уже сидела миловидная женщина средних лет — заведующая одним из институтских отделов.

— Продолжайте, продолжайте, товарищ Ильхамова...

— Я с нетерпением ждала вашего возвращения из командировки, Сайфулла Рахманович. Путевка в Кисловодск... Я уже и билеты купила. И вот пришла к вам с просьбой об отпуске... Графика он не нарушает, всего на три дня раньше. Заявление я принесла.

— Оставьте. Подумаем.

Ильхамова явно стеснялась в присутствии Аброра говорить о личном деле, но все-таки решилась:

— Сайфулла Рахманович, времени-то у меня в обрез осталось... Через три дня улетать нужно... Пожалуйста... Если вы сейчас подпишете....

— Зайдите потом, — сдержанно, не повысив голоса, прервал ее директор.

— Завтра?

— После выходного.

Женщина покраснела от волнения.

— В понедельник?.. Но мне в воскресенье уже улетать надо, Сайфулла Рахманович! У меня билеты на руках...

Но чем больше беспокойства проявляла Ильхамова, тем сдержанней, невозмутимей становился Сайфулла Рахманович.

— Билеты сдадите. Мы с вами прежде всего обязаны государственное задание выполнить,— проговорил он глухо.— Зайдите в понедельник...

Видно, Сайфулла Рахманович для того и пригласил к себе в кабинет Аброра, чтобы поскорей закончить неприятный разговор с Ильхамовой, которая, поняв, что дальнейшее препирательство бесполезно, упавшим голосом попрощалась с директором и вышла из кабинета.

После ее ухода Сайфулла Рахманович какое-то время молчал. Наклонил голову, будто рассматривая что-то перед собой на столе. Копна его волос густо выбелена сединой, хотя директору нет еще и сорока пяти. Из-под упавшей на лоб седой пряди особенно заметно выделялась чернота бровей. Карие глаза чуть притухшие, лицо гладкое, но сероватое. Какое-то нездоровое. «Наверное, болеет, но скрывает»,— подумал Аброр.

— Как с проектом сквера?— спросил вдруг директор.

— Дня через три-четыре сдадим.

— И то ладно... Развелось, знаете ли, слишком много работничков, которые все больше о себе думают, о том, как бы отдохнуть получше.— Неожиданно директор дал вырваться своему раздражению.— У вас в мастерской не так, слава аллаху.

Покосился на свернутый в трубку лист ватмана, который Аброр держал обеими руками, будто новорожденного.

— Что-нибудь новое?

Аброр заколебался — показывать или нет? Вон ведь как жестко обошелся директор с Ильхамовой. Коли он не в духе, то...

Увидев опасливую нерешительность Аброра, директор улыбнулся:

— Ну, не томите. Говорите да показывайте.

И без того узкие глаза Сайфуллы Рахмановича превращались в едва различимые щелочки, когда он улыбался. Будто человек зажмурился от удовольствия, и лицо его становилось воплощением умиротворенности и благодущия.

Но Аброр только успел развернуть план-проект обновления Бозсу и начал было рассказывать о своей идее, а лицо директора снова приобрело прежнее жесткое выражение.

— Можете не продолжать, — перебил он Аброра. — Я вас понял... Местность вокруг Бозсу — действительно для архитекторов ташкентских главный магнит. Недаром и самое важное учреждение здесь находится — ЦК партии. Со временем Союз писателей к берегам Анхора переедет, и парадный фасад его будет смотреть на канал. А на левом берегу мы воздвигнем здание драматического театра имени Горького... Вот поднимутся эти здания, тогда, соответственно, и будем благоустраивать, как вы предлагаете...

— Сайфулла Рахманович, вы сами часто выступаете против архитектурного разнообразия. В самом деле, отдельные здания, площади, улицы получаются у нас сравнительно хорошо. Но что касается целых ансамблей, то порой они складываются стихийно.

— А мы с вами зачем здесь сидим? Мы что, потеряли способность координировать, да, да, координировать?

— Я так понимаю свою задачу, Сайфулла Рахманович: чем многократно переделывать проекты с учетом объективных требований ландшафта, лучше один раз, но комплексно и самостоятельно разработать план благоустройства этой прекрасной местности. Кстати, лучшей зоны отдыха в Ташкенте, чем берега Бозсу, нет, — почему-то именно этим закончил свою мысль Аброр.

— Кто этого не знает?.. Я тоже люблю Анхор. Такого канала нет ни в Самарканде, ни в Бухаре. Бозсу питают горные воды, а с ними и горный воздух, и прохлада в Ташкент текут. Повторяю: я люблю и ценю этот дар природы... Да и сейчас по мере возможности мы благоустраиваем берега Бозсу, создаем там места для отдыха. Вот — парк Гагарина. Не хуже и парк Победы. Но — по мере возможности. Мы не легкокрылые птицы, а строители-реалисты, и вон сколько выстроили уже прекрасных зданий и тенистых, прохладных парков...

Аброру будто уже заранее послышалось продолжение: «Так что для вашего беспокойства поводов нет. Надо подождать, и все».

— Сколько можно ждать? И до каких пор мы будем мыслить — и хвастаться! — отдельными достижениями? — Аброр уже не старался смягчить свою речь. — Парк Гагарина хорош. Но берега канала от ВДНХ до

Урды запущены, захламлены. И от Укчи до Бурджара дел неспорот. Одно из красивейших мест канала оккупировал почему-то пивзавод...

— Это все уйдет оттуда. Подождите!

— Само не уйдет, Сайфулла Рахманович! Мы обязаны мыслить комплексно... Я много лет изучал ландшафтную архитектуру... И прошу выслушать меня.

Придав своему лицу выражение внимательной благожелательности, директор сказал:

— Хорошо, давайте просвещайте... по возможности сжато.

— Речь идет, — с жаром заговорил Аброр, — о народных традициях во взаимоотношении человека и природы... Система орошения на Востоке издавна учила, наставляла человека — сотрудничай с природой, особенно с водой, не насильничай над ними, не упрямыствуй! Жаркий климат и скученная жизнь вынуждала древних горожан Ташкента, Самарканда, Бухары ценить, если можно так выразиться, естественную логику воды. Все знаменитые садово-парковые ансамбли во времена Улугбека, Навои, Бабура, все эти Боги Баланд, Боги Шимол, Боги Дилкушо создавались комплексно, это была та самая ландшафтная архитектура, основа которой — не отдельная грядка или клумба, а река, сеть каналов и арыков. В последующие столетия архитектура во многом утратила эти традиции. Но в народе всегда жили изначальные элементы садового зодчества. Даже в небольшом дворике — городском, заметьте, пожалуйста, — деревья и цветы располагались в определенном порядке, организуемом течением воды. Арык всюду служил естественной осью планировки. «Слушай, зодчий, что говорит, что подсказывает тебе свободно текущая вода!» — вот я думаю, какой традицией мы, ташкентцы, должны особенно дорожить. Посмотрите, вот Ганчтепе — естественная возвышенность. Прекрасная по своим формам! — Аброр воодушевленно нарисовал в воздухе плавную, закругленную линию холма. — Здесь Бозсу петляет как настоящая река. Для городской ландшафтной архитектуры это редчайшая находка... Посмотрите — вот тут можно перекинуть широкий мост, над всей петлей, прямо на возвышенность. Ганчтепе сейчас — пыльный пустырь. Там нет воды. Но что нам стоит установить насос, оросить, озеленить окаймленный водой холм, посадить шаровидные карагачи, сосны, плакучие ивы, чинары, разбить клумбы цветов. А на вершине холма можно

построить красивое здание с мозаикой, с изразцами — в стиле самаркандской классики.

— А что будет в том здании?

— Например, музей истории Ташкента. С древнейших времен до наших дней. Вполне уместно, ведь вся история Ташкента связана с орошением.

— Насчет этой петли Бозсу существуют и другие предложения.

— Одно из них я знаю, Сайфулла Рахманович. Предлагают разрубить эту петлю и проложить прямое бетонное русло.

Сайфулла Рахманович нахмурился еще сильнее — уже не сосредоточенно, а мрачно.

— Нетерпимы вы, однако... Неужели все должны думать по-вашему?

Аброр вспомнил Карима Махкамова, родственника директора.

— Я имею в виду предложение Бахрамова. Этот товарищ носится с идеей сплошной бетонизации всех арыков и каналов Ташкента. И во имя торжества бетонной красоты хочет выпрямить Бозсу.

— Оставим Бахрамова в покое... вы с ним привыкли вести рыцарские турниры. — Сайфулла Рахманович обладал редкой способностью мгновенно становиться суровым и тут же смягчаться; сейчас он вновь смягчился. — У меня тоже была идея насчет Ганчтепе. Петлю канала здесь, конечно, надо оставить — тут вы правы. Ну, а с западной стороны холма пустим Бозсу так, чтобы превратить Ганчтепе в красивый островок в центре водяного кольца.

— Интересная мысль...

— Здесь был, как вы знаете, самый эпицентр землетрясения. Потому предполагается — монумент «Мужество». Он будет говорить о подвиге ташкентцев.

— Это просто здорово! Музей истории города и монумент в честь подвига ташкентцев отлично подойдут друг другу... А еще что?

— Город восстанавливала вся страна. Вот почему тут, около холма, встанут гранитные стелы — на языке зодчества и скульптуры воздадут должное всем народам, пришедшим на помощь Ташкенту в его трудный час... Музей на Ганчтепе мы должны сделать идейно насыщенным. Вполне вероятно, что здесь поднимется музей дружбы советских народов.

Лицо директора вдруг сделалось строго-сумрачным.

— Вам, Аброр Агзамович, я вообще советую побольше обращать внимания на идейное содержание проектов. Традиции традициями, но наше новое, социалистическое не менее важно.

— А разве новое, если иметь в виду именно социалистическое, рождается без воздействия добрых традиций?

— Я призываю вас не отказываться от традиций, а не увлекаться ими односторонне.

— Все мы, Сайфулла Рахманович, против односторонности...

— Вот и давайте-ка прервем дискуссию... Вы — творческий человек. У вас свои идеи. Разрабатывайте их у себя дома. Придет время, вопрос созреет, и мы подробно, основательно рассмотрим ваши предложения. А сейчас... сейчас нас с вами ждут неотложные задания. По поводу этого я и пригласил вас. — Сайфулла Рахманович открыл несгораемый шкаф, вытащил оттуда многократно свернутый большой лист бумаги, осторожно развернул его перед Аброром. — Узнаете?

Еще бы ему не узнать план перестройки городского центра!.. Вот площадь Ленина. Среди авторов проекта ее перестройки значились и их имена, Сайфуллы Рахманова и Аброра Агзамова. Шли жаркие споры о принципах перестройки. Предлагалось расширить площадь на северо-восток до проспекта Навои. Но для этого нужно снести очень много домов, целые кварталы. Снести старенькое здание Дома кино. Убрать скверик, площадь Коммунаров и всю Инженерную улицу со зданиями каких-то трестов и даже одного министерства. Аброр сомневался: пойдут ли на все это? Но вот на новом плане-проекте — на этом месте фонтаны, клумбы цветов, аллеи, предложенные Аброром.

— Видите, тут взяла верх наша общая идея, — с довольным видом Сайфулла Рахманович потер ладонь о ладонь. — Ради того чтобы площадь выглядела величественно, горсовету придется в текущем году переселить в новые дома тридцать семей. Плюс семнадцать различных учреждений, здания которых пошли под снос.

— Да, такая площадь уникальна. И величественна, и красочна.

Но что же нового хочет сообщить Аброру директор?

— Значит, так, Аброр Агзамович! Есть решение правительства — памятник Владимиру Ильичу Ленину станет в новом центре площади. Тот, довоенных времен,

теперь рядом с двадцатиэтажной громадиной, конечно, не будет смотреться. Создается новый памятник — гораздо больше и выше прежнего, пропорционально размаху площади. Понятно, что этот новый центр должен быть оформлен самым лучшим образом: гранит и мрамор, редкие цветы, уникальные деревья, вплоть до серебристых елей... И пусть бьют здесь многочисленные фонтаны! — Приподнятую речь свою Сайфулла Рахманович закончил высокой призывной фразой: — В вашей мастерской собраны большие специалисты, Аброр Агзамович. Сами вы — единственный наш ландшафтный архитектор. Доверяем вам ответственное дело, готовьте рабочие чертежи!

Аброр представил себе объем предстоящей работы. А сроки, какие директор даст ему сроки?

— За доверие... спасибо, Сайфулла Рахманович. Мы сделаем все для того, чтобы площадь эта была по-настоящему достойна имени Ленина... Торопливости тут не место, не загубить бы большое дело штурмовщиной.

— Будь это в моей власти, я бы дал вам, Аброр Агзамович, год, но юбилей республики близок, знаете ли. И строителям нужно время, чтобы успеть превратить проект в готовый объект. Словом, нам отпущено шесть месяцев.

— Такую работу за полгода?! Это же невозможно, Сайфулла Рахманович!

— Архитекторы будут не одни. Есть еще группа экономистов-сметчиков. Есть гидротехники. Инженеры по подземным коммуникациям. Познакомьте с ними своих сотрудников.

Директор протянул Аброру толстую папку. Она оказалась тяжелой, и свернутый в трубку проект по Бозсу, с которым он пришел сюда, вроде бы совсем потерял в весе. Сайфулла Рахманович тоже взглянул на свернутый ватман почти откровенно скептически.

— Аброр Агзамович, я поручаю вам самую тонкую художественную часть проекта. Прошу вас не отвлекаться теперь ни на что другое. К проблеме благоустройства Бозсу вернемся потом, после завершения правительственного объекта. Если по этому заданию у вас возникнут вопросы, обращайтесь ко мне в любое время. И даже звоните домой. А уж сюда входите смело, несмотря ни на какие очереди в приемной, я так и Тамаре скажу.

С работы Аброр заехал на базар, потолкался по магазинам и вернулся домой, нагруженный кулками и пакетами со снедью.

Двери открыла Малика. Приняла из рук отца покупки, заахала радостно, затараторила:

— Ой! Горячие лепешки! Ой, огурцы! Черешня!

Из столовой выбежал Зафар:

— Где черешня?

— Да вот, смотри! — подняла кулек Малика. — Папа, а почему вы так поздно?

— Народу в магазинах много...

Втроем они перенесли в холодильник и на кухонный столик кефир, сметану, молоко в треугольных пакетах, сосиски, сыр, еще что-то... Зафар не утерпел, схватил горсть черешни.

— Сначала надо помыть! — строго прикрикнула Малика.

— Помыть, помыть... Подумаешь, ну и помою...

Зафар ел ягоды и выплевывал косточки — проверка меткости! — стараясь попасть в открытое мусорное ведро под раковиной.

Аброр уселся на табуретку; усталый, он умиротворенно и даже с интересом следил и за метким Зафаром, и за хлопотуньей дочкой.

— Все в порядке, Малика? Есть новости?

Не отрываясь от дела — она переставляла в холодильнике молочные пакеты в «мамин порядок», — Малика сообщила:

— Дедушка приходил. Он долго вас ждал...

— И ушел? Давно?

— С полчасика назад. Я его чаем угостила. Но он только одну пиалу выпил. Хмурый какой-то был.

— Что-нибудь случилось? Он ничего тебе не сказал?

— Нет. Все вздыхал да вздыхал. Попросил, чтоб вы навестили его.

Аброр встал с табуретки.

— Что же все-таки у них стряслось?.. Пожалуй, я сейчас съезжу, а?

У Зафара сразу возникла захватывающая идея:

— Папа, надо ехать на машине! Возьмите меня с собой, ладно?!

Аброр глянул в окно. На улице темновато, вон уже и свет включили в доме напротив.

— А Малика одна дома останется? — надулась девочка.

— Ты тоже с нами поезжай! — великодушно разрешил Зафар.

Малика почему-то вспомнила, как в прошлый раз бабушка Ханифа ворчливо ее упрекнула: «Ты уже большая, надо теперь подлинней платья носить... А то колени торчат!» Малика терпеть не могла длинных платьев. И сейчас на ней юбка на палец-другой выше колен. Мама ей разрешила. А бабушка снова ворчать станет... Малика отказалась:

— Останусь, телевизор посмотрю.

Аброр вдруг почувствовал, как сильно он устал за сегодняшний день. Язык будто прилип к небу. Руки тяжестью налились. От руля, что ли? И очень хочется пить! Он открыл холодильник; не заглянув внутрь, с нужной полки («мамин порядок») вытянул бутылку простокваши. А стал пить, сморщился: в нос ударил запах бензина. Вот те раз, заправлял машину и даже руки забыл помыть... В самом деле, значит, устал.

Аброр пошел в ванную.

— Так что, папа, ужинать будем? — спросила Малика.

— А что? Это мысль! — отозвался Аброр, смывая мыльную пену с рук струей горячей воды. — Только побыстрее собери что-нибудь. Может, сыру поедим? Или сосиски отварим?

— Сосиски! Конечно, сосиски, — решительно заявил Зафар.

И Малика выбрала сосиски.

Аброр подумал, что если уж сегодня ехать к отцу, то поскорее, но не поужинать сейчас с детьми, хоть и есть не хочется, тоже нельзя. Ну, и усталость надо с себя снять. Решил, пока сосиски сварятся, немного передохнуть, прилечь на диван; отправился в комнату, которая именовалась у них гостиной. На обеденном столе увидел раскрытый портфель Зафара, а рядом книги, тетради, чернильница — все в беспорядке разбросано. Небрежно скомканная белая рубашка, которую только сегодня утром старательно гладила брату Малика, свисает обеими рукавами до полу со спинки стула. На другом стуле — шорты. По ковру раскиданы тапочки.

— Зафар! А ну-ка поди сюда!.. Это что за безобразие? Сейчас же все прибери! Положи по местам!.. Да пошевеливайся, а то никуда не поедем.

Обычно юркий, расторопный, живой, как ртуть, Зафар, с недовольным лицом, будто больной, стал, еле-еле

передвигаясь по комнате, медленно собирать свои пожитки.

— Каждый день тебе твердят: надо прибирать за собой, нужен порядок в доме, — строго выговаривал так и не прилегший на диван Аброр. — Где рубашке место? Ступай повесь аккуратно в шкаф... И тапочки надень!.. Почему книги и тетради разбросал?..

— Малика пристаёт, заставляет уроки учить... — Зафар возмущенно засопел.

— И правильно делает, заставляет. Ты сегодня по математике что получил? Отвечай!

— Ну, тройку...

— «Ну, тройку», — передразнил сына Аброр. — Что ты за недотепа, из троек не вылезает. Мы с мамой в твоём возрасте одни пятерки получали.

— Да... знаешь, какая задачка попала... Я думал-думал... не понимаю, и все!

— Какая задача? Ну покажи!..

Аброр с сожалением глянул на маянце мягкий диван: отдохнуть теперь не придется, но сын есть сын, и, в конце концов, нельзя запускать его воспитание. А математика — это самое важное...

— Папа, Зафар! Идите, ужин готов! — позвала из кухни Малика.

Задача задачей, но есть-пить тоже надо. И чтоб вовремя. Аброр с Зафаром пошли на кухню. Малика держала в обеих руках литровую банку зеленого горошка.

— Папа, откроем?

— Отличная идея — горошек к сосискам! Дай-ка мне открывалку... А чай поставила?

— Ой, забыла! Сейчас-сейчас!

Голова у Аброра гудела, да и эти домашние заботы... ну, куда делся это проклятый консервный нож? Он дергал один за другим ящики кухонного стола, ворошил в них какие-то пробки, защепки, крышки для банок — консервного ножа не было.

— Да вот же он! — Малика достала открывалку из того самого ящика, который Аброр собирался уже задвинуть.

Несколько ложек зеленого горошка, а сверху кусочек сливочного масла... две-три сосиски — объединение, да и только! Аброр поспешно вскочил с табуретки.

— Машина-то на улице осталась!

«Жигули» были тоже вроде члена семьи. Да еще та-

кого, что доставляет больше, чем другие, забот и тревог. В прошлом году он вот так же вечером оставил машину на улице и на минуту поднялся к приятелю. Пока ужинали, говорили о делах, красивые подфарники и маленькие лампочки-указатели поворота исчезли с его «Жигулей». А без них не поедешь, на первом перекрестке автоинспектор тебя остановит. Где пешком, где на такси Аброр тогда весь город из конца в конец прочесал: одно пришлось покупать в магазине, другое втридорога с рук у слесарей из ремонтных мастерских. С тех пор, раз и навсегда проученный, Аброр стал осторожным и осмотрительным. Сегодня, например, он ведь недаром поставил машину у большого уличного фонаря так, чтобы ее можно было видеть с балкона. А вот посмотреть на машину забыл... Держа вилку в руке, Аброр выскочил из кухни.

Сверху машина напоминала распластанную на асфальте черепаху... Вроде все в порядке... Еще нужно поставить ее в гараж, откуда километра полтора пешком домой топать... Да, но сначала-то — съездить отца повидать. Что же там стряслось? Почему он вздыхал, как сказала Малика?

Аброр торопливо доел сосиски, взял пустой бумажный пакет и положил в него четыре сдобных лепешки. Он никогда не появлялся у родителей с пустыми руками. Открыл холодильник, достал припасенную Вазирой баранину, отделил от нее добрый, килограмма в два, кусок, завернул в целлофан. Хотел было черешни немного отсыпать, но раздумал. Всего-то килограмм купил. Вон и дети с нее глаз не сводят, тоже торопясь расправиться с сосисками.

— Ладно, пусть черешня останется вам. Возьми, Малика, вымой половину.

Между тем закипела вода, зафырчал зеленый эмалированный чайник, задребезжала подбрасываемая паром крышка. Малика насыпала в глубокую миску — касу — черешню, промыла ягоды струей воды из-под крана. Аброр взял несколько темно-красных, влажно-упругих ягод, съел их одну за другой.

— Чай, доченька, сама попьешь. А мне что-то захотелось. Съезжу я к дедушке и бабушке, ладно? А ну, Зафар, пошли!

Зафар на ходу запустил руку в касу — захватить с собой побольше черешни. Свободную руку протянул к бумажному пакету:

— Давай, папа, я понесу.

— Только держи крепче.

Аброр заглянул в гостиную, потом двинулся в прихожую. Квартира ему показалась странно опустелой. Свет из прихожей падал в спальню, высвечивая через проем полуоткрытой двери кровать с белеющей из-под откинутого одеяла простыней и с брошенным поперек постели халатиком. Утром в предотъездной спешке Вазира не успела прибраться... Без нее, без Вазиры, квартира стала сразу пустой и сиротливой.

Аброр остановился, обернулся в коридорчик, что вел на кухню.

— Малика, мама не звонила?

— Нет, — донесся голос дочери.

Аброр поднял к глазам левую руку. Посмотрел на часы — десять минут десятого. В Москве еще, значит, только шесть часов.

— Если позвонит, запиши номер ее гостиничного телефона. Может быть, я потом сам позвоню... Поняла?

— Поняла... Передайте бабушке привет.

Вдвоем спустились во двор. Свет, падавший из окон, изжелтил деревянный забор. Снова вспомнился Шерзод Бахрамов.

Аброр поспешил побыстрее пересечь развороченный двор. Постарался выбросить Шерзода из головы: и без Шерзода хватает забот и волнений.

Вот когда городские улицы становятся посвободней: между предвечерними часами возвращения людей с работы домой и вечером поздним, послетеатральным.

Аброр включил подфарники, настроил радиоприемник на нужную волну — приятной вечерней музыки — и спокойно поехал по яркой магистрали. Промелькнули улица Усмана Юсупова, Рабочий городок, потом осталась позади последняя асфальтированная улица. Машина задрожала, затрепыхалась на ухабах и выбоинах. И ночь стала вроде темнее. Старые улочки, будто нарочно, прятали свои колдобины, и Аброр никак не успевал вовремя разглядеть их: то одно, то другое колесо машины проваливалось неведь куда, весь корпус «Жигулей» немилосердно раскачивало и трясло.

Одноэтажные, крытые шифером домишки, глинобитные заборы, могучие старые тополя, что спустились чуть ли не к самой воде арыков, — все здесь напоминало киш-

лак. Впрочем, нет, в кишлаке просторней, а тут дворы лепятся друг к другу, тут теснота, говорящая, что въехали вы в один из кварталов Старого города.

Вскоре он остановил машину у знакомого ряда пирамидальных тополей, перед выкрашенными в голубой цвет двустворчатыми воротами. Он с Зафаром вышли из машины, открыли калитку, ступили во двор, и тут же на дорожке у дома показалась Ханифа-хола, высокая, в белом кисейном платке и черной бархатной безрукавке поверх простенького ситцевого платья.

— Это ты, Аброр? Что ж стариков навестить времени не выберешь? Пока отец к тебе сам не зайвится, ты и ухом не ведешь...

Зафар вежливо поздоровался с бабушкой, протянул ей бумажный пакет:

— Это вам!

— Ах ты, радость моя, радость бабушкина! — расстрогалась Ханифа-хола, прижала Зафара к себе, поцеловала в лоб.

Агзам-ата в задумчивости сидел на чорпое, положив на хантахту сомкнутые в замок руки. Увидев сына и внука, старик выпрямился, привстал на курпаче. Аброр поспешил к отцу, за руку поздоровался с ним, придержал, показывая, что не надо сходить с помоста. Пусть отдыхает Агзам-ата, за семьдесят ему.

Двор у родителей просторный. По двум его сторонам тянутся крытые навесы, а в глубине дом с верандой и пристройками. С веранды в сад льется свет, зажигая на яблонях и урюке желтые плоды среди темной листвы. Виноградные лозы, поднятые на жердях, образуют крытую аллею. Красиво, уютно. И от жизни тут не отстают. Вон под карнизом протянулась газовая коммуникация — труба для плиты. А во дворе — водопроводная колонка.

Аброр взобрался на помост, сел на расстеленные курпачи; ветер донес до него приятный запах; так пахнет добрый табак, но это не табак, это знакомый с детства запах поздней весны, когда цветет виноград. В темноте виноградные лозы напоминали темно-зеленый водопад. С противоположной от ворот стороны не было забора, лишь проволочная сетка, за которой протекала река. Дом стоял на самом берегу Бозсу, но шума воды во дворе не слышно. В широком русле вода бежала быстро, но бесшумно, только тихо плескалась у берега; и веяло от воды влагой, освежающей прохладой.

И когда Аброр вдохнул этого воздуха, этого ветра, настоящего на свежей чистой воде и цветущей лозе, бодрость и вместе с ней умиротворенность овладели душой, волнами разлились по телу.

После обычных расспросов о житье-бытье, о здоровье Агзам-ата глянул на жену и сказал негромко:

— Позови Шакíра.

Ханифа-хола пошла за младшим братом Аброра — Шакиром, который сидел в комнате у телевизора. Агзам-ата примолк, видно обдумывая что-то, пощипывая кончик короткой седой бородки.

Каждый раз, когда они приезжали сюда, Зафар играл то с кошкой, то с курами, то с овцами: мальчик очень любил животных. Бросился он и сейчас искать кошку, но ее нигде не было. А куры давно уже спали в сарайчике на насесте.

— Бабушка, а где кошка? — остановил он Ханифу-холу.

Та не ответила, наверное не расслышав вопроса. Зафар пересек двор, заглянул под навес. Два барашка повернули к нему головы, тряхнув веревками, которыми их привязали. Оказывается, корм кончился, и Зафар пошел к кучке сена, собранного в глубине загона, и принес две охапки. «Хрупайте, барашки, хрупайте, вы такие хорошие».

Зафар гладил то одного, то другого. Барашки были недавно острижены, вон еще следы ножниц видны.

Шакир вышел, поздоровался с братом и подсел на край помоста, вытянув и скрестив ноги. Длинные черные волосы закрывали парню шею. «Словно у девицы какой-нибудь», — подумал Аброр. А вот усики явно шли брату. Плечи у Шакира широкие, в поясе он тонок и гибок. И рубаха по моде приталена. Подумать только, Шакиру уже двадцать пять, осенью Агзам-ата собирался женить своего младшего. Барашки, с которыми забавлялся под навесом Зафар, к свадьбе, видно, и предназначались, заранее откармливались. Аброр уже давно ждал, когда отец пригласит его на семейный совет по поводу предстоящей женитьбы брата.

— Ох, мулла Аброр, мулла Аброр, — глухо заговорил наконец отец, чуть в насмешку величая сына почтительным «мулла», как обычно обращаются к высокообразованному человеку. — Нет, не суждено нам дожить свои дни в этом дворе.

Аброр давно уже сказал родителям, что частные домики, расположенные на берегу Бозсу, будут сноситься.

— Не зря, оказывается, ты говорил, сынок, не зря... Приходили сегодня, постановление исполкома нам читали.

Сегодняшний разговор в кабинете Сайфуллы Рахмановича и вот тут разговор — предмет-то один, да две точки зрения.

— Но здесь-то, кажется, еще не будет строительства? — спросил Аброр у Шакира, который работал на стройке.

— Вроде бы мост собираются неподалеку возводить, — ответил брат, отводя глаза. — Разве Вазира-апа ничего не говорила?

Агзам-ата слушал сыновей, потом с новой надеждой спросил у Аброра:

— Может, сынок, ошибка какая вышла? Ты уж постарайся нам помочь. Зачем зря дворы сносить?

— Этим дворам все равно здесь не быть, — сказал Шакир.

— Но коль мост здесь строить не будут, какая нужда нас сносить? — не сдавался Агзам-ата.

— Да здесь не об одном только мосте речь — строительство целое, — пояснил Шакир.

— А приостановить строительство нельзя?

Шакир уже не смог сдержать раздражения:

— Что значит приостановить, отец? Ведь и Аброр сколько уже раз выступал с призывами: «Превратим берега Бозсу в благоустроенную зону отдыха для населения!» Проекты разрабатывают. А чтобы взяться за их осуществление, надо расчистить ее берега...

— Это и впрямь так? — Агзам-ата пристально посмотрел на старшего сына.

Хоть и скрытый, но укор: «Значит, из-за твоей работы разрушат этот двор, снесут этот дом, где ты сам родился и вырос?!» Аброр хотел было объяснить отцу, что проект, о котором говорит Шакир, разработали специалисты из другого института. Проектных организаций в республике много, и они не докладывают друг другу о том, что собираются делать. Аброр сам впервые от младшего брата услышал про мост через Бозсу. Но утверди соответствующие инстанции не этот проект, а его собственный, старые строения на берегу Бозсу подлежали бы сносу тоже.

Аброр тяжело вздохнул:

— Выхода и впрямь нет, отец, так или иначе, но эти берега будут перестроены.

Подошла к мужчинам Ханифа, принесла и поставила на хантахту чайник со свежесваренным чаем. Никто на нее внимания не обратил.

— Такой большой пост занимаешь! — с укоризной бросила Ханифа старшему сыну. — Неужели ничего не можешь для родителей сделать?

— Раз принято постановление... Шакир, ты читал его? Когда там предусматривается переселение?

— В трехмесячный срок. Выплачивают денежную компенсацию, а тем, кто пожелает, предоставляют равноценные квартиры.

— Значит, успеем до переезда сыграть свадьбу? — спросил Аброр.

— Как ты можешь думать о свадьбе! — с болью воскликнул Агзам-ата. — Мы без крова остаемся, без родного дома.

— Поймите, отец, мне этот дом тоже очень дорог. Как подумаю, что его снесут, сердце болью заходится. Но разве нас одних постановление касается? Сколько старых улиц исчезло после землетрясения, сколько людей в новые дома переселили!

— Что ж теперь, из-за этого землетрясения весь город вверх дном надо поставить? — совсем уже разгневалась мать: упершись руками в край помоста, сверлит Аброра взглядом. — Конец света наступает, что ли? Семь лет прошло, а оно, проклятое, все еще людям покоя не дает!

— Старые дома, старые улицы и без землетрясения снесли бы, мама, — сказал Аброр как можно спокойней. — Еще за десять лет до него по генеральному плану застройки Ташкента берега Бозсу предназначались для зоны отдыха.

Агзам-ата понимал правоту сына. Общую правоту. Но горько было сознавать старику, что его Аброр и его Вазира сами как раз из тех людей, чья работа, оказывается, делает неизбежным разрушение их милого дома, в котором прошла долгая, но ведь не кончающаяся сегодня-завтра жизнь. И потом — не вся правда за Аброром, не вся!

— Благоустроить район — да, предусмотрено!.. А зачем арыки губить, нашими руками выкопанные? Я тридцать лет поливал и растил в Ташкенте деревья,

а такие, как ты, умники, взяли да и вырубili их одним махом... Столько арыков уничтожили! А что дали вместо них? Асфальт и бетон? Где ваши новые сады, где обещанные райские кущи?

Аброр понимал, мало того — разделял душевную боль, которая терзала старика. До землетрясения Агзам-ата был известным в Ташкенте мирабом. Под его началом работали больше двадцати человек. Они следили за своевременным орошением деревьев и цветников. Агзам-ата умудрялся проводить воду и туда, где ее отродясь не бывало: глядишь, на голом, прожаренном знойным солнцем пустыре деревца начинали шуметь — робко, но внятно. Люди говорили: «Агзам-ата заговор знает... Агзам-ата может заставить воду и в гору течь». Мирабское мастерство отца не раз восхищало и Аброра. «Вот и нынешнее русло Бозсу проложили некогда такие же искусные мастера, — думал он. — Прирожденные мирабы».

Мираб Агзам некогда любил ходить пешком по ташкентским улицам. Особенно летом. Шел бы и шел по тротуарам — в густой тени высоких деревьев, что выстроились в бесконечные ряды, под веселое журчание воды в арыках. За определенными улицами закрепляли определенного рабочего, обязанного следить, чтоб на его участке всегда было достаточно воды. Идет, бывало, Агзам-ата по пешеходной тропе, слушает говор воды... чуть где он смолк, мираб направляется туда. Обнаружит, что пересох арык или русло илом занесло, что деревья без воды начинают вянуть, — немедленно за поливальщиком, гневный, решительный. А если помощь окажется нужной, сам первый и поможет. Глядишь, и ожил снова арык, весело зажурчал, зазвенел тугой поток.

— Видно, прошли времена мирабов! Были поливальщики, теперь силесари!.. — Агзам-ата невольно, а скорей даже намеренно исковеркал слово «слесарь». — Нам до силесарей далеко, тянуться да тянуться. Хотя... возьми этот двор... В зелени вроде весь, ухожен неплохо, а? Дай его вам, силесарям, в два счета превратите в пустыню! Железобетона здесь понатыкаете!.. У меня сердце кровью обливается, сынок.

Аброр нервно проглотил слюну: непросто опровергнуть сейчас отца, очень непросто.

— Отец, вы меня не валите в одну кучу с теми горопыгами, кого я и сам терпеть не могу. Я хочу, чтобы берега эти были в десять раз зеленее и краше, чем

нынче. Кстати, сегодня я опять столкнулся из-за этого с нашим директором.

— Что толку от твоих споров и схваток! — буркнул Шакир, глядя в землю. — Переселяться надо... не тянуть с этим делом.

— А где вы квартиру получаете, известно?

— В Юнусабаде выделяют, в новом жилмассиве.

Ханифа почувствовала, что наступает самый ответственный миг на семейном совете, и тоже взобралась на чорпою.

— В новых домах все готовое, — сказал Аброр, посмотрев на мать. — Ни о дровах, ни об угле на зиму думать не надо. Холодная и горячая вода, газ...

— А летом? — перебила Ханифа-хола. — А карабкаться на четвертый-пятый этаж да спускаться оттуда?

— Дадут и на нижнем, если попросишь. — Шакир гнул свое: скорей бы, скорей получить новую квартиру, не тянуть с переездом.

Агзам-ата молчал, сидел, склонив голову да привычно пощипывая бородку.

— Это что же выходит, — продолжала упорствовать Ханифа-хола, — бросай такой ухоженный прохладный двор и давай-ка жарься в вашем доме — душном и раскаленном?.. А тут свадьба на носу. На троих-то нам всего две комнаты дадут. Сколько туда гостей поместится? И двора нет, где бы можно курпачи да паласы расстелить!

— Зато балкон будет! — сказал, усмехнувшись, Аброр.

— Молчи уж про эти свои балконы! Отдохнешь там, как же, подышишь свежим воздухом!.. Пыли наглотаться, оглохнешь от уличного шума — вот и все удовольствие... А попробуй ночью засни на цементе. Да и духотища.

— Ну, я не знаю... Коль не в новый дом, так куда вы собираетесь переселяться, отец?

Агзам-ата поднял голову:

— Сынок, богу одному известно, сколько нам со старухой жить осталось. Была у меня мечта в этом дворе свой век дожить, а там уж переселили бы меня прямо на кладбище Минор, тоже на берегу Бозсу, рядом... Да, видать, не суждено мечте исполниться... Мы с матерью вашей все равно что деревья, они ведь только на земле растут. Оторви нас от земли — недолго протянем, завянем... Знаю, трудно получить сейчас новый участок, еще

сложней будет стройку на нем затевать... Но деревья лишь в землю корни пускают. В землю...

— Вот и сходите куда надо, пусть участок земли поближе к нам дадут. Отец сорок лет труда отдал Ташкенту. Еще живы те, кто видал, как сам Ахунбабаев орден ему на грудь приколот... Подтвердят, если потребуется! — подхватила Ханифа-хола.

— Да не в ордене дело! — проворчал Агзам-ата. — Зачем орденом козырять?

— В черте города свободной земли на осталось, — развел руками Аброр. — И многоэтажные дома стали теперь плотней, чем раньше, ставить. А участки... их почти прекратили выделять.

— Ну конечно, как до нас черед дошел, у вас все прекратилось! — чуть ли не выкрикнула Ханифа-хола. — А тем, кто деньги предложит, — пожалуйста!

Аброр тоже не сдержался, бросил резко:

— Ну так возьмите и купите!

— Хорошо, купим! — в тон ему ответил отец.

Он слышал, что государство немалые деньги платит тем, чьи личные дома сносят. Представитель исполкома уже подсчитал, сколько у них во дворе деревьев, виноградных побегов, сколько леса ушло в свое время на строительство дома и других материалов, все измерил — от крыши до пола, учел и внутреннюю отделку. Приблизительно прикинув, заверил: «По нынешним меркам самое меньшее семь, а то и восемь тысяч рублей получите». Агзам-ата цифру эту сыновьям не назвал, показалась она ему неоправданно большой. Не дадут столько, но...

— Себя заложу, а участок куплю, — заявил он решительно. — Хоть недостроенный. Есть брошенные участки, где хозяева одни фундаменты успели заложить...

У Шакира от волнения сердце молотком застучало, он соскочил с помоста.

— Страшно дорогое дело затеваете, отец! — воскликнул он. — Участок такой, начатый, еще найти надо, официально все оформить, а потом материалы доставать, а строить во что обойдется?.. Зачем вся эта морока? Жили бы спокойно в нормальной квартире, ее-то без хлопот получить можно!..

— Тебе покой нужен, так ты и иди получай свою квартиру! — отрезал Агзам-ата. — А участок моя забота. Сам управлюсь...

Шакир, конечно не из тех отпрысков, кто может

спокойно полеживать себе в благоустроенной квартире, когда отец будет глину месить да кирпичи таскать. Это Агзам-ата знал. Как и то, что Аброр без помощи тоже не оставит. Да и сам он... пусть ему за семьдесят, но силенки еще есть, слава аллаху. Рабочему человеку стоять надо на своем твердо, не отказываться от задуманного.

Шакир привел последний довод:

— Ладно, будем строить. Но... отсюда мы должны выбраться не позже чем месяца через два, верно? А участок раньше чем за год не обиходить... Где же девять-десять месяцев жить станем?

Аброр промолчал, хотя ясно было, что слово за ним. Ханифа-хола глянула на него исподлобья, заговорила о старшей дочери:

— К Мукамбар подадимся. Не выгонит, наверное, приютит на время.

Мукамбар? С четырьмя детьми, мужем и свекровью, на шестом этаже в девятиэтажном доме? Правда, была еще младшая, Рисолат, она в собственном домике жила. Но Рисолат недавно первенца родила, Ханифа-хола не успела бешик-той справиться и потому о ней ничего не сказала.

— Но ведь семья у Мукамбар... Семь человек в трех комнатах! Да нас еще трое добавится!— изумленно воскликнул Шакир.

— В тесноте, говорят, да не в обиде,— заметил Агзам-ата.

Аброр, конечно, понимал, что родители не хотят стеснять и без того большую семью зятя. И понимал, что стыдно будет ему, Аброру, если родители переселятся к старшей дочери.

— К чему ходить вокруг до около, мама?!— не выдержал он наконец.— Не бойтесь, на улице вы не останетесь! У нас четырехкомнатная квартира. Любую комнату, какую пожелаете, освободим. Живите на здоровье сколько понадобится!

Именно этих слов ждал от сына и Агзам-ата.

— Да, сынок, ежели у тебя можно пожить, станем ли мы зятя стеснять?— облегченно вздохнул он.

Все здесь знали, сколь нелегкую заботу взваливает на себя Аброр. Отношения между Ханифой-холой и Вазирой сложились непростые. Аброр справил свадьбу здесь, в доме, на берегу Бозсу, здесь же Малика с Зафаром родились. За годы совместной, в одну семью, жизни

между свекровью и невесткой накопилось множество взаимных недовольств, непониманий и обид. Конечно, и доброе было: обоюдная поддержка и уступки (больше со стороны Вазиры, правда), а главное — общие радости. Но когда наконец Аброр с Вазирой получили отдельную квартиру, обе женщины вздохнули с облегчением. А теперь снова вместе жить? В просторном дворе после стычки хоть разойтись можно, на глаза друг дружке какое-то время не попадаться, а в обычной городской квартире?..

— Женушка снова в Москву уехала? — спросила Ханифа-хола Аброра. И посмотрела на сына жалостливо, будто хотела добавить: «Вот как тебе, бедному, жить-то приходится! Невестка разъезжает по командировкам, дом и детей на мужа бросила!..»

Опасаясь, как бы мать не пустилась в дальнейшие расспросы-допросы, Аброр ответил подчеркнуто односложно:

— Да.

— А вернется когда?

— Скоро... дня через три... Тогда так и договоримся, отец! Я завтра же в нужные учреждения наведу, все разузнаю.

— Да, ты, сынок, еще раз все разузнай хорошенько. Переселять нас решили твердо или как? И насчет участка — выделяют иль нет?

— Хорошо, хорошо. Потом заеду к вам, расскажу. А теперь я, пожалуй, домой...

Агзам-ата сложил уже руки в привычный напутственный жест, но тут взгляд его упал на чайник:

— Вай, Шакир... Про чай-то мы совсем забыли!

Видно, прохлада, что веяла от близкой воды, уняла недавнюю жажду Аброра.

— Не хочу я чаю. Ну, отец...

Агзам-ата благословил сыновей, привычно — сверху вниз — провел по лицу сложенными вместе ладонями. Аброр поднялся, глазами поискал сына:

— Зафар, ты где?

Зафар явился из-под навеса с пестрой кошкой на руках.

— Нашел все-таки... Давай собирайся, поехали домой... Тебе бы только кошек до собак подбирать... Отпусти ее!

— Ну, почему? Возьмем с собой!

— Она к этому двору привыкла, у нас жить не будет.

— Тогда я с ней тут останусь.

Ханифа-хола была явно довольна, что внуку не хочется от них уходить.

— Умница!.. Радость ты бабушкина! Оставайся!

— Если б не учеба... — Аброру не хотелось лишний раз перечить матери. — Четверть заканчивается. Скоро начнутся каникулы, вот тогда Зафара привезу к вам.

Нехотя Зафар побрел за отцом на улицу, к машине.

Уже за рулем Аброр глянул в стекло кабины на часть двора, видную через проем калитки, на дом, на виноградник, такой родной, что нельзя было удержаться от тяжелого вздоха... Исчезнет скоро родное гнездо... И вся тяжесть предстоящего, вдруг почувствовал Аброр, легла теперь на его плечи.

Не обращая внимания на тряску, Аброр быстро вел «жигуленка» по узкой извилистой улочке, весь во власти завтрашних забот: прикидывал, куда обратиться по делу об участке, с кем полезно в первую очередь встретиться, какую из комнат удобней было бы освободить для родителей — его кабинет или их с Вазирой спальню? А с ними еще и Шакир. Не станет же молодой парень со стариками в одной комнате куковать... Значит, и Шакиру надо отдельную... А как же они четвером в двух остающихся разместятся? Малика уже подросла, она отдельно спать должна... И что еще Вазира на все это скажет? Целый год терпеть у себя в квартире трех взрослых людей... да еще с капризами...

Аброр почувствовал себя виноватым перед женой. Истаяло само собой утреннее раздражение, вызванное поведением Вазиры в аэропорту.

Выехав на освещенное место, Аброр поднял к глазам руку с браслетом-часами. Половина одиннадцатого. В Москве еще полвосьмого. Вазира обещала позвонить домой.

Может, успеем приехать к ее звонку?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вазира поселилась в гостинице «Россия» на одиннадцатом этаже, в двухместном номере с окнами на Кремль и Москву-реку. Соседкой по номеру оказалась латышка, высокая худощавая женщина лет пятидесяти. Она приехала в командировку от театрального общества своей республики. Очень энергичная, подвижная

женщина. Быстро познакомилась с Вазирой. Быстро наметила себе программу дня. И, не отдохнув с дороги, к полудню уже ушла куда-то по делам.

А Базира немного устала. Оставшись одна, скинула платье, прилегла отдохнуть.

И тут же зазвонил голубой телефон на тумбочке у изголовья кровати. Не поднимаясь, Базира протянула руку и взяла трубку.

— Ну как, Вазирахон, хорошо устроились?

Она узнала чуть измененный телефоном голос Шерзода, непроизвольно поднялась, села на постели, прикрыв одеялом ноги.

— Спасибо, Шерзод, хорошо.

— И там у вас есть все, чем администратор хвасталась?

Когда они приехали в гостиницу и стали оформлять прописку, Вазире сначала собирались дать номер похуже, на тринадцатом этаже. Но вмешался Шерзод:

«Что вы, разве так можно?! Это нас вы поселяйте куда угодно, а такой красивой женщине будьте добры и номер соответствующий выделить!..»

Женщина-администратор рассмеялась, подобрела.

«Ну, хорошо. Вот вам, — вручила она Вазире карточку-пропуск. — Отличный номер с прекрасным видом на Кремль».

Вазира не забыла про заступничество Шерзода:

— Здесь даже лучше, чем было обещано. Не просто Кремль, а даже часы на Спасской башне отсюда видны. Я свои по ним на московское время перевела.

— Ну, поздравляю!

Слышимость была такая, будто Шерзод совсем рядом стоял, даже дыхание его четко различалось.

— А вы на каком этаже? — поинтересовалась Базира.

— О, не спрашивайте!.. На тринадцатый нас поместили. А мой приятель, наш-то спутник, этой цифры терпеть, оказывается, не может. Окна у нас к тому же на шумную улицу выходят...

— Значит, для меня постарались, а себе во вред?

— Ну, что вы... Знаете поговорку? Если собрался ковер продавать, продай другу, тогда и сам на краешке посидеть сможешь. Надеюсь, вы пригласите к себе в гости?

— Конечно...

Шерзод, видимо, надеялся, что Вазира тотчас и ска-

жет: «Приходите». На какое-то время он замолчал, ожидая. Однако Вазира не торопилась произнести это слово. На ту степень дружеской фамильярности, к которой явно стремился Шерзод, она идти не хотела.

— Сейчас моя соседка... отдыхать легла, — неожиданно для себя солгала Вазира, и ей самой стало неловко и стыдно.

— Ну ничего, — приободрился Шерзод. — Тогда мы сходим пообедаем, ладно?

— Недавно же ели, неугомонный вы какой!

— Что за еда в самолете! Я успел изрядно проголодаться.

Вазира решила твердо держаться от опасности подалее.

— Знаете что, Шерзод? Вы спокойненько пообедайте. Без меня. Договорились? А я вся какая-то разбитая после полета.

— Хотите отдохнуть немного?

— Да. Во второй половине дня мне кое с кем встретиться надо, разговоры непростые будут, я чувствую.

— Может, на такси вас подвезти? А, Вазирахон?

«И в студенческие годы был прилипчивым, и теперь остался таким же», — подумала Вазира. Но Шерзод позабыл: когда кто-то упорно настаивал на своем, чего-то добивался от нее помимо ее желания, Вазира становилась непреклонной.

— Спасибо, Шерзод, но у вас тоже, наверное, дел немало. Давайте не связывать друг друга ожиданиями да обещаниями. Так нам свободней и спокойней будет. У меня здесь есть подруги. Я могу вечером и задержаться.

— Выходит, мы больше не встретимся? — заметно упавшим голосом спросил Шерзод.

— Ну, почему же? Не сегодня, так завтра. Или послезавтра. Вы дайте мне свой номер телефона, я позвоню, как только сумею.

Шерзод назвал номер телефона. Голос его снова звучал мягко, предупредительно:

— Вазира, вообще-то говоря, вы... опасаетесь будто чего-то?..

Вазира решила отшутиться:

— Вообще-то говоря, вы и сами все примерно понимаете...

— Понимаю. Но ведь вы... из тех, кто свободен от предрассудков... Я помню студенческие годы. Вы с по-

другами уже тогда ничего не боялись, обходились без жеманства и ужимок. Или я не прав?

— Видимо, постарела, Шерзод, — почему-то весело заметила Вазира. — Да и свобода женщины не исключает чувства меры, правда?

— Оставьте это, пожалуйста!.. Похоже, ваш муж в слишком жесткие рамки вас заключил.

— Не муж, я сама... все-таки я восточная женщина. Есть границы, которые я не привыкла преступать.

— Эти границы давно устарели, Вазира. Пожалуйста, вам пример: моя жена — артистка, она уже месяц как на гастролях, я ни в чем ее не стесняю — разумный, самостоятельный человек, она вольна в своих поступках... Разумеется, у меня тоже полная свобода.

— У каждого свое, Шерзод. Мне нравится быть такой, какова я есть. В этом моя свобода. И давайте друг другу ничего не навязывать. Хорошего из этого не получалось и не получится...

Вазира намекала на случай, окончательно испортивший еще в студенческие годы их отношения. Однажды в лекционном зале они остались вдвоем — «для того, чтобы объясниться», сказал Шерзод, но вместо объяснений он схватил ее за плечи, прижал к себе и хотел насильно поцеловать в губы. Вазира вырвалась, молниеносно отвесила ему пощечину. Но мало того, что Шерзоду было неприятно получить пощечину, этот случай, собственно, и принес победу его сопернику.

— Ах, Вазира, Вазира. — Грустный вздох словно пронзил телефонную трубку. — Я бы только одного желал, чтобы продолжилась наша студенческая дружба. Мне уже сорок, а в эти годы и приходит, оказывается, понимание, как дорога для нас дружба, возникшая в молодости.

Шерзод давал понять, что признает поставленные ему Вазирой границы в их взаимоотношениях, обещает считаться с ее волей. Ведь скорее всего Шерзоду, этому эгоисту Шерзоду, в самом деле не хватает искренних друзей, и тоска его по бескорыстной дружбе вполне может быть искренней. В душе Вазире колыхнулось что-то вроде сочувствия и даже сострадания к собеседнику, к мужчине, столь уважительному к ней и пусть даже чуточку увлеченному ею. В конце концов, возможна ведь искренняя дружба между женщиной и женщиной. Почему надо всегда предполагать между ними — знакомыми, товарищами по делу — что-то нехо-

рошее, запретное, преступающее границы?.. Вазире захотелось сказать Шерзоду что-нибудь ободряющее.

— Вы целиком правы, Шерзод, мы, однокурсники, нужны друг другу... Вот и сегодня как мы с вами хорошо летели. А одна бы я, честное слово, намучилась, изнервничалась и в пути, и в гостинице...

— А я, Вазира... даже не заметил, как время в самолете прошло. Снова как будто в студенческие годы вернулся. И это вы тому причиной...

Помолчав, Вазира перевела разговор в иное русло:

— Кстати, вы мне назвали сегодня Катинова, метростроеца, я подумала — такой специалист по нашему вопросу действительно нужен.

— Тогда я разыщу его по телефону. Можно, я вам завтра встречу устрою?

— Завтра я буду... сейчас посмотрю свой календарь... занята, к сожалению, весь день. Может, послезавтра?..

— Хорошо, Вазира. Послезавтра.

На этом разговор завершился. Вазира положила трубку на рычаг и снова вытянулась во весь рост на постели. Она испытывала удовлетворение и оттого, что не позволила Шерзоду навязать ей тот стиль отношений, к которому он поначалу столь настойчиво стремился, и потому, что, усмирив его, не оттолкнула, не сделала врагом себе и тем самым, как ей казалось, семье. Маленький успех, который она, может быть, разовьет... Вазира, довольная, улыбнулась, натянула на себя до подбородка простыню и закрыла глаза.

В голове слегка шумело, будто продолжали приглушенно рокотать моторы самолета. Прислушиваясь к этому ровному гуденью, Вазира не заметила, как заснула. Проспала всего минут пятнадцать, ни разу не изменив положения тела, будто спеленутого накрепко. Потом сразу открыла глаза: в окно, перекрывая неясный городской гул, влетел перезвон кремлевских курантов.

Половина третьего. Чувствуя легкость во всем теле, Вазира наскоро умылась, оделась, причесалась. Пять минут прошло — и вот она уже на улице; в руках — черный футляр с чертежами, легкая сумочка на плече... и хорошее, приподнятое настроение!

Ее захватили и понесли могучие и стремительные — московские! — потоки людей и машин. Она вся оказалась во власти непривычных ей ритмов огромного, всегда

спешащего, целеустремленного города. Шла ли она по улице, ехала ли в автобусе, вагоне метро или кого-то разыскивала, перед кем-то отчитывалась, с кем-то советовалась в проектных организациях, связанных с ее учреждением делом, одним только делом, — везде, всюду, всегда нужно было быть внутренне собранной, готовой к немедленным и обоснованным решениям, к быстрым и четким действиям.

В каждый свой приезд в Москву Вазира мучилась тем, что не могла с нужной быстротой освободиться от прежнего ритма. Вот и сегодня она думала к девяти часам вечера вернуться в гостиницу, чтобы позвонить домой... Но в архитектурном управлении ей пришлось задержаться до конца рабочего дня. Привезенные проекты смотрели специалисты, принимавшие участие в создании метрополитена киевского, бакинского, тбилисского. Мнений тут было высказано столько же, сколько людей собралось на обсуждение. Двое из его участников, муж с женой, в течение трех месяцев после землетрясения работали в Ташкенте, не раз бывали у Вазиры и Аброра в гостях. Теперь они пригласили Вазиру «в порядке завершения дискуссии» поужинать с ними на Арбате, в ресторане «Прага». После ужина все пошли пешком через Красную площадь до гостиницы «Россия». Вазира, конечно, не отпустила супругов без ташкентского дастархана; они поднялись в номер на одиннадцатом этаже, выпили по чашке чая — соседка из латвийского театрального общества еще не пришла, — а на прощанье Вазира вручила гостям по дыне в подарок: на память о Ташкенте.

Проводив гостей до лифта, Вазира заспешила в номер, но звонить домой было уже поздно — половина одиннадцатого! В Ташкенте сейчас половина второго ночи. Аброр закончил свой проект, из-за которого не спал ночами, ему надо отоспаться, а он у нее такой, что, разбуди его телефон, потом до утра глаз не сомкнет.

Вазира решила отложить телефонный разговор до утра.

Встала она рано, хотя соседка-латышка уже исчезла. Пока заказала разговор, пока станции соединялись одна с другой, пробило восемь. В Ташкенте, стало быть, одиннадцать часов. Аброр на работе, Малика в школе, а Зафар на улице играет; трубку никто не поднял. Вазира назвала телефонистке номер рабочего телефона

Аброра. Соединили. Но как раз в это время его вызвали в дирекцию. Невезенье, да и только!

Целый день занятая работой, Вазира лишь к вечеру смогла попасть в магазин, чтобы купить заказанную сыном самоходку. До самого закрытия универмагов искала Малике туфли, но так и не нашла. Совсем разбитая торговой толчеей, голодная, она зашла в кафе в Столешниковом переулке перекусить. Добралась наконец до гостиницы снова в одиннадцатом часу. По московскому времени. Вазира представила себе, как ждет ее звонка, как нервничает Аброр. Снова позвонила на телефонную станцию и заказала на завтра разговор с Ташкентом в пять утра по московскому времени. «Соседку потревожу, — подумала Вазира, поглядев на аккуратно прибранную кровать деятельницы ВТО (она еще не появилась). — Но как иначе поступить?»

В пять часов, когда Вазира спала будто убитая, пронзительно зазвенел телефон. Вазира потерла заспанные глаза, соскочила с постели, приготовилась говорить.

— Вы заказывали Ташкент? — донесся издалека голос телефонистки.

— Да.

— Линия, к сожалению, не работает. Повреждение. Перенесете заказ на другое время?

— Да. — Вазира прикинула, когда сегодня сумеет освободиться. — На три часа дня, пожалуйста.

— Заказ переносится на пятнадцать часов, — подтвердила телефонистка и повесила трубку.

Часов в двенадцать Вазира встретилась с Шерзодом в кабинете метростроевца Павла Даниловича Катинова: они договорились об этом по телефону с утра.

За левым ухом у Павла Даниловича закреплен датчик слухового аппарата, от которого вниз, к левому боковому карману пиджака, тянется аккуратный белый шнурок. Во время беседы Катинов достает из кармана аппарат и подносит его поближе к говорящему: Павел Данилович повредил слух при взрыве, во время проходки одного из тоннелей. Держится метростроевец бодро, энергичен, подтянут. Не старый, чуть за пятьдесят, видный мужчина. Галантно пошутил, обращаясь к Вазире:

— Мы безгранично рады, что столь прелестные женщины становятся музами метростроения!

— Спасибо, Павел Данилович! Только музы... нуждаются в вашей помощи. У них еще маловато опыта.

Вазира рассказала о линии метрополитена, которую предстоит прокладывать под дном Бозсу, о нерешенных вопросах, — по ним-то ташкентцам желательно получить авторитетные советы.

— Вам обязательно следует самому съездить в Ташкент и все посмотреть. Очень вас просим, — сказала Вазира. — Сейчас я только одно хочу узнать. Когда дело станет безотлагательным и мы пригласим вас для консультации, сможете ли вы приехать дней на пять — десять?

— Съездить хотелось бы. Ташкент я видел только раз, в пятьдесят пятом году. Неплохо бы снова побывать в вашем славном городе.

— Ну, сегодня Ташкент совсем другой!

— Павел Данилович, — включился в разговор и Шерзод, — у меня есть предложение. Сегодняшняя наша встреча — неофициальная. Но это залог будущего сотрудничества — это надо отметить! Как, Вазира, не пригласить ли нам Павла Даниловича на скромный товарищеский ужин в наш московский «Узбекистан»?

Вазире не улыбался этот ресторанный вечер с посторонними... ну, в общем-то, действительно с посторонними ей мужчинами, но голос гостеприимства (Шерзод приглашал в «наш «Узбекистан») не позволил ей сказать «нет».

— Хорошо бы, — согласилась она.

— Знаю, кухня в «Узбекистане» отменная, — сказал Павел Данилович. — Только ресторан-то постоянно переполнен. Мест, боюсь, не найдем.

— А это уж моя забота, — весело рассмеялся Шерзод. — Будут места, будут. Какие захотим.

Павел Данилович засмеялся, и Вазире захотелось, чтобы он под каким-нибудь предлогом отказался от предложения.

— Шерзод Исламович, видите ли... сегодня вечером я иду в театр.

У Вазире полегчало на душе, но, чтоб не выдать себя, она воскликнула:

— Как жаль!

А Шерзод огорчился искренне: какой еще повод найдешь заманить Вазире в ресторан.

— Павел Данилович, — продолжал он настаивать, — тогда хоть давайте пообедаем вместе. Скоро перерыв.

— В ресторане? Не успеем за час.

— Без пятнадцати час. Ресторан отсюда недалеко.

Вазира вспомнила, что в два тридцать ей надо быть в гостинице: заказан телефонный разговор с Ташкентом, — весь день в голове держала это, а сейчас чуть не упустила из виду.

— Только мне в третьем часу необходимо снова быть здесь, — предупредил Павел Данилович.

— Обязуемся доставить вас сюда ровно в два, не так ли, Вазира?

«Не успеем», — хотелось сказать Вазире, но... она кивнула:

— Обязуемся!

С улицы Герцена до Неглинной домчались мигом (Шерзод успел поймать такси).

На парадных дверях ресторана висела табличка: «Мест нет». За дверными стеклами виднелась величественная фигура швейцара в черном костюме с золотыми шевронами и лампасами. Тоскливо томила на тротуаре очередь — человек тридцать, не меньше.

Через три минуты после того, как Шерзод исчез за служебным входом, сбоку от главного, — двери распахнулись. Метрдотель пригласил их войти в малый зал.

В очереди зашумели, но швейцар невозмутимо объяснил:

— Места этим гражданам с утра заказаны.

Господи, сколько же времени прошло с тех пор, как она в последний раз была в настоящем ресторане!

Из кухни доносился, дразня аппетит, аромат плова, приправленного тмином: ей ли не знать, как это вкусно! Мимо низеньких столиков, установленных на коврах яркой расцветки на бекасамовых курпачах, мимо зеркал в нишах шли они к своему месту. Павел Данилович не выдержал, воскликнул:

— Красиво оформлено!

В малом зале и народу было мало.

— Мы рады вам! — слегка поклонился метрдотель Вазире и предупредительно отодвинул ее стул, помогая сесть за стол.

Шерзод уже успел «обработать» своего знакомого заведующего залом: «Гости из министерства, знаете ли, знатоки и гурманы, но все-таки постарайтесь их удивить». На столе появился сначала, как и положено за среднеазиатским обедом, душистый зеленый чай в чайнике пунцового цвета и такие же ярко-красные пиалы

на лягане, расписанном цветами белоснежного хлопка, а потом пошли пышные, выпеченные в тандыре лепешки, ломтики казы, пятизвездочный узбекский коньяк, «Хосилот» и «Гулоб»¹.

Шерзод хотел налить Вазире коньяку, но она отказалась:

— Нет-нет, лучше сухого... «Гулоб», пожалуйста.

Павел Даниилович снял слуховой аппарат, положил его в карман. Вазире пришлось повысить голос, наклонившись к нему:

— Павел Даниилович, обратите внимание... «Гулоб» и в Ташкенте не часто найдешь. Большая редкость.

— Что вы говорите? Тогда и я, пожалуй, с него начну.

Шерзод налил гостю вино в большой фужер. Провозгласил первый тост — за Павла Данииловича, за дружбу и сотрудничество москвичей и ташкентцев. Павел Даниилович отпил глоток, зажмурился от удовольствия:

— Божественно!.. Что-то подобное я только в Париже пробовал.

Шерзод тут же припомнил забавные случаи из их, с Павлом Данииловичем, совместной поездки в Японию. Повторил свой «самолетный» рассказ о выставке. Видно было — Шерзод любил ненароком подчеркнуть, что часто бывает за границей. Павел Даниилович посмотрел на Вазире, усмехнулся:

— Да, Япония — удивительно своеобразная страна. Но и наши республики способны своей яркой неповторимостью поразить воображение. Узбекистан, например. Это же чудо что за страна! Где еще отыщешь Самарканд, Бухару, Хиву, их удивительную архитектуру, а наряды, блюда, мелодии! Да вот и в этом зале — резьба, узоры, роспись на фарфоре. Какие шелка, ковры — высокое искусство!

В фарфоровых кашах подали маставу, исходящую пряным букетом запахов от разнообразных приправ. Слабым казался «Гулоб», но щеки у Вазире разругались, глаза заблестели. Шерзод налил ей еще вина.

— Павел Даниилович, мы с Вазирой Бадаловной вместе в институте учились. И, как видите, студенческая дружба продолжается. При вас я хочу открыть Вазире одну тайну. Проходка линии метро под каналом Анхор

¹ «Хосилот» («Урожай»), «Гулоб» («Розовое») — сухие узбекские вина.

меня очень интересует. Есть и у меня заветные, в сердце выношенные творческие замыслы...

— Вот так новость! — Слова Шерзода почему-то развеселили Вазиру.

— Да-да, не одним ландшафтным архитекторам свойственно мечтать... Чтобы претворить мои замыслы в жизнь, мне тоже надо посоветоваться с вами, Павел Данилович.

— Пожалуйста, Шерзод Исламович, я всегда к вашим услугам.

— Павел Данилович, — заговорил Шерзод погромче, чтобы гость мог все слышать, — все достоинства нашего края, о которых вы красноречиво сказали только что, воплощает в себе Вазира. Вы согласны?

Вазира покраснела, смущенно опустила голову, быстро зашептала по-узбекски:

— Не надо, прошу вас!

— Да, да, это мое искреннее, глубокое убеждение, — продолжал Шерзод, поднимая бокал для нового тоста.

И на Павла Даниловича подействовала привлекательность, женственность Вазиры, особая мягкость ее взгляда, изящество жестов, красивый грудной голос.

— Вы и меня очаровали, Вазира Бадаловна, просто очаровали, — признался Павел Данилович простодушно. А когда Шерзод предложил тост за Вазиру, Катинцов поднялся с места и добавил: — За таких прекрасных женщин мужчины пьют стоя!

Шерзод поспешно вскочил с места и одним махом осушил рюмку.

Подали ароматный, благоуханный плов. Вазире вдруг сделалось грустно, она отставила свой бокал. Шерзод умоляюще прошептал:

— Выпейте, прошу вас... Я сказал искренне, от сердца, уверяю вас.

Вазира сделала глоток. Шерзод налил ей еще, дополнил, взглянул заговорщиком: слова, ждем от вас слова, Вазирахон.

Она смотрела на сотрапезников застенчиво, глаза увлажнились почему-то, став по-особому блестящими. Шерзод подумал, что женщине этой сейчас можно дать двадцать пять, от силы тридцать лет. Он знал, что Вазире тридцать шесть, но никогда так сильно его не влекло к ней, даже в юности. По лицу Павла Даниловича он заметил, что и метростроенец подпал под власть ее обаяния.

— Чтоб высоко ценить других, — заговорила Вазира, — оценивающий должен обладать особым качеством сам.

— Правильно! — взбодрился Павел Даниилович.

— Я впервые вижу вас сегодня, Павел Даниилович, но чувствую, что у вас добрый глаз, что это особое качество доброжелательности вам присуще. Вы умеете дорожить своеобразием других людей... людей других народов, хочу я сказать.

— Ну, а... как же иначе? Своеобразие каждого обогащает нас всех.

— Эту вашу мысль сразу поддержал бы и мой муж, он тоже архитектор...

— Ах, и муж у вас архитектор! — обрадовался Павел Даниилович. — Знаете, по вашему лицу я вижу, что он незримо присутствует здесь.

Шерзод откинулся на спинку кресла, вприщур, будто издали, стал рассматривать Вазиру, ее лицо, руки, грудь.

— Да, архитектор... ландшафтный. — Вазира покосилась на Шерзода. — Я уверена, Павел Даниилович, когда вы познакомитесь с моим мужем, то вы будете с ним дружить... как с Шерзодом Исламовичем. — Впрочем, не могла сегодня Вазира долго сердиться. И не желала, чтобы кто-то в ее присутствии сидел с каменным лицом! — Раз я одна среди двух замечательных мужчин... я сразу скажу и о редких достоинствах другого спутника, моего студенческого товарища Шерзода... У нас, Павел Даниилович, есть слово «джомард», оно соответствует понятию джентльмен. Шерзод — вот такой джомард.

Разве кто-то сидел здесь с каменным лицом? В глазах Шерзода мгновенно вспыхнула живая радость.

— Я была сегодня просто восхищена тем... — продолжала Вазира, — тем мастерством, с которым так быстро и красиво Шерзод организовал вот это застолье.

А Павел Даниилович поражался тому, как мгновенно меняется лицо Шерзода в зависимости от того, что и как говорит Вазира.

— Да, да, удивительно! — согласно кивал головой Павел Даниилович.

— Итак, мой тост — за Павла Данииловича, за его приезд в Ташкент вместе с супругой и за Шерзода

Исламовича, за осуществление его творческих замыслов при содействии Павла Данииловича.

— И при вашем, непременно при вашем, Вазирахан, спасибо вам! — Шерзод чокнулся и с волнением заглянул ей в глаза.

Тост сказала она сама, а по обычаю сказавший тост должен осушить бокал до дна. Вазира выпила и почувствовала, как жаром охватило руки и ноги, как закружилась голова, приятно и страшновато. «Не опьянеть бы! — испугалась она. — Говорят, надо побольше есть». Но тут же и забыла про плов. Выпила одним духом бокал боржомом, который ей был налит все тем же предупредительным Шерзодом.

Обед завершился ровно в два. Когда они проходили через большой зал, Вазира прибавила шагу. В зале сидело много людей из Узбекистана: атласные платья женщин и черно-белые тубетейки мужчин бросались в глаза. Чувствуя, как жаром пылает от выпитого вина лицо, Вазира с опаской думала: «Знакомых бы, не ровен час, не встретить, а то потом разговоров не оберешься, до Аброра дойдет...» Она знала, что так думать старомодно, но ничего поделать с собой не могла, ей все-таки было отчего-то стыдно.

Шерзод задержался, чтоб расплатиться с официантом. А Павел Даниилович быстро догнал Вазиру, помог спуститься в вестибюль.

— Вы просто очаровали меня, Вазира Ба-да-лов-на. И Шерзод Исламович — замечательный человек. И кавалер.

Подоспел Шерзод. Уже на улице Павел Даниилович сказал:

— Мне бы очень хотелось познакомить вас обоих с женой. Вы свободны сегодня вечером? Может быть, с нами вместе в театр пошли бы?

— Пойдем! Спасибо! — сразу согласился Шерзод.

— А в какой театр? — Вазира колебалась, что-то удерживало ее, напоминало о невыполненном каком-то обещании.

— В «Современник».

— Ох, это знаменитый театр! — Вазира всплеснула руками.

— Я бы мог помочь с билетами, — предложил Павел Даниилович.

Шерзод возликовал:

— Замечательно! Там мы и с супругой Павла Данииловича познакомимся.

— Ну что ж... Попробуем, — нерешительно произнесла Вазира.

Шерзод и на этот раз быстро отыскал такси. Вазира села рядом с водителем, мужчины — сзади.

— Отвезем сначала Павла Данииловича, мы ему обещали, — напомнила Вазира.

Шерзод должен был выйти с Павлом Данииловичем. Но остался. Ему не хотелось расставаться с Вазирой.

— Я вас сам отвезу, — сказал он ей. — А вам, Павел Даниилович, позвоню из «России».

Такси миновало площадь Дзержинского и по улице Разина выехало к гостинице. Шерзод наклонился сзади к Вазире, тихо спросил по-узбекски:

— Ну как, вы довольны, ханум?

«Все это ради вас!» — так услышала его Вазира, не обернувшись, ответила вежливо, стараясь не волноваться:

— Столько беспокойства я вам доставила...

— Для меня это радость — беспокоиться о вас, Вазира.

— Не понимаю.

— Я ведь сейчас расплачиваюсь за свою ошибку.

— О какой ошибке вы говорите? Не понимаю.

— О том, что вас упустил... О том, что на другой женился... Я раскаиваюсь... Вы как будто вернули меня в мои студенческие годы.

Шерзод говорил громко и откровенно, словно решаясь на что-то.

Она обернулась. Посмотрела ему в глаза. Он и впрямь сейчас выглядел моложе лет на десять — пятнадцать. И она улыбнулась...

Когда-то, еще двадцатилетней девушкой, Вазира иногда мечтала: этот Шерзод, который думает, что он ее уже покори́л, этот обаятельный самоуверенный эгоист Шерзод, ну-ка пусть пострадает по ней, пусть потерзается от неразделенной любви. Она никогда не любила Шерзода, но его тяга к ней льстила и все-таки ее волновала.

На мгновение ей почудилось, что и она вернулась в то далекое время, когда была взбалмошной девушкой, а Шерзод двадцатилетним красивым джигитом, влюбленным в нее беззаветно (так он говорил) и даже подговоровившим своих родителей, чтоб они высватали Вазиру против ее воли... Против ее воли! И тут же девичьи

сантименты-воспоминания отлетели от нее, а подводные камни, о которые ударил ее поток взрослой жизни, обнажились в неумолимой своей реальности.

— Шерзод, по-моему, вы счастливы...— Вазира от-вернулась, стала смотреть прямо перед собой, в ветровое стекло.— У вас такая жена... красивая и знаменитая! Не напрасно ее считают звездой сцены.

— Вот именно — звездой... есть блеск, нет тепла.

Вазира засмеялась. В шутовой угрозе подняла — все так же, не оборачиваясь,— кулак правой руки.

— Перестаньте, Шерзод! Я не люблю мужей, критикующих своих жен в их отсутствии.

— Да я и при ней это говорю. Чем быть с далекой и холодной звездой, лучше найти хотя бы маленькую свечку, которая дала бы свет и тепло хижине бедняка.

— И вы себя, конечно, считаете таким бедняком, да, товарищ поэт?

— Не надо шутить. Разве вы не видите этого сами, Вазира? У меня в жизни вроде бы все есть. Но я имею в виду жизнь духовную. Она у вас куда богаче в сравнении с моей! И вот теперь, вообще говоря, ко мне пришло пронзительное ощущение: каким богатым душевно и чистым душевно я был бы, шагай всю жизнь рядом с вами.

Глаза Вазиры сияли, Шерзод уловил это в маленьком шоферском зеркальце впереди. Его слова пробивали броню, в которую заранее она себя заковала. Вазира смутилась, отнеслась внутренне благосклонно к его признанию в любви!

— Судьбы наши уже сложились, Шерзод. Переделывать их поздно,— вымолвила Вазира все так же, не оборачиваясь.

— Я понимаю, но...

— А шагать рядом... что ж... студенческие друзья, коллеги... мы и шагаем сейчас рядом... Кстати, ваши проекты тоже имеют отношение к Бозсу?— спросила она, меняя тему разговора.— Для меня это и вправду новость. И, честно, приятная.

Шерзод потер пальцами лоб, собираясь с мыслями.

— Не об этом я хотел, Вазира... О проекте я вам потом расскажу... Ну, не хмурьтесь... Если настаиваете... Суть моего предложения в следующем: на месте нынешнего извилистого, искривленного русла Анхора целесообразно проложить русло ровное, как стрела, и одеть берега канала в мрамор и бетон.

Вазира вспомнила план-проект Аброра... У него тоже очень интересные идеи.

Как бы сама себе ответила:

— С Бозсу работы будет очень много. Всем хватит. И споров будет много, пока не найдем общего решения.

«В самом деле, почему предполагается «или — или», а не объединение интересных идей?» — спросила она себя мысленно.

Такси проехало под эстакадой, вдоль «России», остановилось у гостиничных дверей. Войдя в подъезд, Вазира взглянула на электрические настенные часы: стрелки показывали без двадцати три. И разом все вспомнилось: заказ на телефонный разговор, неудачные до сих пор попытки связаться с Ташкентом, с Аброром. Она заспешила к лифту, почти невежливо обгоняя Шерзода...

Перед открывающимся лифтом Шерзод осторожно придержал ее за локоть.

— Могу я проводить вас в ваш номер, полный чудес?

На Вазире было платье с короткими рукавами. Почувствовав на оголенном предплечье горячую ладонь Шерзода, Вазира отодвинулась в глубь кабины, чуть прижалась к стенке. Шерзод не убрал руку.

— Да, Шерзод, — нарочито спокойно сказала Вазира, когда лифт остановился на одиннадцатом этаже, — вы же за билетами в театр собирались ехать... Так до вечера. — И, высвободив локоть, перешагнула через прорезь между полом этажа и полом автоматически открывшейся кабины.

Шерзод решил не торопиться.

— До скорой встречи. Зайду к вам с билетами, хорошо? Вы пока отдохните. — И Шерзод нажал на кнопку «тринадцать».

Энергичной соседки опять не было дома. Вазира уже вставляла ключ в замок, когда из номера послышались продолжительные телефонные звонки. Она торопливо открыла дверь, вбежала в комнату, схватила трубку.

— Вы заказывали Ташкент? — спросила телефонистка.

— Да!..

— Так почему же в назначенное время вас нет в номере? — раздраженно продолжала телефонистка. — Я уже два раза вызывала... Алло, Ташкент!.. Это Москва. Говорите!

— Кто это? — спросила Вазира. — Аброр?

В трубке раздалось тоненькое:

— Мама, это я, Малика!

— А папы дома нет?

— Нет... Почему вы два дня не звонили? Папа так ждал!..

Слышимость была спосная, а голосок дочери прерывался. Похоже, Малика расстроена, говорит сквозь слезы. Вазира стала объяснять, что была занята, что с утра не работала телефонная линия, потом спросила:

— У вас все в порядке? Папа на работе? Где Зафар?

— Зафар... Зафар... — запинаясь, начала Малика. — Его папа увез.

— Куда увез?

— Это... я в школе была... Соседка наша, тетя Сахиба́, сказала... Мама, когда вы приедете?

Малика плакала, уже не скрываясь.

— Да что случилось, Малика? Зафар заболел?

— Нет... Зафар папу не слушался. И я ему сто раз говорила... В нашем дворе стройка. Зафар все время в соседний двор ходил играть.

— С Зафаром что-то стряслось?

— Собака его укусила.

— Собака? Чья собака?

— Бродячая. У нее нет хозяина. Зафар хотел ее по голове погладить. А она злая была, взяла и укусила.

— За руку?

— Нет, за ногу.

Вазира будто наяву увидела голые, незащитные, в коротких шортиках ноги сынишки, кровоточащую рану — след укуса бродячей собаки; колени ее задрожали от слабости. Она опустилась на край постели, спросила тихо:

— Что... сильно покусала?

— Не знаю. Папа его к доктору повез.

— В больницу?

— Не знаю... И папа не звонит. Уже три часа как уехал. А я жду, жду!..

— Да подожди ты, не плачь. Собака бешеная была?

— Никто не знает. Ее еще не поймали.

— Ну что за напасть такая! — воскликнула в отчаянии Вазира.

— Когда же вы прилетите, мама? Когда?

Конечно, девочка очень напугана всем случившимся. Ее надо бы успокоить, утешить.

Дела в Москве у Вазиры были закончены. Завтра она

собиралась походить днем по магазинам... Никаких театров! Никаких магазинов!..

— Я тотчас в аэропорт! Слышишь, Малика? Я уже собираюсь... Малика, Малика, передай папе, я обязательно прилечу или сегодня вечером, или завтра утром. Пусть меня не встречает. И лечите Зафара!

— Хорошо, мамочка, я все передам,— уже заметно бодрее отозвалась Малика.— И Зафар будет рад. Счастливого вам пути! Поскорее прилетайте!

Положив трубку, Вазира почувствовала: во рту все пересохло. На столе стояла начатая бутылка боржоми. Она наполнила стакан, выпила его одним махом, как во время недавнего обеда в ресторане. Ах этот ресторан, этот несносный, настойчивый Шерзод со своими разговорами в такси! С ее беззащитным сынишкой там такое случилось, а она тут по ресторанам ходит, вино пьет, млеет от признаний Шерзода. Стало так больно, ощутимо больно, почти физически, словно и ее, Вазиру, ранили острые собачьи зубы.

Несколько долгих минут женщина сидела неподвижно на кровати, бессильно опустив руки. Потом вскочила, схватила вещи. Побежала в ванную комнату. Умылась, наскоро причесалась, стянула платье с короткими рукавами. Уже спокойная, Вазира переделалась в другое платье.

В дверь негромко постучали.

— Можно?

Шерзод сиял. Он помахивал двумя театральными билетами. Уверенно прошелся по ковру. Огляделся. Встал у раскрытого окна.

— О, какой вид!.. А вот и билеты в театр!.. Где же соседка?

Вазира продолжала набивать чемодан — платья, туфли, тапочки сверху. Коротко бросила:

— Мне сейчас нужен билет на самолет, а не в театр.

Шерзод увидел открытый чемодан, каменное лицо Вазиры. Мгновенно протрезвел.

— Что случилось?

Еле сдерживая слезы, Вазира пересказала то, что узнала от Малики.

— Не надо так расстраиваться,— тут же стал успокаивать ее Шерзод.— Меня в детстве тоже кусала собака. Все обойдется, Вазирахон. Посмотрим сегодня спектакль, а завтра утром я вас провожу прямо в аэропорт.

— Собака могла быть бешеной, Шерзод. Десятилет-

ний ребенок... Нет, не до театра мне, не до театра! Передайте Павлу Даниловичу мои извинения. Он поймет. А я помчусь сейчас прямо в аэропорт.

— А билет?

— Попытаюсь там купить.

Было ясно, что Вазиру уже ничем не остановишь.

— Пятый час... А ближайший рейс?.. Да, дела неважные... Впрочем, погодите! В постпредстве у меня есть товарищ... Попробую ему позвонить.

— Пожалуйста. — Вазира пододвинула телефонный аппарат.

Стоя, Шерзод стал набирать номер представительства Узбекистана в Москве. У Вазиры спросил:

— Вы депутат?

— Райсовета... Это не имеет значения.

— Как это не имеет? Каждый район Ташкента равен областному городу.

Разыскав по телефону знакомого, Шерзод долго, как показалось Вазире, невыносимо долго обменивался с ним любезностями, расспрашивал о здоровье, о детях, о делах, а потом, будто вскользь, заметил:

— У меня к вам есть просьба. Нашему депутату товарищу Агзамовой необходимо сегодня же вечерним рейсом вылететь в Ташкент. Вы, наверное, слышали о ней... Вазира Бадаловна Агзамова... Не смогли бы вы позвонить в Домодедово? Да-да, в счет вашей брони... В зал депутатов? Ну, отлично! Спасибо! — Шерзод положил трубку, повернулся к Вазире: — Все в порядке. Пройдете прямо в зал депутатов.

Вазира захлопнула чемодан. Остановилась перед трюмо, оглядела себя в зеркало. Машинально взяла какой-то флакон. Шерзод понял, что женщине нужно сейчас остаться одной.

— Ну, ладно, — сказал он с глубоким вздохом. — Вы тут завершайте экипировку, а я пока пошел вниз, такси буду ловить.

Тронутая предупредительностью, Вазира положила руку на его плечо:

— Спасибо вам за все, Шерзод.

Минут через десять спустилась вниз и Вазира. Шерзод ждал ее на улице с машиной.

— Позвоните, Шерзод, когда вернетесь в Ташкент, — сказала Вазира. — Знаете... проект, о котором вы рассказывали сегодня, меня заинтересовал. Мы могли бы включить его в наш план.

Конечно, не этого ждал от Вазиры на прощанье Шерзод, но... включить проект в план ее авторитетного учреждения... Ого, как это трудно! Однако у Вазиры сил хватит. На все хватит у нее сил, энергии, дружеской расположенности. Шерзод с нескрываемым обожанием посмотрел Вазире в глаза, поднес к губам ее красивую руку, поцеловал. И, не выпуская ее руку из своей, наконец попрощался:

— Счастливо долететь, Вазира! До встречи в Ташкенте!

ГЛАВА ПЯТАЯ

У Аброра и в мастерской работы было невпроворот, а тут еще хлопоты со сносом родительского дома. Замотался: то туда, то сюда ездить пришлось, бесконечные разговоры... Вот и получилось: о том, что сынишку укусила собака, услышал от соседа, случайно встреченного у дверей райисполкома.

Аброр сразу бросился назад к машине, помчался домой.

Квартира заперта: Малика еще в школе. Аброр позвонил в квартиру напротив. Перепуганный, бледный Зафар сидел там.

Мальчик хотел бы, но не мог преодолеть страх, губы его дрожали, крупные слезы виднелись на щечках. «Папа... папа...» — только и сумел выговорить Зафар.

Аброр бросился к сыну. Соседка уже смазала йодом укушенное выше коленки место и забинтовала ногу мальчика. Аброр спросил:

— Сильно болит?

Зафар кивнул. И тихо заплакал: не столько, видно, от боли, сколько от испуга, от пережитого потрясения.

...В соседнем дворе трое мальчишек гоняли хорошенькую такую, светло-рыжую собачонку, швыряли в нее камни. «Не бейте ее! — закричал Зафар. — Я ее возьму... буду за ней ухаживать!..» Он подбежал к собаке и хотел приласкать ее. А собака зарычала и, будто в отместку за что-то, хватя его за ногу! И убежала.

Аброр пощупал у сына лоб.

— Температуры нет, не бойся, все заживет, — стал он успокаивать Зафара. — Привык играть с кошкой и собакой у дедушки во дворе, вот и к этой побежал, к чужой. Дедушкина собака знает тебя. А разве можно к чужой подходить, да еще гладить? — Аброр похлопал

сыннйшкү по плечу и обернулся к соседке: — Спасибо вам, Сахиба-апа, за помощь.

— Ой, да что вы! Какое там спасибо... У бедняжки Зафарчика только сегодня каникулы начались, и вот на тебе... Хоть бы эта собака, чтоб ей пропасть, бешеной не оказалась!

— А вы сами ее видели, Сахиба-апа?

— Да видела, видела. Чуть больше комнатной... они маленькие такие бывают противные. — Сахиба-апа стала рассказывать, при этом расхаживала, по-утиному переваливаясь, по комнате. — Хотела я позвать ее, ну, кусок какой-нибудь дать, да клички ее, пропади она пропадом, не знаю. «Эй-эй, иди сюда!» — так не идет. И никто не знает, откуда она взялась. Кто-то сказал, что из кишлака прибежала, другой говорит — из соседней махалли. Наверное, старый двор какой-нибудь снесли, хозяин в новый дом переехал, а собаку бросил. Нешто мыслимо это — на этажах дворовых-то собак держать! Вот она по улицам и бродит... — Толстущка Сахиба глубоко и шумно вздохнула. — Доктору показать Зафарчика надо.

Она наконец вспомнила вопрос Аброра.

— Видеть видела, да кто ж ее знает, больная она или здоровая.

Аброр, опасаясь, что собака может быть больной, не дай бог, бешеной, решил немедленно связаться с врачом. Он тут же позвонил в поликлинику, нашел знакомого врача и все ему подробно рассказал.

Врач обеспокоился:

— Плохо, что собака бесхозная, бродячая. Сорок уколов могут назначить мальчику. В нижнюю часть живота. Очень болезненные.

— А нельзя ли вам сперва осметреть Зафара?

— Нет, для этого существует специальная поликлиника. От вас ехать через улицу Самарканд-Дарбаза, потом свернуть направо, не доезжая до Актепе... И везите ребенка побыстрей. Сначала укол против столбняка надо сделать... Собаку тоже не упустить бы. Ее надо поймать и привязать.

— Может, не стоит поднимать шум?

— Нет, нет, это все очень для жизни опасно. Тут нельзя мешкать.

Аброр положил трубку. Обхватил голову руками. Надо собраться с мыслями. Наметить план действий... Где ветеринаров искать? Нет, сначала поймать собаку. Привязать. Куда ее привяжешь?.. А в мастерской сроч-

ная работа остановилась! Аброр снова взялся за телефон, позвонил к себе в институт. Хорошо хоть там все в порядке, люди заняты делом.

— Я, наверное, задержусь,— сказал он Лене.— Сынишку потребовалось к врачу отвезти. Срочно. А жена в командировке. Если из дирекции спросят, расскажите, пожалуйста, все как есть.

На кухне Зафар пил простоквашу, заедая хлебом. Аброр заставил себя пошутить:

— Ну, как дела, мулла Зафар? Хвост пистолетом? А не так, как у той собачонки — поджатый?

Зафар виновато-застенчиво улыбнулся и кивнул головой.

Время обеда подходило к концу, но Аброру не хотелось есть, хотя перекусить стоило бы: до вечера предстоит еще столько беготни и хлопот!.. Он налил и себе стакан простокваши, стоя опустошил его. Запил холодным чаем прямо из носика чайника. Вышел на балкон и отвязал веревку, на которой Вазира иногда развешивала белье. Потом достал из холодильника колбасу, отрезал несколько кусочков, завернул их в старую газету.

— А ну пойдём, Зафар, покажешь мне свою собаку.

Они спустились, сели в машину. Аброр переехал через широкую улицу, поставил «Жигули» в тени четырехэтажного дома. Здесь они вышли, обогнули дом, вошли во двор. Аброр стал расспрашивать ребятишек, и вот — удача! — быстро разыскали собаку.

И вправду светло-рыжая, маленькие ушки, тоненький хвостик. Спокойно лакает воду из лужи.

На помосте, установленном под деревьями, сидел старичок с короткой белой бородой. Аброр поздоровался, спросил:

— Отец, можно я поймаю эту собаку? — Старичок кивнул. — Никто не знает, как ее зовут. Может, вы слышали?

— Рыженькую-то? Слышать-то слышал. Да вот память, будь она неладна!.. Должно быть, Сиртлан... Бездомная, ничья она.

Аброр подошел поближе к собаке.

— Сиртлан, Сиртлан! — Собака с опаской оглянулась на зов. — На, Сиртлан, на! — Аброр кинул на землю почти рядом с собой два кусочка колбасы.

Собака приблизилась. Аброр вытащил из кармана веревку и стал заходить к светло-рыжей сбоку так, чтоб удобнее накинуть петлю ей на шею.

— Папа, укусит! — крикнул Зафар, оставшийся у помоста.

Аброр махнул рукой: мол, не шуми. «А вдруг правда цапнет? Бродячие собаки бывают злые, особенно когда пытаются их приманивать, трогать. Но Сиртлан, видно, не бешеная собачонка. Бешеные боятся воды, к пище не прикасаются. А Сиртлан недавно из лужи пил, да и колбасу вон как уплетает, будь здоров! Голодная, просто бездомная...»

— Сиртлан... Сиртлан... Вот сейчас... Сиртланушка... Лежать! Смирно лежать!.. Сиртланушка...

Аброр выбросил вперед, перед собачьей мордой, обе руки с зажатой в них толстой веревкой и дважды обвязал шею и грудь собаки. Сиртлан попытался вырваться, но петля оказалась крепкой.

Старику на помосте понравилась смелость и ловкость Аброра.

— Молодец, сынок! Ты Сиртлана себе хочешь взять? — приветливо спросил он.

— Нет, папаша, — ответил Аброр, закрепляя веревку на собачьей шее. — Сиртлан этот паршивый вон того мальчика, сынишку моего, укусил. Теперь врач обследовать ребенка должен. Сейчас туда поедем... А пока я собаку к дереву привяжу, ладно? Только как бы ребяташки ее не отвязали. Или дразнить будут...

— Нет, нет, никто не тронет, никто не подойдет, я присмотрю, — заверил старик Аброра, с сочувствием поглядев на Зафара.

— Спасибо, отец!

Аброр привязал собаку к ближнему от помоста дереву, бросил ей оставшуюся колбасу.

Посреди двора был небольшой фонтанчик. Аброр и Зафар помыли руки.

— Папа, а вы совсем-совсем не боялись! Совсем совсем!.. — с искренним детским восхищением говорил Зафар.

— Бойся не бойся, а поймать Сиртлана надо было.

— Нет, совсем-совсем не боялись!.. Совсем, — гордый за отца, повторял Зафар. Страх у него уже прошел, лицо просветлело, ожило, порозовело.

Облегчение чувствовал и Аброр. Он даже удивился: как же, оказывается, человек, мужчина, отец привязан к ребенку! Когда с сыном что-то случается, он тревожится и страдает больше, пожалуй, чем сам ребенок.

«Жигули» помчались в другой конец города. Ста-

рогородскую Чорсу они миновали мгновенно. Осталась позади и узкая, вся в подъемах и в спусках улица Самарканд-Дарбаза.

Поликлиника помещалась в неприглядном старом здании. В коридорах развешаны плакаты, изображения бешеных собак и кошек. Аброр смотрел-смотрел на них, дожидаясь приема, и его снова охватил страх за Зафара. А вдруг светло-рыжая все-таки бешеная? И роковые вирусы уже расплозятся по организму сынишки, готовят ему гибель...

Молодой доктор снял бинты, осмотрел ранку на ноге Зафара, задумался. Аброр стал рассказывать ему про то, как разозлили собаку мальчишки, и про то, как собака после всего случившегося пила воду, ела колбасу.

— Все равно... Бродячая собака есть бродячая собака, — изрек врач. — Поэтому, согласно существующим правилам, мы должны начать серию уколов.

— Это сорок-то уколов?! Ну нет! Зачем напрасно мучить ребенка? Собака ведь не больная.

— У вас есть справка ветврача?

— В данный момент ее нет, но я тут же отвезу собаку на обследование.

Седая медсестра наложила Зафару на ранку лекарство. И собиралась уже бинтовать ногу, но, видимо, лекарство начало сразу действовать, ногу зацепало, задергало, и Зафар тоненько ойкнул. Из глаз его покатились горошины слез.

Медсестра повернулась к врачу:

— По нашим данным, в Ташкенте сейчас бешеных собак не обнаружено.

Молодой врач нахмурился:

— Я уступаю. Сделаем пока только укол против столбняка.

Зафар понял, что упрямитесь бесполезно, и стал молча снимать шорты.

— Ну вот, молодец, — похвалил его Аброр. — Спасибо вам за все, товарищ доктор! А теперь подскажите... как мне этот ветеринарный пункт найти?

— Так вы еще не знаете?.. Ну и ну! Раньше он рядом с Туркменским рынком был. А сейчас его на Куйлюк перевели. По маршруту пятого трамвая поезжайте. Далековато отсюда, километров пятнадцать...

Было уже три часа дня, машин тьма-тьмуца. Улица Куйбышева совсем ими забита — и легковыми и осо-

бенно большегрузными, которые будто толкались в очереди, то останавливаясь, то снова медленно продвигаясь вперед, выбрасывая черные клубы выхлопного газа, так что трудно было дышать около их громадных колес. И по эдакой дороге пришлось проехать дважды: туда, в спецбольницу, и обратно, к себе в микрорайон, вместе с ветврачом.

Женщина оказалась знающей свое дело специалисткой. Она молниеносно справилась с привязанным к дереву Сиртланом, упрятав его в крепкий рогожный мешок. И Аброр, и старичок сторож только рты разинули, глядя, как ловко накинута женщина мешок на собаку, как быстро захлестнула горловину мешка специальным шнуром. Сиртлан начал барахтаться в мешке, громко заскулил, но женщина успокоила пленника, окликающая почти ласково по имени, потом повернулась к Аброру и приказала:

— Берите-ка за другой конец мешка! Нет, не здесь, не здесь... Собака все же собака. Может и укусить. Поднимайте, понесли!

Мешок положили в багажник, и Аброру в третий раз пришлось преодолеть тяжкий путь. Во дворе ветпункта было устроено нечто вроде крытого навеса, под которым расположились решетчатые железные клетки. Собак в клетках не было. Сиртлана водворили в одну из них, заперли дверцу. «Совсем как в зоопарке», — подумал Аброр.

— Сейчас у собаки возьмут кровь на анализ, — сказала ветврач.

— Непохоже, что Сиртлан больной, правда? — с надеждой спросил Аброр.

— Выглядит он нормально. Только если собака заразилась недавно, болезнь даст о себе знать лишь через два-три дня. Поэтому ничего определенного сказать сейчас нельзя. За справкой придете через несколько дней.

Пока Зафар на улице присматривал за машиной, Аброр еще раз подошел к врачу и с тревогой спросил:

— А за это время с мальчиком ничего не может случиться?

— Уколы начали делать?

— Один, против столбняка... На другие я не решился.

— Рискованно поступили... Ну, оставьте свой адрес и номер телефона. Если собака окажется больной, я вам сразу позвоню...

Когда Аброр вывел свои «Жигули» в четвертый раз на дымящуюся, загазованную улицу Куйбышева, было уже пять часов. Спидометр отсчитал за сегодняшний день без малого сто пятьдесят километров.

Вконец издерганный Аброр поспешил к себе в институт — надо было во что бы то ни стало успеть приехать туда к концу рабочего дня, забрать домой чертежи, бумаги — все несделанное сегодня — ночь придется просидеть над ними, ничего не попишешь.

Улицы гудели: начался пик автомобильного движения, колыхалось, густело и разрежалось половодье машин. Каждый метр дороги приходилось брать с боем, как говорится. То движущийся черепашим шагом длинный трехосный грузовик никак не удавалось объехать, то какой-нибудь трактор с прицеппной тележкой преградит дорогу. Вишневые «Жигули» Аброра тыкались-мыкались в потоке, будто уже и у машины нервы не выдерживали, — она то стремительным рывком кидалась вперед, то, вздрогнув, останавливалась, то растерянно металась влево-вправо... И, как назло, в такие минуты из всех щелей твоей памяти вылезает все тяжкое, неприятное, нервное, что накапливается в душе.

Ну и деньки, в самом деле, выпали ему на долю, ну и «вчера-сегодня-завтра»!.. Снос отцовского дома на берегу Бозсу... Отвергнутые, отложенные в долгий ящик директором института сокровенные замыслы... И Шерзод, бегущий рядом с Вазирой, будто вихрем унесший ее куда-то в неизвестность, и почему это она целых два дня не звонит домой?.. И напуганный бедный Зафар, укус этот... кто его знает, что еще покажет анализ?.. Аброр посмотрел на рядом сидящего, странно притихшего Зафара. Мальчик будто бы повзрослел за один сегодняшний день, сидит изможденный какой-то, усталый. Аброр в тревоге протянул руку и пощупал сынишке лоб — нет ли жара? Вроде нет, вроде нормально.

Тревоги и заботы сжимали грудь, теснились в сердце потоком, подобно дымящим автомашинам на этой до краев забитой улице.

Наконец все затихло, наступила ночь. В ее тишине отчетливо слышалось тиканье настенных часов. Изредка в окно врвался скрежет трамвайных колес.

Аброр уложил сына на кровать Вазиры, рядом с собой.

В десять вечера Зафар крепко заснул. Аброр дремал, пробуждался, резко вздрагивая, широко открытыми глазами всматриваясь в темноту. Тихо прикоснулся губами ко лбу сына — нет, температуры не было, и это обнадеживало, что все будет в порядке.

А на столе в комнате рядом лежал чертеж-проект аллеи фонтанов. Ей предстояло возникнуть в скором времени в восточной части центральной городской площади.

Он знал, что проект еще схематичен, не найдена та изюминка, благодаря которой аллея заиграет, станет неповторимой, а потому — притягивающей к себе людей. В дневные часы мысль Аброра буксовала, не могла выйти из трясины шаблона. Он сознавал это, и такое сознание было, пожалуй, основной причиной его постоянного в последнее время раздражения.

Ночами, как ему казалось, он оказывался способным выбраться из тупика. Вот и теперь... Взял чистый лист белой бумаги, неожиданно для себя стал уверенно набрасывать силуэт сооружения, фантастически легкого, из водяных струй, но сооружения с живой, пульсирующей конструкцией. Несколько быстрых и четких движений карандаша — и возникали ряды таких пульсирующих конструкций, сложный, своеобразный ансамбль-аллея... Пять метров высоты, видимо, будет достаточно. Но струй должно быть очень много, и располагаться они должны густо. Двести, пятьсот, тысяча? Может быть, и две!

Аброр мысленно представил себе ныне действующий фонтан-водопад — там всего около ста тугих струй. Словно длинные шлейфы, непрерывно струятся, разом падают почти с десятиметровой высоты... Нет, аллея... Аллея фонтанов должна создаваться совсем иначе. Высота меньше. Плотность водяных «стен», не ширина, а именно плотность, больше. Две тысячи струй! Косички, ниспадающие с головы, радужно играющие в солнечных лучах... Звонкий говор воды, что изливается на прозрачную гладь бассейна, должен перекрыть дисгармонию урчащей и фыркающей городской магистрали. Это тоже будет приятно людям, они станут сюда приходить отдыхать, именно отдыхать.

На какой-то миг Аброру показалось, что он слышит в ночной тишине умиротворяющий плеск, ощущает на

лице приятную прохладу водяной пыли, видит из-за сплошной завесы зелени взлет сверкающих струй; сквозь марево их улица предстает размытой, зыбкой, нереальной. Погружаешься в волшебство удивительной красоты, в слияние острого наслаждения и светлого спокойствия — вот этот долгожданный миг в работе!

Душа, разрываемая на части, беспорядочно захлестываемая потоком мелочей, вдруг озаряется одной-единственной мыслью, одним-единственным чувством-порывом. И эта мысль, этот порыв усиливает твое внутреннее зрение: начинаешь видеть то, чего раньше никак не удавалось разглядеть. И тогда отбрасываешь во имя главного все, что сковывало, захлестывало и разминивало тебя...

Не забыть, тут опять неровности рельефа — перепад уровней между центральной площадью и предполагаемой аллеей. Перепад использован в прежнем фонтане-водопаде удачно. А здесь что делать? Не повторять же старый прием!

Аброр взял еще лист бумаги, попробовал набросать аллею в разрезе, развернуть ее по горизонтали во всю длину. Так... аллея будет располагаться на два метра выше проспекта, а площадь метра на два выше аллеи. Тогда водяные веера будут каскадом ниспадать и предстанут глазам на трех уровнях.

Сердце Аброра билось учащенно, но голова была ясной, и послушные руки чуть ли не автоматически набрасывали на бумагу новые детали, формы, расчеты. В другое время он мог бы все это искать днями и неделями, искать и вовсе не обязательно найти.

Работа поглотила Аброра. И когда он вдруг услышал сквозь полуоткрытую дверь спальни сдавленные вскрики, то сперва не сразу сообразил, что это и откуда. Потом, как бы издалека, вернулся в свою квартиру, все вспомнил, бегом бросился в спальню.

Зафар дергался, глаза его были закрыты.

— По-о... пошла вон! Пошла отсюда!.. А-а-а!..

Аброр приподнял сына, просунув ему руку под лопатки.

— Зафар! Ты плохой сон увидел? Собаку? Зафар!..

Поднял на руки дрожащего ребенка, прижал к груди... Ну да, Зафару приснилось, что его окружили огромные дворняги и от них нет никакого спасения... Жар? Нет. Аброр приложил губы ко лбу мальчика — температуры как будто нет.

— Днем ты перепугался, сынок, и это все приснилось, — стал успокаивать Зафара Аброр. — Не бойся, это просто сон. Он прошел, и все.

— Папа, я пить хочу.

Аброр налил в пиалу кипяченой воды.

— На-ка, сынок, попей... У тебя нигде не болит?

— Нет. Ой, вы еще не спите, папа?

Аброр понял, что сыну не хочется оставаться в постели одному.

— Больше двух часов... Ай-ай-ай, пересидел... Хорошо, что ты сказал мне. Сейчас ложусь.

В кабинете он собрал в одну стопку рисунки и схемы, прижал их сверху тяжелой металлической линейкой. Затем надел пижаму, погасил свет и лег рядом с Зафаром.

— Папа, а что будет с Сиртланом? — Мальчик, видно, перебил себе сон.

— Пока посидит в клетке. Его проверят...

— А потом в собачий ящик?

Мальчик уже знал, что «собачий ящик» увозил бездомных животных на убой. Чтобы не вызвать у него беспокойства, Аброр ответил, что нет, мол, если Сиртлан окажется здоровым, кто-нибудь его может взять к себе домой.

— Папа, а давай мы его возьмем, а?

Аброр удивился:

— Он же тебя укусил... Еще хочешь?

— Но Сиртлан вообще-то не злой. Вас не укусил. Тетю доктора не укусил. Мы уже знаем его имя... Жалко, если его убьют.

— А где его держать будешь? Сиртлан ведь не комнатный пес, ему нужен двор.

— А двор есть у дедушки.

Аброр вздохнул (разговорчивый Зафарджан опять толкнул его в мир неотложных забот).

— Скоро тот двор тоже снесут.

— Как это, зачем?

— Ну, это долго рассказывать. Давай-ка лучше спать. Мне утром на работу идти.

Мальчик помолчал. Но не думать о Сиртлане не мог. Заговорил снова:

— Папа, это же мы отвезли Сиртлана туда, ну, в их собачью больницу. Он был на воле, а теперь в клетке может погибнуть. Я этого не хочу.

Тронутый чувствами сына, Аброр пообещал ему, что,

если Сиртлан окажется здоровым так и быть, они вызволят его, в багажнике повезут за город и отдадут каким-нибудь добрым людям, у кого есть двор и кому нужна хорошая собака. Мальчик этому поверил, успокоился и наконец заснул.

Рано утром, когда Аброр еще крепко спал, настойчиво зазвонили в наружную дверь. Протирая кулаком глаза, Аброр еле сполз с постели, медленно потащился в прихожую, спросил недовольным голосом:

— Кто там?

Из-за двери послышался голос Вазиры:

— Я! Это я! Откройте!

Вазира вбежала, оставив чемодан у дверей.

— Как Зафар?

Вздохмаченный Аброр втащил чемодан в комнату, молча уставился на жену: прилетела птица, будто и не улетала вместе с этим Бахрамовым...

— Вы что молчите?!— прерывисто дыша, запричитала она.— Почему? Зафар в больнице?

Аброр помотал головой, теперь-то окончательно стряхнув дурной сон: Вазира обо всем на свете позабыла, кроме сына. И это понятно, это естественно.

— Да спит он. Малика напугала тебя по телефону?

— Ой, сгинуть бы всем дурным вестям!

От голоса матери девочка проснулась, громко закричала из своей комнаты:

— Мама приехала! Зафар! Вставай! Наша мама приехала!..

Малика не сразу выбежала, она уже стеснялась появляться перед отцом в нижней рубашке. А Зафар босяком, в майке и трусах пулей вылетел из спальни.

— Мама! Мамочка! Ура!!!

Вазира, приподняв сына, обняла его и крепко прижала к себе. Зафар повис на шее у матери, и она на руках отнесла его в спальню. За ними побежала уже одетая Малика.

Аброр стоял у окна и растерянно улыбался.

Малика и Зафар наперебой и со всеми подробностями принялись рассказывать матери о том, что произошло, пока ее не было дома.

Аброр подумал, что сегодня надо пораньше прийти на работу,— значит, он сам сейчас приготовит чай, а Вазира пусть власть поговорит с детьми.

По их рассказу выходило, что Аброр самый замечательный, просто выдающийся папа. Особенно усерд-

ствовал Зафар. Его распирало чувство гордости — а как папа ловил и привязывал собаку, а как он защищал его от укулов!.. Аброр только усмехался, слыша эти восторги, доносившиеся до кабинета, где он собирал свои ночные эскизы в портфель.

— Опять ночью работал, да?.. Ой, а что это за проект?.. Фонтан?

Вазира неожиданно возникла у него за спиной.

— Да. На площади Ленина.— Аброр сдержался, не повернулся к жене сразу.

— Как, и эту работу тебе поручили? — обрадовалась Вазира.— Вот здорово!

— К юбилею, оказывается, успеть надо... Снова штурмовщина.

— Но это задание доверили Аброру Агзамову.. Я поздравляю товарища Агзамова!

Вазира приподнялась на цыпочки и порывисто поцеловала мужа, который соизволил наконец к ней повернуться.

Аброр растаял, конечно. Но не хотел этого показать. Продолжая собирать бумаги, спросил:

— Ну как, удачно съездила?

— Да. К счастью, удалось с делами управиться пораньше. А услышала про Зафара, тут же бросилась в аэропорт. Чтоб ей пропасть, этой паршивой собаке!

— Мальчишка, что ж ему делать, как не бегать. Детскую площадку в нашем доме Бахрамов под строительство отдал. Не сделай твой Бахрамов такой пакости, может, Зафар и не пошел бы в чужой злосчастный двор. А ты прямо на крыльях летишь вместе с ним в эти свои... командировки.

Вазира отстранилась и снова стала серьезной.

— Мне надо было сдать билет, если наш рейс случайно совпал?

— «Наш рейс».— Аброр запихнул бумаги, защелкнул замок портфеля.— Да пусть хоть тысячу раз совпадает, но ты не должна забывать, кто он...

— А кто он? Классовый враг?

— Во всяком случае, нам не друг.

— Но товарищ по работе, коллега. Да и так ли уж надо тебе, Аброр-ака, наживать недругов? Будь хоть слоном, но пусть у тебя и мышь во врагах не ходит.

Аброру хотелось до начала рабочего дня заехать на

площадь Ленина, еще раз тщательно посмотреть места, где будет сооружена аллея фонтанов.

— Ладно, мы потом поговорим. Припомним разные разговоры... Сейчас я спешу.

Вазира кликнула Малику.

— Дочка, а что у тебя есть на завтрак для папы?

— Молоко, творог...

Вазира улыбаясь спросила у мужа:

— Ты все еще любишь ширчай?

— Ну, если... с щепоткой черного перца... то да.

— Хорошо, щепотка перца будет... в соответствии с настроением.

Аброр тоже не сдержал улыбки.

В большой комнате, где стоял телевизор, Зафар уже увлеченно бросал в атаку привезенную мамой самоходку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В конце мая в Ташкенте с утра начинает припекать так, что не только людям, но и машинам спасение одно — в тень деревьев, скорее в тень! Даже могучие «КамАЗы» с прицепами, если не грохочут на солнцепеке в рабочих рейсах, стараются приткнуться свои кабины поближе к высоким чинарам и кленам. Но машин в городе становится все больше, а многолетних, с раскидистой кроной деревьев — все меньше из-за стремительной перестройки кварталов и улиц. Во всяком случае, найти желанное прохладное место, чтоб поставить машину в тень, теперь трудно. И Аброр весьма обрадовался, увидев еще не занятую никем густую тень под столетним дубом на Инженерной улице. Пока он займется своими делами, его верный «жигуленок» будет поистине прохлаждаться и не превратится, к счастью для своего водителя, в раскаленную консервную банку.

Аброр вышел на площадь Ленина.

Раскрыв планшет с уменьшенной копией плана-проекта, Аброр начал придирчиво сопоставлять начертанное на бумаге с реальной местностью. Отсюда, снизу от моста через канал, трамваи поднимались по улице Абдуллы Тукая с натугой, а потом, повернув на восток, уже резво торопились по Инженерной. Обе эти оживленные улицы доживают последние дни.

Ладно, уйдут старые дома, но вот столетние чинары, клены, дубы? Вон там, в сквере Коммунаров, огромная сосна вымахала, выше многих домов... Виднеется, будто шея жирафа, вознесенная над оградой в зоопарке... Сколько труда положили люди, сколько заботы проявили, усердно поливая эти деревья, чтобы выросли они эдакими красавцами! Природа поработала восемьдесят — сто лет, чтобы — с помощью людей! — создать эти величественные чинары. А ему, Аброру, отпустили полгода на проект, в котором вроде бы учтено все, что надо, кроме... Аброр посмотрел на план, где было скрупулезно указано место каждой аллейки, каждого строения, даже крышки каждого канализационного люка. А деревья? Они-то и не были показаны ни единым знаком. Потому что их не привыкли рассматривать как «объекты», они не числились в инвентарной описи — «легенде» плана. Их можно было безжалостно срубить все или по своей прихоти какие-то из них оставить, — за деревья не отвечало ни одно подотчетное лицо, ни одно ведомство.

Могучие с пышной кроной деревья оказывались беззащитными перед людьми, для которых инвентарные описи, цифровые колонки расходов на используемые материалы и затраченный труд значили очень и очень много. По праву много, а порой и не по праву, когда иные люди, размахивая описями и цифрами, забывали о долге своем перед природой. Она дана всем. «Пользуйся мной, но не забывай о совести!» — так говорит нам она. Аброр верил, что в человеке заложен долг перед природой, что естественно веление совести — беречь и любить живое. Иначе, может и наивно рассуждал Аброр, дети, совсем еще маленькие, ну вроде нашего Зафарчика, по сути своей тоже не были бы совестливыми. Вон Зафар ночью после такого испуга все же беспокоится о судьбе Сиртлана. Как же ему, Аброру, не сохранить в себе данное нам вместе с жизнью святое чувство не переступить черту, за которой человек начинает творить природе зло: губить животных или деревья, разрушать живые берега арыков? Наивно? Может быть, может быть... Но он верит: зло, тобой сотворенное, обязательно ударит другим концом по тебе же; и пусть эта скрытая инстинктивная вера, страх перед жестокостью, впитанной с молоком матери, внешне похож на страх богобоязненного человека перед грехом, — нет, в его душе не

религия живет, его чувство всевидящего ока, все слышащего уха человеческой совести.

Аброр шагами вымерил расстояние между большими чинарами и той высокой сосной-жирафом, что вознеслась над крышами домов. Как ни рассчитывай, а все деревья сохранить тут невозможно. Несколько деревьев, например, росли на том месте, которое отводилось под главный выход воды из-под земли, на самый центр основного фонтана. Да, но если аллею фонтанов сдвинуть метров на пять к западу, тогда... вот этот самый величественный дуб и высоченную сосну удастся сохранить. Аброр твердо для себя решил: «Надо еще поработать над проектом, внести изменения, чтобы легче было убедить в них соавторов, да и руководство...»

С утра Сайфулла Рахманович ездил в горсовет, потом в архитектурное управление. В кабинете Аброр застал его только после полудня.

— Через полчаса мне надо быть в горкоме, — предупредил директор Аброра. — Успеем? Или перенесем разговор на завтра?

Упускать еще один день не хотелось.

— Постараюсь успеть, — сказал Аброр, разворачивая на директорском столе заново вычерченный проект.

Сайфулла Рахманович поднялся из кресла.

— Не слишком ли много струй у фонтанов стало?! У нас около восьмисот струй было... А тут?

— Более двух тысяч. Количество переходит в качество, верно?

— Верно. Только вам самим же работы прибавится.

— Зато, Сайфулла Рахманович, красота фонтанов, интенсивность приносимой ими пользы — прохлада, радиус действия и тому подобные преимущества — искупят наш труд и затраты. Представьте себе на миг: две тысячи звонких струй — хор природы, естественная гармония звуков! — заглушат все уличные шумы, и человек на аллее фонтанов попадет в царство спокойствия и красоты.

Сайфулла Рахманович улыбнулся.

— Вы так поэтично все это описываете, что мне трудно возразить. Единственное опасение — как бы не затянуть сдачу рабочих чертежей. Рабочих, я подчеркиваю. Чтоб от нас — прямо к строителям.

— За сдачу в срок отвечаю я. У вас есть график. Все будет идти по нему.

— Тогда я должен... похвалить вас. Вы взяли на себя лишнюю нагрузку, чтобы аллея фонтанов стала еще грандиозней и прекрасней. Похвально, Аброр Агзамович!

Аброр, осмелев, перешел к более трудной части предложений:

— Вот здесь растут столетние чинары и дубы. Вы знаете, Сайфулла Рахманович, площадь получается очень обширная. Обойти ее по периметру — значит прошагать километра четыре. Если на площади не будет деревьев, тенистых деревьев, обширность эта будет минусом, а не плюсом. Величественно — может быть, но... неуютно. Человека, особенно в знойные летние дни, на голую площадь не очень-то потянет.

— Увеличим число серебристых елей...

— Они не дают тени, Сайфулла Рахманович...

Электрические часы с зеленовато-голубыми светящимися цифрами стояли на столе так, чтобы бросаться в глаза посетителям кабинета; они напоминали им, что здесь, у директора, следует быть лаконичным. Аброр перешел к сути дела.

— Я предлагаю всю аллею фонтанов чуть сдвинуть к западу.

— Это уж очень серьезные изменения по сравнению с тем, о чем есть договоренность. Такие поправки потребуют согласования с архитектурным управлением и с управлением городского благоустройства. Придется просить дополнительные средства. А тут сроки поджимают!

— Сайфулла Рахманович, конечно, легче ничего не менять. Но я взываю к вашему архитектурному вкусу: если будут сохранены богатырские, вековые деревья, если в летнюю жару мы дадим людям благородную тень на самой главной площади города, они прежде всего скажут институту, вам, директору, спасибо!

— Э, я как-нибудь обойдусь без «спасибо» по графе «бытовые удобства». А вот за нарушения графы «экономика средств» или «сроки осуществления» меня по головке не погладят. И потом, я хорошо себе представляю, как в тени прекрасных ваших деревьев валяются газеты, окурки, пустые бутылки.

— Неужели в городе перевелись настоящие культурные люди?..

Нет, конечно, не перевелись. Однако Сайфулла Рахманович видит центральную площадь столицы (подумайте, столицы!) не такой, как видит ее товарищ Агзамов. Строгость, торжественность, величавость! Скверики со скамеечками, чинары или тополя возле них — это на окраинах города, в парках. А центральная площадь — это нечто несоизмеримое, несравнимое, исключительное. Самые редкостные деревья и цветы мира, как бы дорого они ни стоили, — сюда. Кстати, уже есть договоренность с дендрологами города Нальчика. Они продадут несколько сот серебристых елей. Ташкентский дендропарк дает сотню лириодендронов... Ага, не знаете — это так называемые тюльпанные деревья, из магнолиевых. На площади будут высажены и белые березы, и ленкоранские акации, и крымские сосны, и японские сливы — писарди, и греческая софора. Украшенная ими площадь приобретет всесоюзный, даже, можно сказать, всемирный размах. А тут говорят, понимаешь, о тени, о скамеечках!

— Сайфулла Рахманович, я тоже за всесоюзный и за всемирный размах. Пусть будут и серебристые ели, и тюльпанные деревья, и крымская сосна, и белая береза. Но пусть будут наряду с ними и чинары, и шаровидные карагачи, и восточные кипарисы, и джамшидово дерево. Надо же считаться с климатическими условиями Ташкента. Вот в нашем проекте для серебристых елей и белых берез выбрано место прямо в центре площади, на самом солнцепеке. А им нужен мягкий, увлажненный воздух.

— Мы установим под деревьями увлажнители, создадим особый микроклимат!

Директор торопился: его ждали в горкоме. Он горячился, стремясь быстрее закончить спор. Но горячился и Аброр.

— Да нельзя же все время идти против природы! Ботаника, дендрология — это же точные науки, в том смысле, что... флора на солнцепеке не может расти нормально: она и чахнет, и болеет... Длительная жара, сухие ветры будут угнетать ваши ели и березы; ветви серебристой ели станут грубеть, терять блеск, симметричность и красоту, а кора белой березы в нашем климате неизбежно потемнеет, будет казаться желтой и даже грязной.

Сайфулла Рахманович напрягся, с настороженностью спросил:

— Значит, вы предлагаете... — и оборвал вопрос.

— Предлагаю!.. Во-первых, сажать серебристые ели и березы ближе к зданиям, где больше тени и поэтому прохладней. Там они скорее приживутся и лучше будут переносить среднеазиатскую жару.

— Ну-ка, покажите на плане... Так, значит, вы предлагаете отодвинуть их на самый край площади?

Сайфулла Рахманович с опаской посмотрел на дверь. Он желал показать, что, хоть двери кабинета плотно прикрыты, их все же могут сейчас услышать... Ну, кто-нибудь в приемной... Нездоровые настроения Агзамова — вот они, проявились, проклюнулись... Так пусть уж Агзамов раскроется до конца, а потом... разом дадим ему достойную отповедь.

— Ну-у-у, а во-вторых?

— А во-вторых, мы не должны односторонне увлекаться хвойными деревьями. Вот тут в общем проекте указаны сотни мест для посадок туи. И для сосен. Да и ели тоже запланировано высадить многовато. Конечно, хорошо, когда деревья и зимой стоят в зеленом наряде, для местных жителей туя, сосны, ели будут выглядеть своеобразной редкостью. Но, Сайфулла Рахманович, редкость потому и редкость, что ее не много... Мне часто приходится сопровождать в поездках по улицам Ташкента гостей из Москвы, из Киева, из других городов нашей страны. Они спрашивают: где можно увидеть ваши знаменитые шаровидные карагачи? Где растет серебристая джида? А как пахнет джида до время цветения!.. Планируется туя из семейства кипарисовых, окультуренный северо-американский можжевельник... — Теперь и Аброр не без ехидства покосился на двери. — Ну а сам кипарис? Дерево и европейское, и африканское, и американское, и наше — среднеазиатское. Почему у нас почти не виден кипарис? Во времена Улугбека и Навои рос он и в Самарканде, и в Ташкенте. А сейчас кипарис выращивается у нас в дендропарке. — Аброр перевел дух, заговорил спокойней. — И вот наш гость приехал, скажем, из Кисловодска, там он каждый день видит удивительно красивые серебристые ели высотой в десять и даже пятнадцать метров, прекрасные высокие сосны... А у нас эти же деревья еле-еле выхоженные, неказистые, с редкими бесформенными ветвями. Какое останется у него впечатление?..

А вот когда вы с ним приезжаете, скажем, в Ургут и он видит тысячелетние чинары, это его поражает. Или в Хорезме огромный шаровидный карагач-гуджум... Вы верно сказали о всесоюзном размахе, Сайфулла Рахманович. Вот давайте и найдем во всесоюзном размахе место для наших зонтообразных чинар, кипарисов, карагачей, джиды!

— Неужели вы не видели, Аброр Агзамович, как высыхают гуджумы-карагачи, посаженные вокруг театра Навои?

— Видел. Тут не гуджумы виноваты. На них напала болезнь. Надо было их лечить специальным раствором. И потом, шаровидные карагачи очень остро реагируют на загазованность воздуха. А вокруг театра Навои они со всех сторон оказались в окружении больших улиц... Здесь же, на новой центральной площади, мы посадим их поближе к Бозсу, подальше от магистралей, и если будем ухаживать за ними так же, как за серебристыми елями, если будем сбергать их от болезней, то, ручаюсь, они будут хорошо расти.

Сайфулла Рахманович терпеливо выслушал всю эту тираду, выразительно посмотрел еще раз на телефонные аппараты, как бы желая, чтобы и до них дошло каждое его слово, и замедленно веско промолвил:

— Серебристые ели — деревья почета, Аброр Агзамович. Они растут около Кремля. Вы понимаете, почему именно им должно быть отведено самое видное место на нашей центральной площади? Ваше предложение отодвинуть их куда-то на край, в прохладу и тень, я решительно отвергаю. Это предложение неверно по идейной сути!

— При чем тут идеи? Следует учесть особенности серебристых елей. Кстати, и в Москве на Красной площади они растут вблизи кремлевских стен. Надо же считаться с природой!

— Хватит козырять природой! Она для нас не указ, не бог, в конце-то концов! Вопрос о том, где высадить серебристые ели и белые березы, уже согласован, и я больше не намерен его обсуждать. Но чтобы вы учли в своей будущей работе... я должен сказать вам со всей откровенностью: предлагать вместо крымской сосны, например, чинару, или гуджум, или джиду — это, я считаю, отдает местничеством.

У Аброра даже глаза посветлели от гнева и голос задрожал:

— Вы передергиваете, Сайфулла Рахманович! Я сказал не «вместо», а «вместе»!

— Да эта джида растет в любом кишлачном за-коулке. И ее вы хотите притащить сюда! Может быть, нам еще ивняк и тополь сажать в центре центральной площади столицы?

— Несправедливо пренебрегать и талом-ивняком, и тополем. Современному городу нужен кислород. Горожане уже нередко ощущают кислородное голодание. А тополь дает кислорода в семь раз больше, чем хвойные! Есть прекрасные ферганские сорта тополей. Кстати, вы навели меня на хорошую идею: западная часть площади, та, что поближе к Бозсу, просто просится под тополя. Художники наши с любовью воссоздают пирамидальные тополя, ярко своеобразную деталь пейзажа. Скажете, что эти тополя недолговечны? Что же, есть пирамидальные дубы. По форме они очень напоминают пирамидальные тополя и живут долго. Их мы тоже не смеем забывать — наша площадь, вместе с мировым размахом, должна быть национально своеобразной.

— Вы все сказали? — жестким голосом спросил директор. — Теперь скажу я. Как узкий специалист вы, конечно, знаете свое дело. Но этого недостаточно. Нам нужны специалисты идейно под... кова... подкованные.

В течение всей дискуссии Сайфулла Рахманович и Аброр говорили то по-узбекски, то по-русски. Последнее выражение директор произнес по-русски не без запинки.

— Идейным — да, я хочу быть, но подкова в таких спорах ни при чем — все-таки не человека подковывают, а лошадь, — отпарировал Аброр по-узбекски.

— Вот-вот, у вас и тут завихрение. Вы не понимаете, не принимаете общепринятого выражения. У вас какие-то навязчивые идеи, у вас вечно какие-то трудные вопросы на уме.

— Трудные вопросы особенно нуждаются в правильных решениях. А всякая боль — она не бывает ненавязчивой. Наши русские братья говорят: «У кого что болит, тот о том и говорит».

— Нет, навязчивая идея — это все-таки признак идейного нездоровья. А я как директор отвечаю за своих работников. У вас перегиб в сторону национальной ограниченности. И вам надо поскорей избавиться от нее... И это не только мое мнение!

Аброр хотел возразить, но директор предупреждающе поднял руку:

— Минутку! Однажды, когда зашла о вас речь в кругу весьма ответственных товарищей, один уважаемый человек, знающий вас со студенческих лет, сказал, что, к сожалению, у вас случается перекося в сторону национальной ограниченности. Я тогда не вполне соглашался с ним. Но сейчас вижу, что он имел основания говорить так. Я должен предупредить вас, что этим опасным перегибом вы можете навредить и себе, и институту. Поэтому скажу еще раз: избавляйтесь от нацограниченности, и побыстрее. Это откровенное мое мнение.

— Разрешите мне тоже быть откровенным, товарищ директор?

— Пожалуйста!

— Я не знаю, кто тот уважаемый человек, знающий меня со студенческих лет. Может быть, он из людей типа Бахрамова. У этих людей функционируют особые гормоны мнительности, подозрительности. Гормоны эти, как вы знаете, товарищ директор, принесли нам немало бед в свое время. Многие выработали в себе иммунитет против действия таких болезнетворных гормонов... или вирусов, если вас это больше устраивает,— добавил Аброр, увидев, как замахал руками, выражая свое с ним несогласие, директор.— Но, видно, иммунитетом обладают еще не все... Как иначе можно объяснить, что мое предложение считается с природой различных деревьев, правильно сочетать растения общесоюзных видов распространения с местными видами вдруг квалифицируется как национальная ограниченность? Да, здесь сейчас произошел опасный перекося, вызванный действием вышеупомянутого гормона. Или вируса, уважаемый Сайфулла Рахманович, если вам угодно.

Рахманов резко встал, нервным движением схватил свою папку, выпятил грудь, как на трибуне.

— Я решительно отмечаю эти голословные обвинения. У меня нет больше времени для словопрений с вами. Вы со мной не согласны? Можете обратиться в главное управление. Но при всех условиях буду требовать от вашей мастерской точного выполнения проектного задания и точного соблюдения графика сдачи рабочих чертежей...

Аброр не спеша собрал бумаги. Бледный и прямой, направился к двери. Не проронил больше ни слова.

Он вернулся домой с дикой головной болью и тяжестью в левой стороне груди.

Нервное напряжение не спадало, долго в ушах все звенели и звенели директорские попреки и поучения. Все рабочее время после посещения директора Аброр морщился, будто от занозы, которую никак не удастся вытащить. Мысленно он продолжал спор с директором и в машине, по дороге домой. В центре неожиданно-негаданно грубо нарушил правила обгона, его остановил милиционер, пробил «дырку» в талоне. Аброр сначала просил милиционера простить нарушение, потом вздорно пререкался с ним. Весь издерганный, проехал еще два квартала и опять неожиданно для самого себя решил остановиться около гастронома. Постараться бы забыть все к черту, найти способ расслабиться, разрядиться! И вот сейчас в портфеле позвякивают бутылки.

...В прихожей, куда он вошел, тихо открыв дверь своим ключом, Аброр постоял некоторое время молча, настроенно, ожидал, не выйдет ли кто-нибудь навстречу с плохой вестью о болезни Зафара. Неприятности, как правило, в одиночку не ходят. Но тут из кухни вприпрыжку выбежал Зафар. Завидев отца, метнулся обратно.

— Мама, папа пришел! — прокричал радостно.

На душе Аброра чуточку отлегло, и он различил приятный запах тмина и жареного мяса. Вперед, на кухню! Быстрее!

Зафар знал, что отец любит слоеную самсу и потому не замедлил громогласно возвестить:

— Сегодня у нас самса! А вы, папа, опоздали... Ох и наелись же мы!

— И папе ничего не оставили! Почти ничего, — пошутила Вазира, открыла духовку и стала вынимать из нее аппетитные румяные пирожки.

— Будто знал, что отменная закуска будет, купил кое-что... — Аброр устало опустил на глянцево-белую кухонную табуретку, раскрыл портфель. На свет божий выглянули бутылка грузинского коньяка «четыре звездочки» и еще одна — с какой-то малознакомой этикеткой. Вазира взяла эту бутылку в руки:

— Батюшки мои, «Старый замок»! Где это наш папочка сумел достать? Вы просто молодец, папа!

Вазира любила показать себя хорошей хозяйкой и в дни, когда она могла остаться дома, потчевала Аброра его любимыми блюдами. Обращение друг к другу на

«вы» не отдаляло, воспринималось, напротив, как выражение особой, нежной уважительности. В узбекском языке «вы» повседневно и естественно. В случаях разлада между говорящими — а такое, как и во всякой семье, бывало и у них — вместо «сиз» звучало «сен» — «ты». Оно не равно русскому — означает высокомерное отношение одного человека к другому, явное неуважение к нему или даже стремление ударить словом.

Аброр собирался с силами, чтобы настроиться на тон Вазира, будто хотел укрыть свои тяжелые впечатления сегодняшнего дня в какой-то мешок, который следовало потом выбросить вон.

— Почему вы молчите, Аброр-ака? Опять неприятности?

— Да нет, просто... по дороге домой нарушил правила и вот заработал «дырку» в талоне.

— Ну, из-за этого еще расстраиваться!.. Лучше откройте тайну: где у нас в Ташкенте продают это редкое вино?

— Можно сказать, что этот «Старый замок» я взял с помощью военной хитрости. Знакомый продавец припрятал, оказывается, для себя, в уголок среди прочих бутылок затолкал, а я нечаянно разглядел. А хитрость была в том, что пришлось в нагрузку купить коньяк.

Пока Аброр принимал душ, Вазира накрыла стол — поставила тарелку клубники, свежие огурцы, большое блюдо, полное аппетитной самсы.

Аброр разлил вино в бокалы — их только два стояло на столе, только два. Дети в другой комнате увлеченно смотрели какой-то приключенческий фильм — от телевизора их теперь не оторвать... Два бокала, только два, и их тоже двое. Только двое.

— Вазира, давайте забудем про все и станем сегодня снова женихом и невестой!

— Вернемся на пятнадцать лет назад? — Вазира рассмеялась.

— Нет, не вернемся — вознесемся на высоту, на которой мы пребывали пятнадцать лет назад. Мы тогда всем были довольны, по-настоящему счастливы.

— А сейчас? — посерьезнела Вазира.

— Ну, не будем уточнять. Мой тост за то, чтобы и сейчас у нас было как раньше.

— Согласна, — сказала Вазира, приподняла бокал до уровня глаз, а потом поднесла его к губам.

Аброр был голоден, и вино подействовало быстро; он почувствовал, как проходит усталость, как появилось доброе настроение, когда хочется кого-нибудь или что-нибудь расхвалить, говорить красноречиво, быть остроумным. Аброр взял с блюда пирожок, надкусил, воскликнул в восторге:

— Вот это да! Эдакую самсу одним только счастливым женихам готовят!

— Но и невесты пускай отведают, — отозвалась Вазира и тоже взяла пирожок.

В прихожей зазвенел телефон. Дети, конечно, от телевизора не отойдут. Аброр встал из-за стола, поспешил к телефону.

— Алло! — Подождал ответа, спросил: — Кто это? — Ответа не последовало, Аброр стал дуть в трубку и уже громче повторять: — Алло! Алло!.. — Никто не отвечал, хотя Аброр отчетливо слышал в трубке чье-то дыхание. — Почему вы молчите? Надо быть посмелей!

Наконец ломающийся юношеский басок спросил:

— Малика дома?

— Дома... А вы-то кто?

— Я хотел у нее спросить, что нам на дом задали.

— А не кажется ли вам, молодой человек, что для таких справок время неподходящее?..

— Извините. Но мне необходимо поговорить с Маликой...

— Малика! — позвал Аброр дочь и, понизив голос, добавил: — Передай своим одноклассникам-кавалерам, чтобы в такое позднее время больше не звонили. И вообще...

Малика покраснела. Не поднимая глаз, прошептала:

— Хорошо, папа!..

Потом взяла трубку, поспешно предупредила звонившего: «Сейчас, сейчас», — и унесла аппарат к себе в комнату, благо это позволял сделать длинный провод.

Дочери-то скоро пятнадцать! Аброр покачал головой и вернулся на кухню. Шутливое, доброе настроение оставило его почему-то.

— Кто это звонил? — спросила Вазира.

— Эстафету любви хотят подхватить наши дети. Только не слишком ли рано?

Аброр рассказал про стеснительного и одновременно настойчивого одноклассника Малики.

— Не мешало бы матери поговорить с дочерью! Пусть не спешит...

Вазира промолчала. Аброр переменял тему:

— Замечательное вино... Признаться, давно не пил такого.

— Да,— односложно согласилась Вазира. После паузы добавила:— Только наш «Гулоб» ему, пожалуй, не уступит.

— «Гулоб», «Гулоб»... Название есть, а самого-то вина нигде не купишь. Постоянно в магазинах спрашиваю, и все напрасно. А вы его где видели в последний раз?

Сказать где? Переполох поднимется: как? С Шерзодом? В ресторане?! Ответила нарочито спокойно:

— В Москву, оказывается, иногда его привозят.

Аброр на миг приумолк, будто ожидая, что жена добавит еще что-то. Взглянул Вазире в глаза, понял: в Москве она по какому-то поводу отведывала «Гулоб», но сказать об этом сейчас не решается. Или не хочет?

Вазира перехватила настороженный взгляд мужа.

— Я вам потом... расскажу... во всех подробностях... Обычное наше узбекское гостеприимство. С одним знакомым москвичом, метростроевцем, мы обедали в ресторане «Узбекистан». Там нам и подали «Гулоб».

«Мы обедали...» Аброру вспомнился утренний неприятный разговор с Вазирой, когда упоминался Шерзод.

— Ну, обхаживать нужных людей Бахрамов, конечно, мастер!

Солгать: «Бахрамова с нами не было» — на это идти Вазира не могла и не хотела.

— Можете успокоиться, Отелло. Каким бы ловким на такие дела Бахрамов не был, я в его силки не попала. Ну, а знакомый наш москвич на самом деле ташкентцам нужен.

— Если вы употребили слово «силки» в смысле... любовных сетей... измены... я об этом и мысли не допускаю. Я не Отелло, но одно могу сказать: видеть больше не желаю этого ловкача! И, разумеется, прошу, чтобы вы тоже от него подальше держались.

— Прикажете безропотно исполнять все ваши желания?— Вазира нарочито кротко улыбнулась.

— Нет, зачем же? Вы ведь тоже самостоятельный человек.

— Замечательно и великодушно! Еще вопрос: обязан ли «самостоятельный человек», если этот человек —

женщина, жена, ненавидеть всех тех, кого не любит муж?

— Я не хотел бы сейчас говорить о делах, о заказах, об архитектурных спорах и неприятностях. Но что же делать, если моя любимая жена все шутит, шутит и не видит коварства человека, желающего подрубить под корень лучшие мои замыслы, — придется ей это объяснить.

Когда их профессиональные заботы становились предметом разговора, они чаще всего переходили на русский, на русское «ты».

— Аброр, ты преувеличиваешь опасности, — суховатым тоном возразила Вазира. — Я с Бахрамовым в Москве говорила о тебе. Старые обиды он давно забыл. Относится к тебе вполне корректно, понимает твои творческие намерения.

— Вот как! Он теперь не навешивает на меня ярлыков? Не обвиняет, например, в национальной ограниченности?

Вазира вспомнила эти слова, услышанные от Шерзода еще в самолете. С деланным удивлением спросила:

— Откуда ты это взял?

В свою очередь Аброр не хотел рассказывать жене о сегодняшнем своем столкновении с директором, знал, что рассказ испортил бы ей настроение. Но не смог сдержаться и все ей выложил. Вазира действительно расстроилась. Но иначе, нежели ожидалось.

— У тебя трудный характер, Аброр! Директор доверил тебе такой важный, почетный проект, а ты с ним ссоришься. Зачем ты идешь на явный конфликт?

— Да мы с ним очень мирно разговаривали. Но потом он начал бог знает что плести о серебристых елях и березах. Защищал их от меня, хотя я больше болею душой за эти деревья, чем он! Я хочу, чтобы они росли там, где им будет лучше. А ему все равно, лишь бы на самом видном месте, на показуху, оттрапортовать, а потом пусть хоть чахнут.

— Может, ты и прав, но надо же уметь в тактичной форме доказать свою правоту. А Рахманов директор, ему очень многое доверено, к его мнению прислушиваются...

— Пусть и ко мне прислушиваются. И Рахманов, и другие! — Аброр даже пристукнул ладонью по столу. — Хорошо, что сегодня Рахманов открыто высказал мне свои взгляды, ну и я в долгу не остался. Открыто!

Я знаю, они с Бахрамовым нередко бросают на меня тень за закрытыми дверями. Подозрительность — оружие их защиты, а защищают они свои служебные кресла от более достойных и талантливых.

— Так ты не давай им повода для подозрений...

— Легко сказать! Что ж ты хочешь, чтоб я постоянно ловчил, хитрил? Нет, лучше уж держаться подальше от этого Бахрамова. И... я, наверное, обращусь в ваше управление. Оно ведь главное, оно одно стоит над Рахмановым. Хоть какую-то часть своих предложений я должен пробить. Иначе уйду от Рахманова.

— Куда?

— Звали же меня преподавателем в институт. Я ведь все-таки кандидат наук.

— Неужели так далеко зашло? Нет, я думаю... спешить не стоит.

Вазира тщетно подыскивала возможность развеять чем-то агрессивность мужа, вызванную — она с болью осознавала это — тяжелым напряжением в работе, неурядицами вовсе не шуточными. И тут внезапно Малика пришла на помощь матери — открыла дверь кухни. В передней названивал телефон.

— Папа, вас спрашивают!

Аброр чертыхнулся — ни днем, ни вечером от этих звонков нет спасенья! — вышел в прихожую. Звонил старшему брату Шакир.

— Ну как, у вас все в порядке? Вазира-апа вернулась? Теперь поспокойней, наверное?

— Да какой там покой... Вчера я был в райисполкоме.

— Будут сносить?

— Да.

— А с участком как?

— Придется новый покупать... Начнем искать. Как отец?

— Да все так же. Расстроенный, подавленный...

— Как-нибудь все образуется, Шакир. Успокой стариков. Выберу время — приеду. А пока передавай наш привет.

Житейские трудности и так не дают ему покоя. А вот когда переедут родители к ним, жизнь будет еще более осложнена... Аброр решил пока ничего не говорить Вазире. Он знал, что приезд родителей расстроит ее, начнутся споры со свекровью, взаимные обиды. Пусть

пока хоть с Зафаром все уладится, пусть хоть в этом душа угомонится.

— Шакир тебе привет передавал, — с деланной бодростью сказал Аброр.

Вазира тотчас почувствовала: муж что-то утаивает от нее. Но все-таки этот телефонный звонок отвлек Аброра. Не стоит выпытывать, какие еще неприятности ждут их с Аброром. Кстати, и ей самой было что до поры до времени скрывать: говорить сейчас Аброру о том, что Шерзод тоже собирается работать над проектом, имеющим отношение к обновлению канала, она не считала нужным. Резко отрицательно настроен Аброр против любых проектов выпрямить извилистое русло Бозсу. Стоит ему услышать, что Шерзод Бахрамов собирается вот-вот переделать русло, одеть его в бетон и мрамор... ох, это все может кончиться ссорой. И между Аброром и Шерзодом. И между Аброром и ею, Вазирой, — идея-то Шерзода показалась ей и интересной, и легко осуществимой, и вполне стыкующейся с ее собственной работой. Так не хватало еще дома мужу и жене служебными вопросами отношения портить! Придет время — Аброр сам все узнает, а будут с его стороны возражения, тогда и она свое мнение выскажет...

— Собирались тихо да мирно попить! Вот тебе и посидели, — вздохнула Вазира, как бы напоминая Аброру о приятном начале их застолья.

— А что! — тряхнул головой Аброр, отгоняя от себя недобрые мысли. — И посидим! Еще как посидим!..

После неприятных разговоров легкое опьянение, которое он ощущал, прошло совершенно.

Забыть все, забыть! Пусть душа на место встанет.

— Вот он, грузинский коньяк! — и Аброр вытащил бутылку на стол.

— А «Старый замок»? — удивилась Вазира.

— От него — как от муравьиного укуса... Ощутимого результата нет. Вино полностью остается для вас, ханум!

Вазира достала из буфета маленькую хрустальную рюмку, протерла ее чистой салфеткой, поставила перед Аброром.

— Смотрите не опьянейте, Аброр-ака. Самсы ешьте побольше.

Снова вместе выпили.

Лицо у Аброра порозовело, глаза засветились живым, задорным огнем. Как некогда, когда он был еще лихим молодым парнем.

— Ну что же, выпьем еще, дорогой жених...

— Спасибо и непременно, невеста любимая...

Аброр обвил рукой талию Вазиры, привлек жену к себе. Поцеловал, чуть отстранил и произнес торжественно-шутливо:

— Годы летят, но они не властны над вами. Ханум, вы становитесь все моложе и краше... И желанней, — шепнул он ей на ухо, целуя и в губы, и в висок, и в шею у подбородка.

В это время в кухню вошел, громко хныча, Зафар:

— Папа, Малика не дает хоккей смотреть! Говорю ей: не выключай вторую программу, — выключает. Балет ей понадобился!.. Мама, скажите, пусть хоккей оставит!

Вот так здорово! Дверь-то на кухню осталась раскрытой. И конечно, сынишка видел, как родители целуются. Чтобы скрыть смущение, Вазира напустила на себя строгий вид:

— Одиннадцать уже скоро! Пора совсем выключать. Никакого хоккея, никакого балета! Малика, я что тебе говорила?

Зафар вернулся в комнату, где стоял телевизор, и, округлив глаза, зашептал сестре:

— Целуются, слышишь... они целовались...

— Тебе-то что? Ябеда! — сердито оборвала Малика. — Тихо, вон мама идет.

Лицо Вазиры помолодело, расцвело.

— Я устала с дороги, доченька. И папа вчера не выспался. Поэтому сегодня давайте все пораньше ляжем.

Дочь, конечно, не поверила. Никакая она не усталая. И отец часто по ночам работает, не только вчера.

— Начинается! — недовольно передернула Малика плечиками.

— Что начинается? А?.. Ну что ты какой-то занозой стала!

Малика, не глядя на мать, нахмуренная, выключила телевизор, бросила недовольно:

— Спокойной ночи... — и ушла в свою комнату.

Зафара уложили спать, как обычно, на диване в гостиной.

Выяснилось наконец, что Сиртлан совершенно здоровая собака, что никаких уколов Зафару делать не нужно. Аброр отвез Сиртлана, как и обещал мальчику, за город,

отдал одному знакомому колхознику — сторожить большой двор.

Вазира не забыла о звонке Шакира. Однажды утром она сказала Аброру:

— Оказывается, тут без меня дедушка приходил. Расстроенный, все вздыхал. Малика рассказывает... А потом вы ездили проведать родителей... А недавно Шакир позвонил... Что случилось? Что вы от меня скрываете?

Последние три дня Вазира была особенно мягкой и покладистой. Аброр решил, что сейчас-то и следует поведать жене о сложной проблеме с родительским участком и домом.

Идя рядом с женой (он сказал, что подвезет ее на работу), Аброр видел только профиль притихшей Вазиры: раз она сразу не возразила, значит, старается понять правомерность его решения.

— Я знаю, Вазира, и без того у нас забот много. Но ведь мать и отец... Можно ли бросить их в беде? Да к тому же... это наши проекты в конечном счете бьют по старым домам и кварталам.

Лицо Вазиры поблекло, осунулось будто. Она молчала.

Подшли к бывшему пустырю. Его расчистили в свое время, разровняли, понастроили десятки металлических коробок-гаражей. На каждый автомобиль по коробке. С краю стоял их «шедевр инженерной мысли», весь в ржавых пятнах от снега и дождя, с облезшей краской. Металлический коробочный городок расположился на пустыре временно. В будущем году (им ли, архитекторам, не знать?!) здесь начнут возводить большой гастроном. Аброру снова придется искать автокран и уже в третий раз перевозить гараж-коробку на новое место. От прежних перевозок задняя стенка пострадала, покрылась глубокими вмятинами. Аброр попытался выровнять поверхность молотком, да только еще больше обезобразил железные стенки. И теперь следы молотка на них — словно раны.

Вазира, глядя на них, почему-то вспомнила о совместной жизни со свекровью в старом доме. Споры и ссоры из-за бытовых пустяков, незаслуженные обиды, резкие, несоразмерные с проступками обвинения свербят болючими шрамами, невыпрямляемыми вмятинами на душе.

Когда они с Аброром получили отдельную квартиру

и Вазира по своему вкусу убрала ее, обставила, создала желанный уют, казалось, можно было облегченно вздохнуть, пожить по-человечески. Но получалось, что эта жизнь неустойчива, она-то и есть временная, вроде этого гаража, которому недолго здесь стоять. Конечно, родителям и снос, и переселение тягостны. Аброр не может и не должен спокойно да привольно жить себе в четырехкомнатной квартире, не помогая родителям, коли все у них так поворачивается. Но почему он не посоветовался с ней? Почему поспешил предложить родителям и брату переселиться в их квартиру? Да еще собирается освободить не одну, а сразу две комнаты. Разве один Аброр хозяин? Ну освободят они две комнаты, так ведь родители не захотят расстаться со своей мебелью, а куда их собственную мебель деть? А на детях как отразится весь этот хаос, связанный даже хотя бы с временным уплотнением?

Аброр успел уже вывести машину из гаража, пока Вазира предавалась своим невеселым мыслям, открыл правую переднюю дверцу:

— Садись, ханум, рядом, вместе думать будем!

Лобовое стекло машины покрылось приметным слоем пыли. Аброр достал из-под сиденья чистую тряпку и стал протирать стекло. Наспех, непривычно суетливыми движениями: чувствовал себя виновным перед Вазирой, ее молчание было тягостным.

Аброр осторожно выехал на проспект, включил радиоприемник. Утренний концерт еще не закончился: задорно пел, восклицал рубоб. Веселая мелодия ударила по нервам, и без того напряженным у обоих.

— Ах, как вы замечательно решили, вы настоящий сын, вы подлинный джомард! — сказала Вазира едко и громко, стараясь перекрыть шум приемника.

— О чем это вы?

— О чем?.. Шакир ведь соглашался квартиру получить. А старшему брату следовало поддержать младшего порешительней! Получили бы все удобную квартиру, и сами не мучились, да и нас бы не...

На светофоре вспыхнул красный глазок. Аброр нажал на тормоз, резко остановил машину, повернулся к жене. Такой мягкой и ласковой была Вазира с утра, а сейчас...

Аброр понял, какая взрывчатка накапливалась за ее молчанием, дай только этой взрывчатке соединиться с горящим фитилем!..

— То, что ты говоришь, я не раз повторял отцу с матерью. Но у них свои доводы. Их не переубедишь: они старые люди — у них свои устои. Если мы не приютим их, они уйдут жить к дочерям. Стать приживалами у зятя, когда есть сын, — это несмыслимый позор для меня.

И Вазире было присуще особое почитание родителей. Это святое, не подлежащее обсуждению чувство. И по отношению к родителям мужа, особенно к отцу Аброра. Пойти против этого чувства, преступить нравственный порог она и сама инстинктивно боялась: обидишь старших, и падет эта обида неожиданным бедствием или позором на тебя.

И все же ей захотелось преодолеть «слепой» инстинкт и в себе, и в муже.

— Все эти старые традиции держат тебя в подчинении у матери, Аброр. А она умеет пользоваться твоей уступчивостью!

На светофоре все горел красный глазок, Аброр продолжал пристально смотреть в лицо Вазире. От ее прежней мягкости и обходительности не осталось и следа! Теперь у Вазире вид словно у тигрицы, глаза ее светятся недобро, колюче. Задорная радиомызыка разозлила Аброра окончательно. Резким движением он выключил приемник.

— Представляю тебе проявить характер, попробовать переубедить стариков. Посмотрим, что из этого получится!

— Посмотрим! Я не сдамся без боя, как ты!

— Без боя! Откровенно сказала... Воевать со старыми людьми, да еще родителями, не желая помочь им в трудный момент, — это неблагородно.

— Выходит, что благородно потакать их капризам? Не хотят брать жилье в многоквартирном доме, им подавай участок с зеленью! Что за причуды? Сколько людей в многоэтажных домах живут! А они, видите ли, особенные.

— Они привыкли жить на земле! Способна ты это понять? Ведь предоставляется же право выбора. Многие тысячи и сейчас живут так же, на участках. Как у тебя язык поворачивается называть их просьбу причудой, привередливостью?!

Аброр и не заметил, как загорелся зеленый свет. Сзади тотчас послышались нервно-настойчивые сигналы

других машин. Аброр рванул машину с места, помчался как оглашенный.

Вазира заговорила сдержаннее:

— Если бы еще с участком можно было просто управиться! А то ведь и год, и два они сами будут в глине по уши и нас заставят. Ты говоришь: покой им нужен на старости лет. Так пусть возьмут квартиру и спокойно живут. Ты любящий сын и при желании сумел бы отговорить их от мучительного шага...

— Повторяю: мне это не удалось, ханум, — чуть остывая, Аброр снова перешел на узбекское «вы». — Может быть, вам, любящей невестке, удастся наставить на путь истины стариков!

...Ясно, Вазира не пойдет разговаривать с родителями мужа по такому деликатному делу. Как на словах ни боролась она против «слепых» инстинктов и старых традиций, позориться перед людьми не станет... Ну, а ее мать Зумрад Садыковна, некогда работница райкомовского женотдела? Вот она-то смогла бы, пожалуй, побеседовать со стариками смело и решительно и сумела бы переубедить их.

Заодно пора и навестить ее.

Миновав мост через Бозсу, Аброр остановил машину на обочине дороги. Вазира всегда выходила здесь и шла до работы по берегу канала пешком.

Она открыла дверцу и, выходя из машины, сухо сказала, не глядя на Аброра:

— После работы я маму проведаю.

Обычно они ездили к Зумрад Садыковне вместе.

— Одна?

— Да. Домой вернусь, наверное, поздно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хмурая Вазира подошла к аккуратному четырехэтажному зданию, открыла парадную дверь. Неподалеку от входа, за маленьким столиком с телефоном, сидел вахтер. Узнав Вазиру, он вежливо привстал, улыбнулся.

— С приездом, Вазира Бадаловна!

Все, с кем только ни встречалась сегодня Вазира — и в вестибюле, и на лестнице, — все приветливы с ней; рукопожатия, благожелательные раскланивания, добрые, теплые слова, — да, это ее учреждение, ее служба, ее товарищи.

И эти давно знакомые комнаты с табличками, строго глядящими в коридор: «Группа дорог», «Группа мостов»... Какие могут быть за этими дверями недоброжелатели? Они все коллеги, товарищи, заняты общим делом.

Вазира бегло осмотрела развешанные по коридорным стенам новые проекты.

Вот цветная схема будущего зоопарка, вот три варианта конкурсных проектов дворца бракосочетаний, некоторые называют его «Домом счастья». Авторских подписей нет — конкурс закрытый. Но на одном из эскизов в верхнем углу нарисована стилизованная ласточка. Значит, проект идет под девизом «Ласточка». Под другим эскизом — золотой ключ: автор поверил, видно, что выбранный девиз откроет ему волшебную дверь к победе.

Иногда в часы душевных невзгод Вазира старалась сама поднять себе настроение и гордилась тем, что умела этого добиваться, — волевым усилием она все свое внимание сосредоточивала на работе.

Вазира просветленной вошла в свой отдел. Он занимал две комнаты. Ее рабочий стол — в глубине внутренней комнаты, под развешанными на стене эскизами подземных дворцов-метростанций.

На столе всего лишь за несколько дней ее отсутствия успели скопиться новые документы: объяснительные записки, ходатайства, предложения и просьбы различных учреждений. На каждом документе резолюция начальника ее управления: «Тов. Агзамова! Прошу ознакомиться и дать свое мнение». Или: «На усмотрение тов. Агзамовой». Сухие фразы, но для нее-то они красноречивей иных похвал: Вазира действительно пользуется авторитетом, ей здесь доверяют полностью.

Вот в ее руках бумаги (первая страница отпечатана на внушительном бланке), присланные из проектной организации, которую возглавляет Шерзод Бахрамов. В них подробно излагалось предложение о проведении спецтоннеля через Бозсу. После пространного обоснования самой идеи и ее позитивных последствий Бахрамов просил начальника главного управления поручить разработку этого важного проекта именно его, бахрамовской, группе в составе пяти человек, среди которых значился и Сайфулла Рахманович Рахманов, известный специалист, директор профильного института, лауреат и прочее, и прочее. Начальник главного управ-

ления, как и обычно, поручал Вазире «ознакомиться и высказать свое мнение».

Из стопки бумаг Вазира выбрала именно этот документ, чтобы с утра, как говорится, на свежую голову и с карандашом в руках в нем разобраться.

Шерзод собирался переделать нынешнее русло Бозсу; собственно, даже не столько переделать, сколько заменить — пустить воду новым, выпрямленным, как стрела, руслом. По общегородскому плану здесь должна пройти трасса метрополитена, ее надо было, по мысли Бахрамова, прокладывать открытым способом, что по сравнению с подземной проходкой тоннеля обошлось бы в несколько раз дешевле.

Тут на полях читаемой страницы Вазира поставила зеленым карандашом два восклицательных знака.

Из-за искривленности старого русла слишком велика его протяженность, а короткий прямой канал даст большую экономию воды и земельной площади.

И эти строки Вазира пометила зеленым карандашом — его она пускала в ход, когда ей что-то сильно нравилось, чему хотелось бы открыть зеленую улицу.

Потом Вазира задумалась над тем, что в проекте может вызвать возражения.

Если рядом со стадионом трассу метрополитена прокладывать открытым способом, то довольно значительная площадь вокруг будет изрыта, потеряна для зеленых насаждений. Там, например, где будет двигаться кран — а это полоса шириной более семидесяти метров, — не останется ни одного дерева. Могучие чинары, пышные акации — все они будут обречены на уничтожение. Их место займут горы вынутого грунта, а затем — нагромождения железобетонных конструкций.

Вазира представила, как решительно будет возражать против этого плана Аброр. Не удержала в себе мелкого мстительного довода: «Он же решил, не согласовав со мной, поселить в нашей квартире родителей, почему я должна, потакая ему, отвергать эффективный с экономической точки зрения проект?» Тут же одернула себя: «Дело, конечно, не в наших личных спорах! Эти деревья, сотни деревьев по берегам Бозсу, близ стадиона — отрада для тысяч и тысяч горожан! Сколько раз мы сами отправлялись отдыхать туда в благодатную прохладу!» Это возражение самой себе прозвучало в ней голосом Аброра, будто он сейчас сидел у ее стола и смотрел прямо в глаза. «Опять эмоции, — тут же уко-

рила Вазира себя. — Близорукость, когда думают только о сиюминутных благах... близорукость... Если осуществить проект Шерзода, то... ведь можно в будущем вырастить деревья еще красивей и пышней. И до каких пор мы ради синицы в руках будем отказываться от журавля в небе?»

Номер телефона Шерзода, ей помнилось, был записан в карманном календарике. Вазира набрала нужные цифры.

Видимо, Шерзод поручал кому-то срочную работу, потому что в трубке еще до его «алло, я слушаю» раздался сердито-решительный голос:

— ...Идите, и чтоб через два часа все было готово!

А потом Шерзод поднес трубку к уху и, едва заслышав, что это Вазира, разом изменил тон, обрадованно заворковал:

— О, Вазирахон? Неужели? Здравствуйте! Все ли у вас благополучно? Как дома? Сынишка поправился? Как, вообще говоря, дела?

Отвечать на все это было необязательно: ритуал вежливости. Шерзод и задавал все эти вопросы один за другим, без передышки, не дожидаясь ответов. Самое важное — тон голоса, обрадованный, немного игривый, но и уважительный, конечно. Как умелый певец, Шерзод вел мелодию, постепенно набирая высоту и усиливая звучность голоса, чтобы на самой ликующей высокой ноте задержать особое внимание слушателя.

— Ах, Вазира, Вазира! Признаюсь, вернувшись из Москвы, я ждал вестей от вас, звонка... хотя бы из управления... И вот... вы делаете меня счастливым.

— Я получила ваши документы, ознакомилась с ними, — постаралась Вазира вернуть Шерзода к делам, да и неудобно говорить об ином по служебному телефону.

— Бумаги?... А... про увязку метро и канала? Ну и как? — словно между прочим спросил Шерзод, однако внутренняя тревога чуточку вопрос окрасила.

— Идея ваша... ну, раз уж вы признали, что я приношу вам счастье... мне понравилась...

— О, спасибо, Вазирахон, спасибо!

— Но есть в проекте такие места, что могут вызвать возражения. Потому-то я и хотела бы с вами их обговорить, прежде чем идти к своему начальству.

— Повторяю еще раз, Вазира, вы делаете меня счастливым. Такой дружеский поступок — это... это... я не нахожу слов... А вы сегодня собираетесь идти

к начальству, Вазираxon Может и мое присутствие там необходимо?

— Было бы неплохо, я думаю. У Наби Садриевича могут возникнуть вопросы... Погодите! Я сейчас... — Вазира позвонила по внутреннему телефону в приемную начальника управления. Осведомилась у секретарши: — Тоня, Наби Садриевич у себя?.. Никуда не собирается уезжать?.. До которого?.. До двенадцати? Хорошо, спасибо... Шерзод, вы слышите?.. Наби Садриевич будет у себя до двенадцати часов. К одиннадцати сможете приехать? Сейчас?.. Нет, к одиннадцати... Сейчас десять. Хорошо-хорошо, тогда и поговорим обо всем.

За оставшийся до одиннадцати часов срок ей надо успеть написать и отпечатать на машинке свое короткое предварительное заключение. Только Вазира вернулась из машбюро в отдел, как раздался звонок внутреннего телефона и Тоня сказала, что Вазиру Бадаловну приглашает к себе Наби Садриевич. Вазира подписала перепечатанное заключение, прикрепила скрепкой к бумагам Шерзода, положила в специальную — для начальства — папку с позолоченным, весьма значительно звучащим, хотя и не совсем понятным названием «К докладу».

— Я буду у Наби Садриевича, — сказала Вазира, проходя через первую комнату, мимо стола, за которым работал ее коллега, молодой архитектор. — Когда придет товарищ Бахрамов, Шерзод Исламович, вы его знаете, скажите, чтобы он поднялся в приемную товарища Садриева. Хорошо?

У двери в коридор Вазира на мгновение остановилась перед зеркалом: в отделе работало немало женщин, да и из соседних комнат к ним забегали подружки «глянуть на себя в рабочем порядке». Во многом из-за этого Вазира выбрала для себя вторую комнату, в глубине помещения. Сейчас она придирчиво оглядела себя, поправила ворот белой шелковой кофточки, рукой разгладила темно-серую юбку, чтоб складка к складке была прилажена... Выражением лица осталась довольна: деловое, целеустремленное... Один завиток волос падал на лоб. Зачесывать его Вазира не стала.

У Садриева очень просторный кабинет. На полу — огромный, яркой расцветки туркменский ковер. Кроме рабочего стола с телефонами в глубине комнаты вдоль окон протянулся длинный стол для заседаний.

Наби Садриевич сидел во главе этого стола, когда

Вазира открыла дверь. Вокруг склонились над большими листами чертежей пять человек. Один из них что-то записывал в блокноте, другой вел расчеты на логарифмической линейке, остальные внимательно изучали расстеленные листы сводного проекта. Наби Садриевич повернул голову на звук открываемой двери, кивком пригласил Вазире подойти к своему рабочему столу, встал навстречу.

— Вы пока уточните проработку этих частей проекта, — сказал он сотрудникам. — Здравствуйте, Вазира Бадаловна!

Вазира уже привыкла к тому, что в этом кабинете всегдалюдно. Дел, которые требовали неотложного решения главного управления, много, очень много. Наби Садриевич (ему сорок пять, ранняя седина, однако, не старит, а, наоборот, естественно гармонирует с его живостью и энергией), чтобы успеть сделать все необходимое, решал более простые и легкие вопросы как бы между другими, более сложными.

Он поздоровался с Вазирой за руку, подвел ее к своему столу, достал из выдвинутого ящика вычерченные карандашом эскизы. Положил перед собой на столешницу. Это были изображения орнаментов для облицовочных плиток различного цвета, которыми предполагалось украсить стены одной из подземных станций метро.

Наби Садриевич был автором этих орнаментов. Вазира по возвращении из командировки подробно рассказала Наби Садриевичу о замечаниях москвичей, увидела, что его обещание подумать над советами коллег выполнено. Замечания эти, судя по эскизам, он принял. Вазира обрадовалась: вот так, по-деловому следовало бы всем работать, без амбиций двигать дело вперед.

— Вы нашли очень удачное решение, Наби Садриевич! — сказала она искренне. — И плитки стали больше, и рисунок крупнее, и сохраняются орнаментальные и даже каллиграфические традиции наших ташкентских мастеров.

Проницательность Вазире и та быстрота, с которой она реагировала на его работу, тронули Наби Садриевича.

— А вы сразу распознали ташкентский стиль!

— Но он же заметно отличается от стиля мастеров самаркандских и бухарских.

— А ведь та позолоченная ажурная резьба, которую

вы предусмотрели в капителях колонн, тоже в стиле ташкентцев, не правда ли?

— Да. Вы говорили, что интерьер каждой станции надо выдерживать в одном стиле. А мне пришлось как раз колоннами заниматься...

— Где нет последовательности в стиле, там нет и не может быть совершенства!.. Теперь эти эскизы следует просчитать в материале, превратить в рабочие чертежи.

«А это всегда требует времени и старательности», — как будто услышала Вазира продолжение. И сама вызвалась:

— Пусть наш отдел займется этим.

Вазира собрала эскизы, сложила их стопочкой под бумаги Шерзода.

Наби Садриевич успел заметить в папке Вазиры бланк с собственной резолюцией.

— У вас, я вижу, ко мне и другое дело есть?

— Наби Садриевич, в ближайшем будущем нам придется столкнуться с вопросом, как прокладывать трассу метро через Бозсу, у стадиона. Я познакомилась с предложением по этой теме.

— Ну и как, заслуживает внимания?

— По существу это эскиз готового проекта, точнее — более подготовленного и обоснованного по сравнению с другими предложениями. Я написала предварительное заключение. И на недостатки указала.

Начальник управления посмотрел на работающих за длинным столом инженеров. Тихо переговариваясь, те продолжали заниматься своими расчетами.

Пробежав глазами заключение, Наби Садриевич сел в кресло, жестом предложил сесть и Вазире. Еще раз перечитал заключение Вазиры, задумался. Поглядел снова на инженеров. Чуть слышно побарабанил пальцами по своему столу.

Он лично придерживался мнения, что оба берега Бозсу должны стать своеобразными бульварами для отдыха, прогулок. Тихие набережные, без машин, ничем и нигде не пересекаемые... Сейчас концертный зал «Бахор» и расположенный рядом с ним трехэтажный дом занимают довольно значительную часть левого берега и настолько близко стоят к воде, что не только для бульвара, но и для узенькой аллейки, по которой можно бы прогуляться, места не осталось. Сносить эти добротные здания жалко. Но если русло сдвинуть здесь метров на пятьдесят — шестьдесят ближе

к стадиону, то искривленные его участки выпрямятся, край левого берега отодвинется от построек, и тогда людям привольно станет ходить вдоль канала — от самой Урды до парка Гагарина и дальше.

Вазира вздохнула и облегченно, и сожалеюще.

— Как мне самой все это в голову не пришло?.. Очень убедительно, Наби Садриевич! Разрешите, я перепису заключение и первым пунктом обозначаю в нем вашу идею.

Наби Садриевич передал Вазире бумаги, еще раз бегло просмотрев их.

— Значит, пойдет по вашему отделу?

Было в этом вопросе и некое предостережение. Вазира усмехнулась.

— Ответственность берем на себя!

Наби Садриевичу нравилась в Вазире смелость. Да и сама она, эта миловидная женщина, нравилась, было в ней особое очарование: по-современному раскованна в слове, а держится сдержанно-застенчиво...

— Устоять перед вами, Вазира Бадаловна, очевидно, невозможно. Зайдите в плановый отдел и от моего имени передайте, чтобы они тоже занялись этим вопросом. Пусть и они на вас поработают... Но продолжайте собирать и изучать мнения других компетентных лиц. И передайте, пожалуйста, Бахрамову — пусть к работе подойдет со всей серьезностью и осмотрительностью. А то он иногда скользит по поверхности, с кондачка решает... Я надеюсь на вас, Вазира Бадаловна.

— Наверное, Бахрамов и сам сейчас в приемной. На всякий случай я пригласила его.

Зашумели за длинным столом. Видно, там действительно без обсуждения было не обойтись. Посматривают с нетерпением, когда начальник освободится от настойчивой собеседницы. Наби Садриевич развел руками:

— Мне пора к ним. А вы поговорите с Бахрамовым от моего имени. Будьте требовательной. Спуску ему не давайте! Он должен быть окружен и взят в плен на наших условиях! — Садриев улыбнулся, помахал рукой.

— Спасибо за доверие!

Вазира не успела закрыть дверь в кабинет Садриева, а Шерзод, мыкавшийся в приемной, подскочил к ней и, здороваясь, уже целовал ей руку. Тут же заметил, что у Вазире вид строгий — пальцы так и норовят выскользнуть из его руки.

— Ну как дела? Порядок? Ажур?

— Пойдемте в отдел,— суховаато ответила Вазира, непроизвольно убирая руку за спину и с облегчением убеждаясь в том, что Тоня куда-то вышла из приемной.

По пути, в коридоре, заметила только, что товарищ Садриев предъявил к проекту «бо-о-ольшие требования».

— Но все-таки отнесся к нему со знаком плюс?— спросил Шерзод, когда они уселись друг против друга за рабочим столом Вазиры.

— Плюс, плюс... только всю ответственность за обоснованность проекта мне пришлось взять на себя. Так что учтите...

— Вот и славно!.. А я, вообще-то говоря, боялся, сильно боялся!

Шерзод широко улыбнулся. Пытался острить. Но потом вдруг примолк и принялся сосредоточенно потирать лоб, будто размышляя над тем, как же ему отблагодарить свою собеседницу — уважаемую, редкостно самостоятельную, умеющую, как никто другой, осчастливить человека.

— Вазирахон, недавно вы мне подали прекрасную идею: использовать для будущего сооружения мрамор и каменную крошку. Вы приобрели, вообще-то говоря, большой опыт по интерьерам. А я много лет подряд занимался только проектированием жилья. Гранит, мрамор — все это материалы весьма каверзные. Вот я и подумал: не возьметесь ли за эту часть проекта вы сами?

Куда клонит Шерзод, об этом Вазира пока не догадывалась, но он затевал, судя по всему, серьезный разговор.

— Не скромничайте, Шерзод,— возразила она.— Вы архитектор, как и я. Мы с вами вместе изучали, как использовать крошку, гранит и мрамор...

— Все верно, но теоретические знания — одно, а опыт — совсем другое.

— Ну, если потребуется, я готова быть внештатным консультантом.

— Одними консультациями не обойтись, Вазира... Я прошу вас стать соавтором.

Вазира не сразу ответила. Конечно, быть одним из авторов крупного сооружения в самом центре города — лестно. Верно и то, что вряд ли в группе Шерзода есть достойный специалист по облицовочным мате-

риалам и интерьерным украшениям. Ее творческое честолюбие получало возможность проявиться заметно, крупно. А муж? Она и так пошла, можно сказать, против заветной мечты Аброра, поддерживая проект Бахрамова. Впрочем... Она, Вазира, самостоятельный человек. В служебных обязанностях, в творческих вопросах — тем более... И опять она не могла убить, задавить в себе чувства обиды на мужа, раздражало ее и то, что он потакал капризу своих стариков; ее-то он в расчет не принял, с нею не посоветовался! Это тягостное ощущение будто оправданной мести мужу, которое почти рассеялось после того, как предложение Бахрамова она сумела провести через Садриева, теперь вновь будоражило душу.

Усилим воли она все же его превозмогла. Стать соавтором Бахрамова — это и неловко, и страшновато, и означало бы зайти слишком далеко.

— Шерзод, вы меня ставите в трудное положение.

— Перед Аброром? — прямо спросил Бахрамов.

— Да!

— Наоборот! Я продумал эту деталь. Наоборот, вы окончательно помирите меня с ним. Нам нечего делить — вот что мы ему скажем. Канал протянулся на десятки километров. А в нашем проекте задействован лишь один участок... какой-нибудь километр русла. Прибрежных мест всем хватит. Пожалуйста, пусть Аброр благоустраивает остальное... Соглашайтесь, соглашайтесь, дорогая Вазира!

— Но у вас соавторов и так достаточно. Сайфулла Рахманович ваш соавтор. К сожалению, Аброр сейчас и с ним не ладит.

— Вы возведете мост взаимопонимания между нами. Ведь многое плохое, вообще-то говоря, происходит из-за того, что люди не могут, а порой и не хотят понять друг друга, верно? Вы же так хорошо понимаете и Аброра, и меня. У вас есть удивительная широта во взглядах и редкостный природный такт в обращении с людьми.

Конечно, Вазира чувствовала, что Шерзод напрашивается ей, но, если разобраться объективно, думала она, разве слова о ее широте и тактичности совсем лишены оснований? Невольно и потихоньку-полегоньку женская неуступчивость в одном сменялась уступчивостью в другом. Шерзод для нее, Вазиры, только товарищ по работе, но он и в самом деле ценит ее — не только как милую, привлекательную женщину, но

как специалиста. И в конце концов хотелось бы развязать этот запутанный, усложненный недоразумениями узел в отношениях между мужем и Шерзодом, а еще теперь и Сайфуллой Рахмановичем.

Шерзод наседал:

— Эта работа не отнимет у вас много времени, Вазира. Некоторые свои соображения вы сможете высказать просто по телефону, как сегодня. Всю черновую работу выполнят мои люди. Мы же с вами будем подавать принципиальные, оригинальные идеи... Не отказывайтесь, Вазира. Подумайте. Через недельку-другую давайте встретимся, и вы скажете мне свое — да будет оно позитивным! — решение.

Вазира тяжело покачала головой.

— Пусть сначала ваш проект получит полное одобрение. А я при случае с Наби Садриевичем посоветуюсь.

— Так я и сам скажу Наби Садриевичу, какие ценные, неординарные творческие решения вы нам предложили.

— Не делайте этого, Шерзод. Пожалуйста, не ставьте меня в неловкое положение.

— Да почему же, Вазира? Разве это не естественно, не прекрасно, когда архитекторы двух проектных организаций рука об руку работают над одним проектом? Большие наши руководители недаром призывают к преодолению ведомственности, к творческому содружеству всех заинтересованных сторон...

— Хорошо, к этому разговору мы еще вернемся, Шерзод. А пока, я прошу вас, пусть все останется между нами.

Тем самым Вазира как бы признавала, что теперь некая тайна связывает их. Это уже немалая победа. И когда Шерзод прощался с Вазирой, ему снова захотелось прижать к губам тонкие изящные пальцы женщины, немолодой, но, странное дело, манящей его сильнее иных молодых. Однако он прочел в глазах Вазеры теперь не строгий запрет, а просьбу: «Не делайте этого». Потому рукопожатие деловое, чуть-чуть нежней обычного, — и он распрощался.

Вазира добиралась к матери по проспекту Руставели. Оживленная и шумная магистраль от палящего солнца к вечеру раскалилась, как сковородка на долгом огне. Нечем было дышать; спертый, неподвижный воздух насыщен едкой бензиновой гарью и горячей пылью. Ва-

зира потом изошла, пока сходила на расположенный неподалеку от магистрали базарчик, чтоб купить матери свежих фруктов, пока дотащилась с тяжелой сумкой в руках до ее дома рядом с Текстильным институтом. Дом этот строился в пятидесятых годах: лифта не было, лестницы крутые, потолки раза в полтора выше нынешних.

Еле дошла до знакомой двери на четвертом этаже, остановилась, отыскивая взглядом кнопку звонка.

Кнопка, оказалось, выпала, а в углублении, где она некогда сидела, торчали искривленные концы проводов. Вазира, оторвав кусочек от бумажного пакета, осторожно до них дотронулась. Прозвенел звонок. Из квартиры доносилась громкая музыка (магнитофон младшего брата Алибека, большого любителя современного грохотанья!), и Вазира поняла, что звонок никто не услышал. «Чем без конца одурманивать себя поп-музыкой, мог бы потратить чуточку своего драгоценного времени, чтоб звонок починить!» — разозлилась она и, смахнув со лба тыльной стороной ладони пот, сильней надавила на проводки. Ударило током, и Вазира испуганно отдернула руку.

Наконец за дверью послышалось шарканье домашних шлепанцев. Открыла сама Зумрад Садыковна. На лестничной клетке было темно, и Зумрад Садыковна, стоя в дверном проеме, долго вглядывалась в гостью..

— Ой, да неужели не узнаете, мама?!

— Вазираджан! — воскликнула удивленно и обрадованно мать. — Заходи, доченька, заходи!..

Они обнялись, расцеловались. Прошли на кухню. Вазира сразу заметила, что глаза у матери потухшие, ноги она переставляет осторожно, будто ослепшая.

— Это что, черешня?

— Да нет, клубника. Ой, вы стали хуже видеть, мама?

— Худо у меня с глазами, Вазираджан. Совсем худо стало, — тяжело вздохнула Зумрад Садыковна. — Ты все занята, уже с месяц времени не выберешь мать проведать, — без видимой связи продолжала она. — А братишка твой всю душу мне вымотал, одно расстройство с ним.

Из комнаты, что напротив кухни, по-прежнему неслись то стихающие, то вновь до боли в ушах громкие надрывные звуки. Вазира видела, что мать сдала, что и от слабости, и от этого крика «хиппарей» губы и руки у нее трясутся.

— Хорошо, что ты приехала. А то уж я хотела от соседей позвонить тебе.

— Случилось что-нибудь? — Вазира присела на табурет около матери.

— Случилось, Вазирочка, случилось... Брат твой собирается разводиться.

— С ума сошел! С кем же он там эту музыку слушает?

— А, нашел себе подобных. Будто мне уличного грохота мало! До полуночи покою нет от этих воплей и топота. Жена, поссорившись с ним, ушла.

— Насиба такая хорошая...

— Да разве хорошая женщина сможет с таким мужем жить? — Зумрад Садыковна понизила голос, продолжала шепотом: — Ведь четыре года уже как женат. Насиба ребенка хочет. А братец твой заладил: «Не нужны они мне, дети эти!» Уже дважды бедняжка лишала себя радости...

— Ой, беда какая! — сокрушенно воскликнула Вазира. — Насиба что же, к матери ушла?

— Да... Сильно плакала, когда прощалась со мной. А брат твой еще какую-то собаку пегую к нам привел. С работы вернется, сразу с ней на улицу — прогуливать, что ли, называется. Большущая, как ишак. Боюсь я ее. Когда на работу уходит, привязывает ее в комнате. А собака скулит. Зайду взглянуть, есть ли у нее хоть вода, а она скачет, прыгает, с привязи рвется. Сердце прямо в пятки уходит: а ну куснет... Да еще четвертый этаж этот! — опять без видимой связи перешла на другое Зумрад Садыковна. — Пока спустишься да поднимешься пешком — душа из тела вон. Раньше мне и жара спать не мешала, и уличный шум нипочем был. А сейчас в духотище сердце заходится... Ты же знаешь, Вазирочка, я им внутреннюю комнату уступила, ту, где потише, а сама осталась в той, что прямо на улицу выходит.

— А я что вам говорила: не делайте этого! Вот все это и называется баловать, нежить, прихотям его потакать!

— Не знаю, Вазирочка, ничего не знаю!.. Ночью трамваи и троллейбусы мчатся по улице, будто по моей голове. До утра глаз не могу сомкнуть... Дней десять уже прошло, как глаза сильно щипать стало. И вижу все хуже. Какое-то бельмо, похоже, прицепилось.

Вазира вспомнила, что у матери лет пятнадцать назад, когда она работала инженером на ситцепечатной

фабрике, тоже разболелись глаза. От химических испарений. Потом она перешла преподавать в институт, где доцентом работал и отец Вазиры, и зрение у Зумрад Садыковны постепенно улучшалось.

— И сейчас щиплет? — спросила Вазира, подмечая, что глаза у матери беспрестанно слезятся.

— Нет, это прошло. Но все время сетка какая-то висит перед глазами. Будто сквозь сито гляжу... Иногда, Вазираджан, такая тоска наваливается, что просто сил нет. Устаю очень быстро.

Вазира встала с табуретки, попросила мать повернуться лицом к окну. В падающем сверху свете разглядела на зрачке ее левого глаза что-то белое. Крохотный белый осколок. «Неужели бельмо! — Сердце у Вазиры чуть не оборвалось. — Показалось, наверное!» — попыталась она себя успокоить.

— Закрой правый глаз.

Зумрад Садыковна прикрыла правый глаз ладонью — тут же вскричала испуганно:

— Ой, не вижу ничего! Что за беда приключилась с моим левым, Вазира? Слепнет он, да?!

Вазира, увидев, как побледнела мать, сказала нарочито спокойно:

— Погодите секунду... Проверим еще раз.

Она включила на кухне электричество.

— Закройте-ка снова правый глаз и гляньте вверх, на лампочку.

Зумрад Садыковна опять поднесла ладонь к правому глазу, подняла голову к потолку.

— Свет различаю, — сказала она. — Но совсем немного. Что же это такое, а, Вазира? Зрение теряю, да?!

Вазира стала говорить быстро-быстро:

— Если свет различаете, пугаться не надо. Небольшое бельмо скорей всего вам мешает. Сделают операцию и удалят его.

— Операция? Легко тебе говорить! Здоровья и так нет. И вторым глазом слабо вижу. Только бельма не хватало!.. Видать, судьба моя такая горькая. Почему отец твой оставил меня одну на этом свете? Забрал бы с собой, от всех тревог избавил бы! Что же это будет, если я на старости лет еще и зрения лишусь, а?! Как же мне жить теперь, слепой и немощной, да еще с сыном... таким непутевым?!

Эти причитания матери разрывали сердце Вазиры.

— Не надо, мама, не преувеличивайте, никакая вы

не слепая и не немощная, — принялась она утешать ахающую мать. — Ну, а с сынком вашим я сейчас сама поговорю!

Вазира стремительно вышла из кухни, рванула на себя дверь, из-за которой по-прежнему неслись, лишь чуть приглушенной прежнего, хриплые звуки и бьющие по нервам ритмы.

В комнате было накурено — не продохнуть, хотя окна раскрыты настежь. На столе — стаканы, одна уже опустошенная бутылка портвейна, вторая выпита наполовину. Трое парней и две девушки: одна чернобровая, с сигаретой в зубах, в короткой юбке, другая — темно-русая.

Музыка оглушила Вазирю. Залихватская какая-то, разухабистая, веселая, но молодежь развалилась на стульях и в креслах — хмурая, скучная, на лицах пресыщение всем на свете до смертной тески.

Едва Вазира показалась на пороге, огромный пятнистый дог, лежавший у окна, грудь и лапы на ковре, вскочил, напрягся. Длинноволосый, по моде заросший бородой и усами Алибек прикрикнул:

— Лежать!

Потом неторопливо поднялся из кресла. Пояснил приятелям: «Это моя старшая сестра», — подошел к Вазире и вяло протянул ей руку. Вазира окинула взглядом собравшихся:

— Здравствуйте...

Еле-еле процидила свое «здравствуйте» ей в ответ лишь одна чернобровая — та, что в короткой юбке, с сигаретой. Остальные небрежно кивнули. Встать никто и не пытался. Предпочитают, мол, обходиться без всяких церемоний, без устаревших выражений взаимных любезностей.

Вазира, в свою очередь, бесцеремонно повернулась к компании спиной и сказала брату:

— Ну-ка выйди со мной!

Алибеку сразу стало ясно: мать сестре пожаловалась на него, сейчас начнется воспитательная беседа.

— А ты мне что-то сказать хочешь? Так говори здесь. Видишь, у меня гости.

— Я тоже гостя. У меня к тебе серьезный разговор. Скажу и уйду. Пошли...

Извиняющимся жестом Алибек развел руками, пожал плечами.

— Чао, ребята! Я быстро вернусь. — И вразвалку пошел вслед за сестрой.

Одет он был в зауженные на бедрах и расклешенные внизу брюки, которми при каждом шаге словно намеренно мел пол. И манера цедить слова, и шаркающая походка, и пижонская разноцветная бахрома-шнуровка на месте отворотов внизу джинсовых брюк — все в брате раздражало Вазиру, но она старалась сдерживаться. Молча прошла с Алибеком в комнату, где жила мать.

— А ну-ка садись, — показала она брату на диван, сама присела на стул напротив.

Дверь, ведущая из комнаты на балкон, была распахнута, и грохот улицы наполнял комнату. Вазира совсем не хотела срываться на крик, тогда она могла окончательно рассориться с Алибеком: ведь брат, конечно, встанет и уйдет, нужного разговора не получится.

Хоть жарко и душно было в комнате, Вазира прикрыла балконную дверь.

Из кухни, осторожно ступая, пришла Зумрад Садыковна. Еще одно усложняющее обстоятельство, но не предлагать же матери идти обратно.

— Мама, садитесь, посидите с нами.

Разговор с Алибеком пришлось повести издалека:

— Как дела? Все еще на заводе работаешь?

— Нет. Уже в институте работаю.

— Когда же успел?

— Дней двадцать назад перешел, а что?

— Но ты был инженером солидной фирмы — авторитетного завода текстильного машиностроения. Почему ушел? Зарабатывал мало?

— Да так, захотелось. Я свободный человек. Где хочу — там и работаю.

— Бездельничал, поди, как и дома, прогуливал... — не выдержала Вазира. — И кто же ты в институте, можно узнать?

Алибек, отрешенно пощипывая куцую бородку, будто не расслышал вопроса. Вазира повторила вопрос. Вместо Алибека ответила Зумрад Садыковна:

— Младшим лаборантом стал твой братишка!

— Вот это да! — ахнула Вазира. — Младшими лаборантами девчонки работают после десятого класса. А у тебя высшее образование. Семьдесят рублей! Разве тебе хватит? У тебя же семья!

Алибек вытянул ноги в бахромчатых джинсах, откинулся на спинку дивана. Потом выпрямился, принялся сосредоточенно рассматривать руки, чистить немомверно длинные ногти на обоих мизинцах.

— Что он может тебе сказать, Вазираджан? — подала голос Зумрад Садыковна. — Он последние деньги из моей сберкнижки вытягивает. По десять, по пять рублей, а то и по трешке. И пенсию мою всю до копейки спускает!

— Снова жаловаться начала, да? — вдруг резко вскинулся Алибек. — Жалобы, жалобы, жалобы... Нет, все это, видать, прекратится, лишь когда я уйду из дому совсем!

Алибек знал, что именно этого больше всего боялась мать. Без Алибека она бы дня прожить не смогла. Любила, привыкла, не могла помыслить себя вдали от сына. После окончания института Алибека вместе со сверстниками должны были на год призвать в армию. Так Зумрад Садыковна все пороги в военкомате обила, несколько письменных заявлений подала. «Больная, дескать, одинока, некому больше присмотреть за мной», — и ее ходатайство-просьбу, некогда активной общественницы, «женотделки», человека с заслугами, гуманные люди уважили: сына от призыва освободили. Эгоистичный и хитрый Алибек давно прибрал к рукам старушку мать, давно научился извлекать выгоду из ее материнской любви, привык делать все, что пожелает.

Вот и сейчас Зумрад Садыковна вдруг поспешила отступить перед нахалом:

— Зачем ты так говоришь, Алибекджан? Я тебя разве из дому гоню? Я хочу тебя увидеть настоящим человеком, тебе добра желаю. Тебе уже двадцать пять, сынок. Твои ровесники председателями колхозов работают, начальниками цехов!

— Сколько раз вам говорить, мама, что должности и посты, оклады и прочее меня не интересует! Я сам себе председатель!

Вазира задыхалась в душной комнате. Усилием воли заставила себя говорить хладнокровно:

— Хорошо, брат, что же тебя интересует? Что тебе нравится?

— Мне нравится свобода!

— И не стыдно «свободному человеку» пить портвейн, купленный на пенсию престарелой матери?

— Этот портвейн я на собственные деньги купил!

— А вчерашний? А позавчерашний? — Вазира все-таки не совладала с собой. — А все эти тряпки, что красуются на тебе, они на чьи деньги куплены? До каких пор ты в семье баловнем будешь, чужаком каким-то? Пора бы наконец самому отцом стать. А ты вон с женой скандалишь, лишь бы только детей не иметь!

— Вы почему вмешиваетесь в мою личную жизнь, Вазира-апа?

— Мы столько труда и средств вложили, чтоб свадьбу тебе пышную справить! Тогда ты почему-то не возражал против моего вмешательства.

— Женитьба была ошибкой. Моей ошибкой, — надменно сказал Алибек. — В наше время не стоит жениться. Самые современные, высокоразвитые люди нашего атомного века справедливо считают семью и брак явлениями пережиточными.

— Высокоразвитые? Эгоисты безграничные — это да! Как бы ты сам появился, такой «свободный человек», если бы твои родители были «высокоразвитыми»?

— Времена изменились... Плодить детей? А думаешь ли ты о том, что земной шар стоит перед угрозой перенаселения? К двухтысячному году людей в мире будет не меньше семи миллиардов! Целые континенты уже сейчас не могут прокормить себя, а людей пока на земле только четыре миллиарда... А про угрозу атомной войны ты подумала? Растить детей для нее — это гуманно?

— Значит, ты потому детей не хочешь, что о благе человечества печешься?

— Не только, сказать тебе откровенно. Я и себя мучить не хочу!

— Вот в том-то все и дело! Ты лишь о себе думаешь. «Человечество», «перенаселение», «атомная угроза» — болтовня, словесная ширма эгоизма! Оставим в покое человечество и твоих будущих детей. Но о матери, что рядом с тобой живет, ты ведь ни капельки не заботишься. Не стыдно тебе ради собственных удовольствий мучить маму?

— А чем это я ее мучаю?

Вазира вскочила со стула. Распахнула дверь на балкон. Комната сразу наполнилась шумом улицы. Пришлось повысить голос.

— Ты способен понять, что все, все это для нее мучительно? И что ты жену прогнал, и что эдаких дружков сюда приводишь, и что работу меняешь! Да и собака тебе

ни к чему. Все ее терзает!.. Сам обитаешь в тихих комнатах с окнами во двор... Это по совести, по-человечески, гуманно, что больная женщина вынуждена жить в несмолкаемом шуме и духоте?

Алибек тоже вскочил.

— Сестра, ты свои прочувствованные речи при себе оставь. Если для этого меня позвала, то хватит, я пошел!..

Вазира поняла, что брат сейчас действительно уйдет. Она же обещала себе быть сдержаннее.

— Садись-садись! Выслушай меня. Я еще главного не сказала.

От волнения и жары у нее в горле стало першить. Облизнув пересохшие губы, спросила у матери:

— Мама, чайник там у нас не вскипел?

— Вот склероз, и что же это я так... Забыла!

Зумрад Садыковна осторожно направилась на кухню.

Вазира только сейчас заметила, что пуговицы на материнском халате застегнуты неправильно, одна пола оказалась выше другой, воротник перекосялся. Боже мой, боже! Когда-то их мать была красивой, гордой, всегда изящно одетой! Самостоятельным человеком! И вот как сдала — сгорбилась, обмякла вся. Дело не только в старости. Всем своим существом почувствовала Вазира духовный упадок матери, и такая жалость появилась к ней, что пришлось все силы напрячь, чтобы преодолеть спазм, перекрывший дыхание, чтобы не разрыдаться беспомощно и безудержно.

Алибек нехотя присел на диван, процедил чуть ли не сквозь зубы:

— Ну, давай говори... меня гости ждут.

— Ты ничего не замечаешь. У мамы ведь... Она же слепнет!

В глазах Вазире блестели слезы.

— Говорил я ей! — Кажется, и Алибек почувствовал, в каком состоянии сестра. — Сходи, говорю, к окулисту. Так она слушать не хочет. А сама на каждом шагу спотыкается. Все у нее из рук валится.

— А если видел, почему сразу же к доктору ее не повел?

— Да что я ее, как маленькую, за руку поведу?

— Что с тобой вообще происходит, брат? — Вазира наклонилась к нему и едва слышно заговорила: — Представь-ка себе, она совсем ослепнет, что ты тогда делать станешь? Мать на улицу не выбросишь. Никто

тебе этого не позволит, даже если ты захочешь ее в богадельню отдать. Заставят содержать, ухаживать. Вот тогда ты узнаешь, что значит за руку водить!

— А почему только я должен водить? Ты, между прочим, тоже дочь ей!

И такие слова после всего, что она постаралась объяснить брату?! На секунду Вазира будто дара речи лишилась. Значит, Алибек стал таким наглым, бесстыжим? Вместо кожи на нем, значит, броня непробиваемая, и все слова — и острые, и душевные, и разумно-логичные — рассыпаются в прах?..

Но и на сей раз она подавила в себе гнев.

— Я старшая у матери и побольше твоего о ее судьбе думаю. Поэтому и пришла сюда. Хочу вместе с тобой, лоботрясом, беду предотвратить!

— Поскорей к доктору ее, и все дела!

— Этим я сама займусь. Завтра же. Но ты-то хоть сколько-нибудь будешь заботиться о матери или нет? Ответь прямо.

— А что я могу?.. — пожал плечами Алибек.

Вазира поняла — проку от такого разговора не будет, если она в требованиях своих к брату не проявит настойчивость и твердость.

— Маме сейчас нужен покой. Когда ты уходишь на работу, собака действует маме на нервы, выводит ее из себя. Кстати, где ты ее взял?

— Товарищ дал.

— Какой товарищ? Он сейчас здесь?

— Да, тот, с гитарой.

— Так вот что, братец Алик, пойдй сейчас к своим приятелям и объясни им, что мама заболела. Проводи всех по-хорошему. И собаку хозяину верни...

Алибек поморщился. Но тут из кухни с чайником в руках появилась Зумрад Садыковна. Он увидел, как неуверенно, будто на ощупь ступает мать по полу.

— Хорошо! Сделаю. Но больше ничего от меня не требуй. Все! — Алибек встал с дивана.

— Об остальном поговорим потом.

Встала и Вазира.

— Мама, в кухне, кажется, прохладней, чем здесь. Пойдемте туда чай пить.

Алибек какое-то время еще посидел у себя с приятелями, потом вышел из дому проводить их. Увел на поводке и собаку.

— Мама, комната ваша никуда не годится, — ре-

шительно заявила Вазира. — Сегодня же мы переселим вас в другую, ту, что окнами во двор. Там будет поспокойней.

— Ой! — испугалась Зумрад Садыковна. — Гляди, с братом потом греха не оберешься. Нельзя его вещи трогать. Скандалить начнет!

— Не бойтесь, — успокоила Вазира старушку и направилась в комнату, где недавно сидел с товарищами Алибек.

Чтобы выветрился дым, мало было настежь раскрыть окна и двери внутри квартиры; дверь на лестничную площадку Вазира запахнула тоже. Собрала окурки, пустые бутылки, обрывки бумаги и выбросила в мусорное ведро весь этот хлам.

Алибек занимал, собственно, целую квартиру в квартире: из одной его комнаты шел ход в другую, смежную, где стояли кровати. Покойный отец любил, чтобы все комнаты были отдельные, оттого и в этой спальне еще одна дверь вела в небольшой коридор-прихожую. После того как Алибек с женой заняли обе комнаты, дверь из спальни в прихожую наглухо заколотили, а изнутри заставили платяным шкафом. А уже потом Алибек прорубил из спальни ход в ту самую комнату, где пировал с приятелями и приятельницами и где гремела сегодня музыка. Вазира решила, что стоящий здесь диван больше подойдет маме, чем тот, который стоит сейчас у нее: тот — узкий, с жесткой спинкой, а этот — раскладной, пошире и поудобней.

Вазира вымыла комнату и почти всю пыль в ней вытерла к тому времени, когда вернулся Алибек. Втроем они сели за круглый стол в чистой и прибранной комнате.

— Мама, а вы заметили, что Алибек вернул собаку хозяину?

— Ой, спасибо тебе, сынок! — воскликнула искренне обрадованная Зумрад Садыковна. — Проснулась в тебе совесть, а, Алибекджан?

Алибек исподлобья глядел на женщин, но молчал. Похвалила, называется! Да и вообще не нужны ему похвалы, он в них не нуждается.

— Ваше здоровье, мама, нам всего дороже, — продолжала между тем Вазира. — Завтра суббота. С утра мы сходим с вами к глазнику.

— Далеко тебе, хлопотно будет... — пробурчал Али-

бек. — Машина-то у Аброра работает?.. А чего он сегодня с тобой не приехал?

Вазире припомнились все те язвительные слова, которых она достаточно много наговорила сегодня утром Аброру. Да, ведь она ехала к матери за помощью: отец Аброра обычно считался со сватьей!.. А оказалось, мать сама нуждается в дочерней помощи, причем неотложной. Нужно будет здесь участие и Аброра.

Утренняя ссора с мужем показалась ничемной.

Стараясь не выдать перед матерью своего состояния — раскаяния перед Аброром за резкость, надежды на поддержку мужа и в то же время не прошедшей до конца обиды на него, все вместе, — Вазира сказала:

— Занят был сегодня Аброр, завтра придет. А до того мы с Аликом должны еще одно дело сделать для вас, мама.

— Какое? — насторожился Алибек.

— Комната, где мама сейчас живет, очень шумная. Мы с тобой говорили, мучается она там, заснуть не может. А пока лето еще минет, пусть-ка она сюда переберется.

Алибек только и нашел что сказать:

— Но ведь эту комнату мама мне сама уступила!

— Ты будешь в спальне жить. Раскроем там дверь, что в прихожую ведет. А эту дверь можешь совсем заколотить. Как было раньше.

— Но здесь магнитофон с колонками, другие мои вещи!

— Если они в спальне не поместятся, вынеси в ту, где мама сейчас живет.

— А товарищи мои придут, я их что, в ту шумную комнату поведу?

— Да у тебя как было, так и останется две комнаты. Дружки посидят в комнате с балконом. Соревнование устроите, кто кого перекричит — вы улицу или она вас! — Заметив, что Алибек опять раскаляется, Вазира снова, очнувшись, перешла на тон увещевания: — Вы молодые, что вам шум?! А старому больному человеку он очень вреден.

— Выходит, все лучшее — старикам, а что похуже — молодежи? Вот это и есть один из противных восточных пережитков! Молодежь только и обязана, что почтительно кланяться старикам, ступать за ними след в след, не обгоняя, доедать за ними объедки.

Да еще толковать о священных традициях, опыте отцов и дедов и прочее.

— Опять «современная теория»! — снова Вазира повысила голос. — Ты один, современный молодой мужчина, будешь занимать две удобные тихие комнаты, а больная мать пусть мучается в этой раскаленной духовке... Вот уж пережиток так пережиток!

— А не желаете, чтоб она мучилась, заберите ее к себе домой, — с хладнокровием, которое могло довести до бешенства, предложил Алибек. — У тебя тоже очень спокойная, тихая квартира — четыре комнаты!.. Она и тебе мать!

— Ну и негодяй!.. Пойдемте, мама, я вас заберу с собой. Пусть живет один как прокаженный! Дайте ему годик хотя бы пожить одному. Пусть поймет... И надо же до такого бесстыдства дойти — старостью человека попрекать! Ну и негодяй!.. Вставайте, мама, поедем к нам!

Зумрад Садыковна медленно поднялась.

— Куда же я на ночь глядя подамся? — нерешительно запротестовала она. — Ведь вас, Вазира, четверо... И привыкла я здесь, в своей квартире, столько лет... — И она заплакала.

— Тогда я переведу вас сейчас же в эту комнату!

— Не спешила бы ты так, доченька. Как-нибудь мы и сами порешим с Алибеком. Вот он пса уже увел, для меня большое облегчение.

Зумрад Садыковна привыкла не только к квартире, но и к грубостям своего сына. «Без меня с ним беда какая-нибудь приключится обязательно, обязательно... — шептала она. — Как это вдруг уйти, бросить сына одного?»

Вазира была в отчаянье.

— Сын ваш так жестоко поступает потому, что вы ему во всем без конца потакаете. Будьте построже с ним, подумайте о себе, все мы один только раз на свете живем!

И теперь уже сама Вазира расплакалась.

Добираясь через ночной город домой, она никак не могла выбросить из головы образ своей вспылчивой и сварливой свекрови. «Нет, и впрямь, видно, лучше быть как Ханифа-хола, чем такой уступчивой и безвольной, как мама».

Аброр уже несколько раз отрывался от экрана телевизора, оборачивался и поглядывал на настенные часы. Скоро десять, а о Малике ни слуху ни духу. Да и Вазира уехала к матери — как в воду канула. Вернулся Аброр с работы, а Зафар дома сидит один. Малика, спросив разрешение у матери вернуться позже, ушла к подружке на день рождения. И что только можно делать столько времени? А вдруг там и те ребята, что с утра вызванивали дочери по телефону?

На душе у него стало тревожно, и он встал. Только вышел в прихожую, послышалось, будто кто-то снаружи вставляет ключ и открывает дверь. И тут вошла Вазира. Вид у нее совсем не тот, что утром, — уставшая, расстроенная, подавленная. Она молча сняла туфли, надела домашние тапочки.

Аброр первым нарушил молчание:

— Ну как там? Ничего?

— Да-а... — Вазира неопределенно махнула рукой. — А Малика вернулась?

— Нет. Уже десять. Напрасно вы ей разрешили вернуться позже обычного.

Вот еще одна забота. Этого только не хватало! С тяжелым вздохом Вазира присела на стул около телефонного столика. Долго рылась в записной книжке и, найдя клочок бумаги, на который Малика записала ей номер телефона подружки, нервно стала его набирать.

— Алло!.. Извините, пожалуйста... Это квартира Дильдоры?.. У вашей дочери сегодня день рождения? Поздравляю!.. Я мама Малики... Дочь моя у вас?.. Поздно уже, и мы беспокоимся. Ну, конечно, конечно... Спасибо вам! А вы не могли бы Малику к телефону позвать?..

Трубку взяла Малика, и тогда Вазира уже больше не смогла сдержаться:

— Я тебе что сказала?.. Что значит «рано, мамочка»? Десять часов для тебя рано! Как это — не отпускают? Пять часов уже прошло. Хватит с тебя. Сейчас же собирайся!.. А это меня не касается! Хватит! Немедленно домой!

Со стуком бросила трубку на рычаг. Аброр стоял, опершись о дверной косяк, и не узнавал жену.

— Ханум, такая резкость может дать обратный результат. У Малики переходный возраст.

— Значит, надо потакать и уступать ей?

— Я тоже за строгость. Но разумную. Крайность способна вызвать другую крайность... Сегодня вечером мне звонила ее классная руководительница, Сабирова.

— У Сабировой тоже есть претензии к нашей дочери?

— Видишь ли, Малика осмелилась выступить на каком-то собрании с критикой своей учительницы. Педагоги требуют от учеников скромности, воспитанности, но это не значит, сказала наша Малика, что учащиеся должны придерживаться отсталых взглядов. Сабирова же мне говорит с тревогой, что за пределами школы образуются какие-то компании, некоторые мальчишки и даже девочки их школы курят, пьют вино.

— Ну, она сейчас появится, и мы узнаем, какие это компании! — раздраженно ответила Вазира, уходя к себе в спальню переодеться.

Все тело ныло от усталости. Сменив платье на легкий халат, она решила чуточку прилечь, подождать дочь. Вот-вот раздастся звонок... Но нет, звонка не было. Прикрыв глаза, она почувствовала, как неприятно кружится голова, а в ушах стоит долгий глухой гул. Перед глазами мелькают круги, и в них, будто на размытых фото, вставленных в круговые рамки, мелькали обрывки пережитых за день встреч.

Наконец раздался звонок. Дверь пошел открывать Аброр. Вазира с трудом поднялась с кровати и, застегивая на ходу халат, вышла в прихожую.

Малика почти вбежала домой, щеки у нее покраснелись, глаза возбужденно блестели. От быстрой ли ходьбы или от чего-нибудь горячительного?

— А ну, иди сюда, — бросила Вазира и повела ее на кухню.

В гостиной Зафар продолжал смотреть телевизор. Вазира села на табурет, другой поставила напротив. Вскоре появился на кухне отец, прикрыв за собой дверь. Малика почувствовала, что собирается гроза над ее головой; не присев, сбивчиво заговорила:

— Я давно собиралась уйти, а Дильдора не пустила. Шуриу поздно приготовили. Потом шашлык... А плов только готовить начали. Без плова, как положено, не отпускали...

— Зачем же вам, девчонкам, шурпа, и плов, и шашлык — такое обильное угощение да еще в поздний час?

— Мы это говорили маме Дильдоры. А она все твердила и твердила: обычай такой.

— И мальчики, конечно, были?

— Да, одноклассники наши... Я хотела уйти. Но все Дильдора... «Обижусь,— говорит,— всю компанию расстроишь!»

— Ах, у вас компания!— Вазира потянула дочь за руку, рывком усадила ее на табурет. Почувствовав запах не то вина, не то табака, спросила: — И понемножку курили? И выпивали, наверное?

Малика призналась не сразу.

— Нет, не курили и не выпивали.

— Не ври! Я знаю!

— Ну... шампанского чуточку-чуточку, мама. На десять человек одна бутылка... Капелька досталась...

— Капелька! С нее-то все и начинается. Капля камень точит!

— Но я уже не маленькая, комсомолка. Папа!— Малика стала искать защиты у отца.— Разве я не имею права в день рождения подруги...

— Погоди, погоди, Малика,— как можно мягче начал Аброр,— комсомольцы помнят не только права, тем более такие сомнительные,— они помнят и обязанности. Ты на наш обычай ссылаешься: мол, не отпускают без плова. Но есть еще более важный обычай: сдержат слово. Ты обещала маме вернуться к десяти. А сколько сейчас? Ты подругу обидеть не решилась, а нас с мамой заставила ждать и нервничать. А пить вино — разве у наших девочек бывал такой обычай? А курить?

Малика молчала.

— Сколько было мальчиков? Честно отвечай!— Лицо Вазиры мрачнело все больше и больше.

— Четверо.

— А девочек?

— Тоже четверо.

— Значит, парами собираетесь. Вы и к другим ученикам вашей школы всей компанией в гости ходите?

— Но ребята у нас хорошие... Мы вместе в комсомол вступали.

— Наверное, домой нам все время звонят они же, кто-то из этих парней?— спросил Аброр.

Малика покраснела, опустила глаза.

— Выходит, и на переменах вы той же восьмеркой

уединяетесь, чтобы посмеяться над остальными учителями?

— Что ж теперь, совсем не разговаривать?

— Кто от тебя этого требует? — оборвала Малику мать. — Ты пока лишь восьмой класс заканчиваешь! Если с этих лет начнешь компании водить, на вечеринках посиживать, вино пить, что с тобою дальше будет?

— Никаких компаний я не вожу! — вдруг взорвалась Малика. Губы ее задрожали, запрыгали, на лице выказалось настоящее страдание. — Вы ничего не понимаете! Мы все просто дружим. Почему дружить девочкам с мальчиками считается зазорным? Почему?

— Кто это считает зазорным? — спросил Аброр. В глазах у Малики заблестели слезы.

— Учительница наша, Карима-апа... На собрании Дильдору стала осуждать ни за что ни про что.

— А ты стала защищать подругу и критиковать учительницу?

— Стала! Зачем она пережитки старого защищает?

— Какие, например? — продолжал допытываться Аброр.

— Ее дочь с нами учится. И вот девочка чего-то там не сделала, что ей мама велела, или по-своему сделала, так Карима-апа зашла на перемене в наш класс и при всех дала дочери пощечину. Весь класс остолбенел... И нас она запугать хочет. Разве страхом можно заставить уважать старших? Разве такое «уважение» не пережиток прошлого? Я и сказала об этом на собрании в нашем «клубе девочек».

Вазира совсем не ожидала от дочери такого гнева. Замолчала, все смотрела и смотрела на нее, дивилась. Ее Малика, ее девочка стала выступать на собраниях, отстаивать справедливость! Значит, она и впрямь становится взрослой, серьезной. Но тут же вспомнился Вазире брат Алибек, его самоуверенные речи о «пережитках», эгоистические рассуждения о перенаселении земли... Дай сейчас Малике волю, не дойдет ли постепенно и она до подобных «теорий»? Нет, нет, предупредить, пресесть, это своеволие.

— Ты прежде всего о себе, о своем поведении думай! — сказала она. — Если Карима-апа в чем-то ошиблась, то директор школы есть, чтобы ее поправить, на недостатки ее указать. Педсовет существует. А ты всего-навсего ученица восьмого класса, и тебе еще рано о старших судить, тем более учительницу осуждать!

Выступать на собрании, подрывать ее авторитет — это невоспитанно и бестактно!.. Ну, а за то, что ты сегодня вернулась домой позже дозволенного тебе времени, да еще и вино пила, — я должна тебя наказать. Ни на какие дни рождения к подругам больше не пойдешь! И ребятам, что звонят нам домой, передай: пусть тебя больше не тревожат. Раз пошли среди людей разговоры, значит, есть на то причина. Дыма без огня не бывает! И эта компания, чувствую, до добра тебя не доведет!

— Вы почему каким-то посторонним верите? Почему не хотите мне поверить? Кариму-апу слушаете, а меня не хотите! — готовая вот-вот расплакаться, воскликнула Малика. Потом, снова обращаясь за поддержкой к отцу, спросила: — Как можно запрещать дружить?

Аброр не успел ничего сказать, как Вазира резко оборвала дочь:

— Тебе мало того, что я сказала?! В твоей компании еще и курят. Заразишься еще этим поветрием!.. Дай тебе волю... Нет, больше никаких вечеринок с мальчишками, ни единой! А попробуешь пойти хоть раз, в наш дом можешь не возвращаться! На порог не пущу — иди тогда куда хочешь!.. А сейчас ступай к себе! Все!

Малика вышла из кухни вся в слезах.

Побледнев, Вазира схватила пиалу и наполнила ее прямо из крана холодной водой. Аброр с нарастающей тревогой глядел, как дрожали у жены руки, когда она подносила пиалу ко рту, как лихорадочно блестели глаза.

— Что с вами, Вазира?.. И зачем так грубо вы обошлись с Маликой? Она же не понимает ваших опасений, она же еще ребенок.

— Не защищайте ее!.. Я сегодня сыта по горло «проблемами молодежи». Моего брата Алибека так избаловали... Мама теперь просто погибает от его распущенности и своеволия. Я сама увидела сегодня, до чего доводит родительская снисходительность. Сердце у меня кровью обливается.

— Что случилось-то? — уже не на шутку встревожился Аброр.

И Вазира стала сбивчиво рассказывать мужу, что у матери на глазу бельмо и она почти ничего не видит... что брат разрушил свою семью и катится по наклонной... что она готова была увезти Зумрад Садыковну к себе. В рассказе жены беды наслаивались одна на другую, приобретая размеры непоправимой катастрофы. Вазира

сидела опустив руки, глаза ее уставились в одну точку — полное отчаяние, изнеможение, обессилённость. Она почти прошептала:

— Что же делать, Аброр? Ах, если б мама могла быть построже с ним!.. Так нет, она все еще защищает и заступается за этого нахала и наглеца.

Аброр молча шагал по кухне из угла в угол...

Так решительно отправилась к матери за помощью, а вернулась еще более расстроенная и подавленная. Теперь, наверное, поняла его, Аброра, правоту и не будет мешать ему временно приютить родителей. Но только убедил ее не он, а жестокосердие Алибека. Не хочет быть она похожей на своего брата. И еще Вазира знала, что без помощи Аброра не выручить ей мать из беды. Да и за брата она в ответе не меньше — ведь она старшая сестра. С кем же делиться ей горестями, если не с мужем?

Аброр уже не чувствовал раздражения против Вазиры, все утреннее, неприятное выветрилось, и ему стало жаль ее.

И Вазира почти не помнила утренней их размолвки... В конце концов, не на всю жизнь приедут к ним свекровь и свекор!.. И разве не прав Аброр и в том, что резко обошлась она сейчас с Маликой, слишком строга была с ней, а девочка у них растет хорошей, честной и чистой...

Из глубины смятенного ее сознания выплыло вдруг, будто и не к месту совсем, воспоминание о встрече с Наби Садриевичем и... с Шерзодом. Его предложение стать соавтором проекта, который идет явно вразрез с замыслами Аброра. Она пыталась усилием воли отогнать это воспоминание от себя, чтобы оно не усугубляло и без того сложного, смятенного состояния ее души. Но воспоминание зацепилось за что-то такое, чего она стыдилась...

После довольно долгого молчания Аброр как бы про себя сказал:

— Да, беда и впрямь не ходит одна... Но почему же вы не поговорили с дружками Алибека?

— До них ли мне было?! И говорить с ними очень уж неприятно. Слишком они развязны.

Аброр вспомнил, как сам однажды попробовал поговорить с ними. Даже стакан портвейна выпил, хотя крепленого вина не любил. Большинство дружков — разведенные. От жизни хотят только брать и ничего не хотят ей давать...

«Ну, ладно,— думали вместе и Вазира, и Аброр,— корни тут глубокие, а что сейчас вот делать, как вырвать Алибека из этой компании? Скажи-ка попробуй: «Дружки у тебя плохие»,— так он сразу на стену полезет. Слова тут не помогут».

— Может быть, его в Фергану или Самарканд отправить с женой, ну, найти повод... чтобы как-то оторвать от дружков?— неуверенно спросила Вазира.

— А я вот думаю, сначала с Насибой нужно поговорить,— как бы размышляя вслух, сказал Аброр.— Раз они в ссоре и разводиться собираются... сперва этот узел как-то развязать. Или подтянуть — не знаю, как и сказать...

— Дома у нее телефона нет. Но я Насибу разыщу.

Решили позвонить Насибе завтра на работу. А с утра съездить к классной руководительнице Малики — и этот узел ждет, чтобы к нему прикоснулись чьи-то здоровые руки... Да, еще Вазира с утра маму к врачу должна повезти.

Аброр мысленно добавил к перечню дел и заботы своих стариков: они ведь ждут его. Он должен помочь им найти подходящий участок для нового дома... Пошла сумасшедшая какая-то полоса жизни, когда запутанные узлы все множатся. И среди них еще споры его с директором — Рахмановым. Аброр уже набросал черновик письма начальнику главного управления, думал завтра, в субботу, посидеть над ним, подумать, переписать набело. Но, видно, завтра часть дня уйдет по графе «семейные заботы». Остается для дела только ночь.

И Аброр направился в кабинет, включил настольную лампу, найдя в себе силы думать, писать, одним словом — работать.

Вазира решила не ужинать, есть совсем не хотелось. Она приняла душ, выпила холодного кефира. Устала, конечно, очень, выдохлась за день, но спать не хотелось. Стиркой она занималась обычно по субботам. Но на этот раз, зная, что суббота уже вся расписана, она отобрала часть белья и стала стирать. Спать легла уже после полуночи...

Утром в субботу Аброр отвез тещу в поликлинику на консультацию. А оттуда завез Зумрад Садыковну и Вазиру домой. Теперь очередь была за его родителями.

День становился все жарче. Вишневые «Жигули»

все раскаленной — и от знойных лучей солнца, и от расплавленного асфальта. Аброр гнал на большой скорости; нагревались шины, источая запах горелой резины.

С особой силой этот запах ударил Аброру в нос, когда он, почти в полном изнеможении, остановил машину у отцовской калитки, в тени деревьев, которые некогда посадил Агзам-ата. От Бозсу на этот раз не веяло прохладой и свежестью: запах резины победил все другие.

Рассиживаться было некогда. Аброр наспех поел маставы. Этот кисловатый суп хорошо утолял жажду. Посадил в машину отца и младшего брата. Помчались в квартал Шофайзи, расположенный за старым ташкентским районом Кукчи на северо-западной окраине города. Здесь их ждал толстый высокий человек, он знал местность, в которой хотел приглядеть себе участок Агзам-ата. Машина заметно осела, приняв еще одного пассажира, ее рессоры закрипели. И все же — давай, давай! — снова помчался вишневым, вроде и устали не ведающий «жигуленок».

Там, где до землетрясения простирались колхозные угодья, появились теперь по-городскому тесно друг к другу прижатые дома. Жители кварталов Кашгарка и Шайхантаур, оказавшихся в эпицентре, все переехали сюда: возвели новые дома, вырастили новые деревья; некоторые по привычке окружили себя высокими глиняными заборами — дувалами. Много оставалось здесь и участков земли, не занятых или не вполне занятых под строительство. Улицы не благоустроены, а то и вообще их не было здесь, улиц. Грузный человек, который сел в машину в квартале Шофайзи, сделал Аброру знак:

— Езжайте по этой улице вон туда... Там живет аксакал, заберем и его.

Аксакал — тоже грузный, внушительного вида и веса старец — устроился на заднем сиденье. Бедный «жигуленок» так и присел.

Вдоль так называемой улицы шел ров, выкопанный для прокладки газовых труб. Проехать тут было нельзя, и Аброр начал вынужденный разворот. Вдруг послышался скрежет. Аброр вылез из кабины посмотреть, что случилось. Оказалось, выхлопная труба автомобиля, задев какой-то крупный булыжник, покорежилась. Аброр чуть слышно ругнулся и снова сел за руль.

Машина с почти касающимся земли днищем еле-еле стронулась с места.

— Будь осторожней, сынок, не спеши,— сказал Агзам-ата.

Как ни старался Аброр ехать осторожнее, ничего из этого не получилось: перегруз велик, да и дорога незнакомая. Дважды «Жигули» садились днищем на исковерканную, всю в ухабах дорогу. Аброр при ударах о землю страдал так, будто не машину бьют, а его самого. Но ничего не говорил, терпел, чтоб не думали люди, что слишком уж он болеет за свою железяку.

Так они миновали несколько вконец разбитых транспортом улиц, полупустыррей, наконец добрались до нужного места — одного из начатых и брошенных строек.

На этом участке заложен был основательный фундамент, и даже стенка поднялась на несколько кирпичей в высоту. Выяснилось, что хозяин участка внезапно умер, а вдова не в состоянии продолжать строительство. Вот потому и продает.

Агзам-ата заинтересовался участком, обошел его.

— Неправильно арыки проложены,— сказал он.— Откуда поступает вода? Далеко ли до канала?

— Нет, недалеко.

— Газа нету,— с нарочитой грустью заметил Шакир.

— Водопровод же есть,— вмешался аксакал.— Электричество тоже есть.

— А канализация? — спросил Шакир.

— Это что такое?

Шакир объяснил. Аксакал рассмеялся.

— Да сами яму выкопаете. Это вам не центр.

Аброр стоял в тени, под ширококромной урючиной. Не вмешивался в разговор, отдыхал. Ему нравился здешний воздух. Будто в поле. И тишина.

— Очень далеко от автобуса,— сказал, продолжая гнуть свое, Шакир.— Отец, если есть другие участки, давайте посмотрим.

— Есть более благоустроенные места? — спросил Агзам-ата у провожатых.

— Найдутся... Поехали, посмотрим.

Снова двинулись по ухабам и рытвинам, снова машина билась днищем о землю.

Аброр терпеть не мог эту торговлю участками,

но желание отца — закон для сына. Не пошлешь ведь старика маяться, пешком ходить по участкам.

И второй, и третий участок не пришлись по душе. Грузные пассажиры-проводные утешали: есть еще не застроенные места и вдоль речки Карасу, и в той стороне, что за концом улицы Луначарского, — вот они, адреса.

Приближался вечер.

— Отец, меня ждет Вазира, — сказал Аброр. — Она у своей больной матери.

— А, так оставим наши дела на завтра. Воскресенье завтра, и ты, наверное, свободен. Семь раз отмерь, а один раз отрежь. Верно, сынок?

— Верно. Завтра продолжим.

Аброр подвез отца домой, когда уже смеркалось.

— Брат, подождите минутку, поедем вместе, ладно? — Шакир пошел домой, быстро возвратился в праздничной рубашке, новых туфлях. Аброр подвез его к театру Навои в центре города.

Брат все приглаживал свои непокорные волосы. На лице Аброра заиграла улыбка — он все понял.

— На свидание?

— Да... — сконфуженно ответил брат.

— Просто так встречаешься или всерьез?

— Да, нет... вроде у нее всерьез.

— У тебя?

— Тоже.

— Давно знакомы?

— Уже три года.

Аброр все-таки выведал у ставшего немногословным Шакира: девушка работает техником-агрономом в управлении городского благоустройства, даже знает его.

— Погоди, погоди... Отец ее переводчик, да? За границей работал? У них еще «Волга» своя, верно? Как зовут девушку?

— Нигора.

— Э, да я ее видел!.. Симпатичная...

— Вазиру-апа она тоже знает. Вы все, оказывается, учились вместе — вместе с дядей Нигоры.

— А кто этот дядя?

— Он тоже архитектор. Сейчас крупный пост занимает. Фамилия его Бахрамов.

— Шерзод Бахрамов?!

— Да, кажется, Шерзод.

Шакир ждал, что брат порадует, узнав в дяде

своего однокашника. Но Аброр, как ни старался, скрыть огорчения не мог.

— Вот ведь незадача... Слышал, что Бахрамов хотел пристроить в кооперативном доме около нас своего родственника. Видно, для сестры и зятя лез из кожи... И мы можем породниться с этой семьей? Вот это да!

— А что, они плохие люди?— встревожился Шакир.

Аброр коротко рассказал брату о некоторых стычках, происшедших между ним и Шерзодом, этим самым омрачив Шакира.

— Я этого не знал!

— Вот ведь как в жизни бывает... Ты от него подальше, а он тут как тут. А девушка, Нигора твоя, хвалит дядю или как? Не говорила с тобой о Шерзоде?

— Говорила... Так, между прочим, конечно. С гордостью, мол, большой человек, лауреат и все такое...

— Ты будь откровенен с ней. Родственники, знаешь, это и опора для человека, а порой и груз тяжелый. А бывает, и преграда для начала самостоятельной жизни. Если вы и в самом деле любите друг друга, то вместе сумеете преодолеть всякие преграды. Я тебя не пугаю, но считаю, что лучше тебе все это прояснить заранее.

— Хорошо, что я все это узнал. Пока не поздно...

— Не будь мнительным, Шакир, не ищи недостатков дяди в племяннице. Они могут быть людьми совсем разными.

— Конечно, конечно... Ну все, я пошел.

Аброр за целый день так намаялся, что едва не задохнулся, поднимаясь по крутой лестнице на четвертый этаж, где его ждала Вазира с матерью. Такого раньше с ним не бывало. Сердце глухо и часто стучало. Не хватало воздуха.

Ну вот наконец нужная дверь и звонок без кнопки.

Аброру открыла стройная молодая женщина; в глаза бросились короткая стрижка под мальчика и ярко-красные босоножки. Это была жена Алибека — Насиба. Аброр вежливо поздоровался с ней, обрадованный, что Вазира все-таки привела беглянку домой.

В комнате было шумно: Зафар с упоением занимался машинами, подаренными бабушкой. Вазира с Насибой успели приготовить манты и теперь накрывали на стол в комнате, которую облюбовал для себя Алибек и которую у него хотела отвоевать Вазира. Большое расписное

фарфоровое блюдо — ляган — исходило в центре стола ароматным паром: манты лежали грудой, и над ними стояло аппетитное облако, особенно ясно видимое глазу голодного человека.

Аброр и был таким сверхзорким человеком.

Что до хозяина квартиры, то сам Алибек лежал во внутренней комнате на кровати в верхней одежде и жевал чуингвам (так говорил он), или попросту резиновую жвачку (так называли ее все ташкентские ребяташки). Алибек увидел Аброра еще из спальни в полуоткрытую дверь и не спеша поднялся. Вышел к родственникам с обычным своим независимым видом, держа руки в карманах джинсовых брюк.

— Привет, почча! — и протянул руку.

Аброр нахмурился. Вазира возмущилась:

— Выплюнь эту заразу, когда с людьми-то разговариваешь!

— Много ты понимаешь, — невозмутимо сказал Алибек. — Выкинули бы лучше из своих голов пережитки. Чуингвам укрепляет зубы. Вон в институте один наш преподаватель даже в президиуме сидит и жует, потому что ему так доктор посоветовал.

— Ишь ты, предписания врачей зауважал. Так брось курить и прекрати к портвейну прикладываться.

Алибек посмотрел на Аброра:

— Видишь, почча, каждый день вот так, и по многу раз! Я же не ребенок, чтобы меня постоянно учили!

— Замолчи! — прикрикнула Вазира. Потом повернулась к двери, распахнутой в коридорчик: — Насибахон, мама, к столу, к столу! Зафар, пойдешь на кухню...

Насиба присела за дальний от Алибека угол стола; муж и жена старались не глядеть друг на друга. Значит, решил Аброр, они до сих пор в ссоре, и Насиба пришла сюда, очевидно, услышав о болезни свекрови. По доброте своей душевной... А Вазира, конечно, нарочно положила ужин в один ляган — все-таки надеялась помирить брата с Насибой.

Догадка оказалась правильной. Об этом просила дочку и Зумрад Садыковна. И Вазира уже успела поговорить с Насибой. Та не хотела развода, она все еще любила мужа. Но жить по-прежнему не могла, ибо не знала, как отвадить Алибека от дружков-собутыльников.

— Ападжан, я хочу быть матерью, — шептала Насиба Вазире, когда они готовили манты на кухне, и слезы

наворачивались на глаза молодой женщины.— Волнуюсь сейчас, но брату вашему ничего об этом не говорю. Если узнает, то снова... вынудит аборт сделать... поэтому я и ушла к матери... Соседи удивляются, всякие небыллицы про меня распускают. Будто мне не суждено матерью стать. Будто я неполноценная, как они говорят...

Вазира тем более осознала сегодня, что первый шаг к примирению должен сделать ее брат.

Вот сегодня Алибек, кажется, настроен благодушно, и она решила действовать.

— Ну как манты? — спросила она.

Братец с завидной быстротой поглощал горячие манты. Обернулся к сестре, ответил, подмигнув:

— О'кей, будь здоров!..

Когда манты были съедены, Вазира снова потянула нить своего разговора:

— Если манты — о'кей, то скажи спасибо своей Насибе. Руки у твоей жены золотые...

Алибек улыбнулся, взглянул на жену:

— Ладно... Мерси-мерси тем, кто готовил манты.

— Ну, мулла Алибек, перейдем теперь к серьезному разговору, — неожиданно для всех начал Аброр. — Вы и в самом деле уже давно не ребенок. Настала пора по-настоящему встать во главе этой семьи.

Алибек снова улыбнулся, процедил в ответ:

— Я не люблю быть начальником, главой, ответственным. Вчера я об этом уже говорил сестре.

— Каждая семья, — Аброр решил не обращать внимания на подобные реплики, — это, как говорится, лодка, плывущая по морю жизни. — С плохим рулевым и ей плохо. Морские течения могут вынести ее на камни или посадить на мель. Штормовые волны могут ее перевернуть. Неуправляемой лодке не добраться ни до какой цели. Она неминуемо потонет... Это истина.

Алибек невозмутимо почесывал бороду длинным-предлинным ногтем мизинца. Он его вырастил специально — особо его холил.

— А вы хотите этого... крушения? — спросил Аброр.

Алибек посмотрел на свой ноготь, подул на него.

— Почча! Сегодня вы здорово помогли моей матери. Спасибо, сенкью... А в мои личные дела вам нет смысла вмешиваться. Управлять своей лодкой — семейной, я имею в виду — предоставьте уж мне самому.

— Ваша лодка сидит на мели. Если ее экипаж не

спасти, он погибнет. Мать, жена... все трое вы разойдетесь в разные стороны. Я еще раз спрашиваю: неужто вы этого хотите?

Алибек бросил быстрый взгляд на мать:

— Мать от меня никуда не уйдет.

— Почему? Ей надо лечь в больницу: так нам сказали сегодня на консультации. Сначала на исследование, а потом на операцию... А после операции надо окрепнуть. На все это потребуется самое малое месяца три...

Зумрад Садыковна прервала Аброра.

— Ты подумай, Алик! Если будешь продолжать жить так, мне этого не пережить, ты можешь остаться один...

Аброр положил ладонь на ее локоть:

— Не горячитесь, мама. Давайте побеседуем спокойно. По душам всегда беседуют спокойно, только спокойно... Ну, Алибек, на минуту представь себя в моей шкуре. — Аброр говорил намеренно медленно. — Сложная у меня сейчас полоса в жизни. И на работе. И дома: то вот с Зафаром... то у Малики непорядки. Сегодня вон с утра мы уже в школе побывали. А потом, сам знаешь, по всему городу мотались — дважды в поликлинике, в глазной больнице, потом я к своему отцу поехал, у него тоже хлопот полон рот... Когда посмотрел на спидометр, то, поверишь, за день набралось около двухсот километров!.. Как, по-твоему, Алибек, ради чего все это я делаю?

— Ну ясно же, — съехидничал, хотя и осторожно, Алибек. — Чтоб добрые люди о почке хорошо говорили и чтоб мы благодарны ему были...

Аброр ответил ему в тон:

— Конечно, ты бы, Алибек, не снизошел до этой сентиментальности. По-твоему, это несовременно. Но это ведь ты — человек без предрассудков и без пережитков. А я простой смертный. Я многое делаю инстинктивно, по привычке. Если б я сегодня не сделал того, что сделал, точил бы себя, не был бы, уж извини за хорошие, но старомодные слова, порядочным человеком... Впрочем, я верю, что в каждом из нас, в каждом, есть тяга к высокому. Только кто-то карабкается туда сознательно, кого-то совесть толкает, даже если он сопротивляется ей... — Аброр незаметно для себя увлекся и вышел за пределы своих педагогических намерений. — Хочется чувствовать себя честным, порядочным специалистом на работе, достойным отцом и мужем,

добрым сыном для родителей. И еще хочется чувствовать себя, — Аброр усмехнулся, — твоим старшим братом. Ты пойми меня правильно...

— Я стараюсь. Продолжайте.

— Ташкент наш в сейсмически опасной зоне. Поэтому в домах предусмотрены соответствующие антисейсмические пояса: это такие гибкие стальные полосы, ленты, помогающие несущим конструкциям выстоять. Их не видно, они остаются под облицовкой. Но во время землетрясения, когда у многих домов штукатурка осыпалась и эти пояса обнажились, видно стало, как крепко они держали стены даже в старых домах. И хорошие семьи держатся, по-моему, чем-то таким, что напоминает эти защитные пояса. В нравственном, конечно, смысле. Прости, может, скажу, выпрененное, но... я вот убежден: все чистое, доброе, прекрасное, что мы перенимаем у родителей, наследуем у народа, все наши лучшие традиции, благородные инстинкты и привычки как раз и входят в состав этого — я назову его так — алмазного пояса.

Алибек нарочито беззаботно спросил:

— Дорогой почча, вы хотите сказать, что у нас в семье тоже должен быть такой... алмазный пояс?

— В идеале — да! Именно это я хочу сказать.

— Но алмазы... они такие дорогие. Они мне не по карману. Я бедняк...

— Бедность не порок. Но быть бедным душой... нищим духом... это страшно! Алмазы, о которых я тебе говорил, их не купить. Их добывать по крупицам надо, всю жизнь.

— Это не для меня! Понятно вам или нет? — Алибек отбросил свою мнимую невозмутимость, повысил голос.

— Понятно! Но что ты понимаешь, если говоришь, если смеешь говорить, что не сделал ничего плохого ни Насибе, ни родной матери! — Аброр тоже почти закричал.

— Ну, а что же я сделал плохого? Маме, например?

— А что хорошего ты сделал для своей матери?! Отпустил бороду? Отрастил ноготь... я вижу, ты все время заботишься о чистоте своих длинных ногтей...

Вскинулась Вазира:

— Я вчера говорила, убеждала тебя: давай переведем маму в эту комнату, где ей спокойнее жить. Сегодня прихожу, вижу — ты не желаешь уступить тихую ком-

нату. Это разве не доказательство, что ты больше заботишься о своих отполированных ногтях, чем о матери!

Алибек вскочил с места:

— Вы все против меня! Хватит! Мне надоело! Я уйду! — И выбежал из комнаты.

Аброр развел руками. У Зумрад Садыковны задержалось лицо, пошло вдруг пятнами. Вазира растерянно кусала губы, не зная, что теперь делать.

Медленно привстал Насиба.

— Раз не действуют слова, — глухо проговорила она, — давайте... будем действовать. В этой квартире я тоже прописана. По закону одна из этих трех комнат принадлежит мне. Маму, Зумрад Садыковну, я беру сюда, в эту комнату. Шумная пусть будет в резерве.

— Все правильно! — воскликнула Вазира. — Вот эта комната, где мы сейчас сидим, пусть и останется за Насибой. Сейчас же мы переведем мать сюда! — И тут же встала из-за стола.

— Думаю, решили правильно, — поднялся и Аброр.

Алибек, сидевший в соседней комнате, слышал все. Он вынул из кармана новую пачку жвачки, разорвал целлофановую обертку и начал яростно жевать.

— Как бы хуже не стало! — робко сказала Зумрад Садыковна.

— Раз большинство пришло к такому решению... Хватит уже колебаться, мама! — сказала, словно отрезала, Вазира.

Они быстро отодвинули диван в угол, внесли в комнату кровать Зумрад Садыковны.

Алибек громко расхаживал по спальне. Вазира обратилась к нему через приоткрытую дверь:

— Эй, свободный человек! Магнитофон сам заберешь или занести?

Алибек подошел к двери и начал кричать:

— Почему вы тут хозяйничаете?! Идите к себе домой и там наводите порядок!

Аброр ответил настойчиво-громко, будто вколачивал гвозди:

— Мы не хозяйничаем. Мы помогаем Зумрад Садыковне и Насибе. Мы защищаем закон. А он защищает справедливость... Севшую на мель лодку надо с нее стащить!

— Тогда я уйду отсюда! Найдутся девушки! Даже с квартирами!

— Циник, дрянь! — крикнула Вазира. — Если тебе не стыдно продаться за квартиру, убирайся!

Алибек ворвался к ним, пробежал по комнате, ногой распахнул дверь, миновал коридорчик, открыл наружную дверь. Потом с силой хлопнул ею и исчез.

— Вазираджан, зачем мне нужен этот скандал? Лучше жить спокойно впроголодь, чем со скандалами сытым...

— Будьте тверже, мама!

— А если твой брат что-нибудь сделает над собой?

— Алибек сделает, да? — зло засмеялась Вазира. — Самовлюбленный эгоист, которому ноготь дороже всего на свете?

Насиба усмехнулась горько-горько:

— Сейчас победит к собутыльникам. Портвейн вернет ему душевное равновесие... Давайте откроем и вон ту дверь.

Отодвинули шкаф в спальне, открыли дверь (еще отцовскую) в коридор. С двух сторон занесли в Алибекову комнату («Нашу спальню», — горько подумала Насиба) вещи непутевого сына и мужа, снова задвинули шкаф — в обеих комнатах получились теперь отдельные входы. Удивительно быстро. Да и много ли вещей было у Алибека...

Вазира обняла невестку, прижала к себе:

— Насибахон, милая! Маму свою доверяю вам. Защищите ее, умоляю.

Горько было на душе Насибы, горько. Алибек ушел к своим собутыльникам. Это еще полбеды. Но есть ведь и девушки, ни перед чем не останавливающиеся. Угроза Алибека не пустая. Сойдется с какой-нибудь из них. Тогда что будет делать она, брошенная мужем Насиба?

— Вазира-апа, кажется, мы с вашим братом не помиримся, — сказала она. — Вся моя надежда была на вас. И на заводе в свое время пытались добрые люди его уму-разуму научить. Но без пользы. А теперь и вас он не послушался. Видно, к разводу... лодку нашу несет.

Насиба посмотрела на Аброра. Вазира тоже. Зумрад Садыковна тихо, ни на кого не глядя, плакала.

— А если его уговорить работать в другом городе? — как-то безнадежно спросила Вазира.

— По своей воле Алибек ни за что не поедет в другой город, — ответил Аброр. — Да и вообще не захочет

менять свой образ жизни. Снова сюда вернется и будет портить всем жизнь... Один только выход я вижу — надо, чтобы его призвали в армию! Военская дисциплина — великое начало — научит уму-разуму. Я помню: в армии мы не таких «героев» видали — ой-ей-ей, а после пяти-шести месяцев службы и они начинали задумываться и тосковать по дому. Вот так постепенно начинали понимать кое-что в жизни...

Аброр говорил, а думал о том, что же он скажет в военкомате, где ему покажут прошение об отсрочке от призыва.

— С военными людьми разговаривать нелегко, но попробую. Если я скажу, что невестка будет ухаживать за матерью, они ведь потребуют доказательств. Пойдете в военкомат, Насибахон? Не станете возобновлять свою просьбу, Зумрад Садыковна? В одной лодке надо всем держаться вместе, дружно.

— Насибе не стоит ходить туда, — сказала Вазира. — Алик узнает, трудно им будет потом помириться.

— Тогда принесите мне свой паспорт, Насибахон, и если есть какая-нибудь справка с места работы, прихватите тоже.

Насиба, преодолевая предательскую дрожь в коленях, открыла сумку и протянула Аброру и паспорт, и удостоверение с места работы. Она рисковала, но выхода другого не видела.

А она еще любила непутевого Алибека.

В кабинете Садриева за длинным столом, установленным вдоль стены, собрались специалисты. Во главе стола место было свободно, рядом сидел внушительных габаритов человек в очках — один из руководителей городского управления по благоустройству. Аброр занял место неподалеку от него. Собрались обсудить спорные вопросы, возникшие между Агзамовым и Рахмановым. Правда, сам Сайфулла Рахманович прибыть на дискуссию не смог, прислал вместо себя Яминова, своего заместителя, — толстоватого, лысеющего и, судя по тому, как он сейчас рылся в бумагах, весьма нервозного человека лет пятидесяти. Рядом с Яминовым сидела Вазира. Поддержав предложения Шерзода Бахрамова, она сумела на сей раз помочь и Аброру. Это по ее просьбе Наби Садриевич прочел соображения, изложенные Аброром в специальной докладной записке, и решил их сегодня обсудить.

За своим небольшим рабочим столом Садриев закончил телефонный разговор, плавно положил трубку на рычаг, так же спокойно нажал кнопку селектора:

— Антонина Ивановна! В течение получаса прошу никого ко мне не пускать. И по телефону ни с кем не соединять.

Садриев подошел к длинному столу, сел в свое кресло, придвинутое к торцовой части продолговатого стола.

— Ну что же, начнем... Товарищ Яминов, вы представитель дирекции института, в то же время один из соавторов институтского проекта. Прошу. Коротко, суть дела.

Яминов начал со значения перестройки Ташкента, с высокой оценки, которую получила их работа в Москве, с высказываний представителей различных стран о центре Ташкента. Бумаг перед ним лежало много, читал он медленно.

— Эти размышления оставьте для какого-нибудь торжественного собрания, — прервал его Садриев, — пожалуйста, переходите к существу обсуждаемых вопросов.

— Тут вот.... товарищ Агзамов предлагает внести в наш проект значительные изменения, — запинаясь, заговорил Яминов. — Если мы примем его предложения... то на площади Ленина... то есть предложение увеличить посадки деревьев местных видов. Они, Агзамов говорит, дают больше тени... Такие деревья в каждом кишлаке, в каждой махалле растут. А наша центральная площадь, это уже товарищ Рахманов говорит, должна быть особенной, во всей Средней Азии не будет подобной! Мы должны руководствоваться этой, как вы сказали... сутью. Поэтому я не могу присоединиться к Агзамову.

— Просьба к вам — покороче! — сказал Садриев, предоставляя затем слово Аброру.

— После землетрясения вдоль Аллеи парадов были высажены чинары. Посмотрите сейчас: за какие-нибудь семь лет они вымахали под стать двухэтажным домам, дают вокруг себя густую тень. Еще через несколько лет чинары станут величественными деревьями, достойными нашей центральной площади. Почему, спрашивается, мы не должны высаживать их и дальше? Только потому, что они «местный вид» флоры?

— Я не чинары называл «местным видом»! — покраснев, бросил реплику Яминов. — Я имел в виду тополя и тальник.

— Не надо пренебрегать и тополями, и тальником. В России тальник чаще всего — это заросли мелкой вербы, ивняк; у нас они бывают довольно высокими, — продолжал Аброр. — В кишлаках, махаллях, вдоль до-рог — у нас эти неприхотливые деревья всюду, они прошли, можно сказать, испытание временем. Пять-шесть лет назад мы перестали сажать тополя из-за их пуха, видите ли. Воздали должное дубам, т.е. Конечно, эти благородные деревья нам очень нужны. Но пока они подрастут до того, как начнут давать густую тень, проходит десять — пятнадцать лет. Кроме того, саженцы дуба и чинары очень нежные, чуть больше припечет солнце, они засыхают. А тополь и тал растут очень быстро. Некоторые породы — по пять метров в год. Чем плоха тень тополей и верб, особенно пока ждать приходится, когда вырастут чинары и дубы?.. Поэтому я и предлагаю: в той части площади, которую наш институт сейчас проектирует, кроме красивых елей высадить и чинары, и плакучие ивы, и лучшие сорта тополей. Пусть не пустует и прибрежная часть площади, примыкающая к Бозсу. Ведь людям везде кислород нужен!

Садриев слушал и утвердительно кивал головой. Аброр решил сказать и о скамейках — ясный, кажется, вопрос, да вот директор поднял его на высоту «принципиальных» разногласий. Он, Аброр, недавно был свидетелем необычного явления. Кто не знает в Ташкенте площадь Иски Джува, ту, где установлен памятник Михаилу Ивановичу Калинин? Место высокое, прохладное, ветерок продувает, место тени-стое, ну потому и стояло там несколько скамеек. Ничем не примечательных. Но достаточно удобных и, главное, нужных. Пенсионеры, рабочие после смены отдыхали на них, беседовали, читали газеты, просто дышали свежим воздухом... Недавно Аброр проходил по этому скверу. В самое жаркое время дня. И видит — старые люди прислонились к стволам деревьев, сидят прямо на земле. Скамеек нет. Заметно по развороченной почве, что железные скамейки выдирали с большим трудом. Аброр обратился к двум старикам, что сидели под чинарой, подстелив под себя газеты: «Что случилось, куда скамейки девались?» Оказывается, какие-то пьяницы по

ночам облюбовали эти скамейки для своих попоек, шумели, нарушали, словом, общественный порядок. Участковый несколько раз гонял их оттуда, но сие мало помогало. И тогда прибыл автокран, скамейки выдрали «с корнем». Так вот за безнравственность некоторых были наказаны... скамейки... и наши уважаемые старики.

Все рассмеялись.

— Послушайте, что дальше было,— продолжал Аброр.— Хорошие люди, привыкшие отдыхать на этих скамейках, пошли с жалобой в райисполком. «Разве это называется борьбой за порядок?— спросили они.— Вместо забудыг наказали нас!» Вскоре по распоряжению райисполкома скамейки привезли обратно и даже покрасили заново... Какой вывод следует из этой эпопеи? Комментариев, вероятно, не надо.

Аброр заметил, что его слова многим пришлись по душе. Почувствовал это и Яминов, лихорадочно зашуршал бумагами, не зная, как возразить, если уж к рахмановским «идейным мотивам» тут, оказывается, не прислушались.

— У меня к Яминову, представляющему проект в целом, есть такой вопрос,— сказал Садриев.— Если принять предлагаемые Агзамовым изменения, то насколько увеличатся расходы при осуществлении проекта?

— Точного расчета еще нет. Приблизительно...

— Приблизительно нам не нужно.— Садриев обернулся к Аброру:— Вы, Агзамов, инициатор, вы подсчитали?

— Да, расходы по составлению рабочих чертежей уточненного проекта в среднем увеличиваются на пятьсот рублей.

— А по строительству?

— Расходы по осуществлению проекта уменьшатся. Это объясняется тем, что предусматривается сохранить определенное количество старых деревьев, дубов преимущественно, имеющих очень глубокие корни и не нуждающихся в орошении. К ним не надо прокладывать трубы.

Садриев посмотрел на сотрудницу, которая вела протокол,— успевает ли она записывать. Потом медленно произнес:

— Итак, вывод напрашивается следующий: проект Аллеи фонтанов на площади Ленина, представленный институтом, принимаем. С изменениями и уточнениями,

которые предлагает архитектор Агзамов. — Увидел, как помрачнел Яминов. Спокойно, доброжелательно добавил, что в основе своей общий проект не меняется, что касается «зеленого обрамления», то пусть будут и ели, и сосны, и плакучие ивы, и чинары, и дубы. В тенистых местах площади, своеобразных островах для отдыха населения, безусловно, нужно установить удобные скамейки. — Я согласен, что деревья, подобные карагачу и тополю, нельзя считать «кишлачными». Вдоль канала площадь с архитектурно-градостроительной точки зрения еще не освоена. Имеет смысл высадить здесь ряды тополей. У них есть еще своя особенность: когда воздух раскален и неподвижен, ветви деревьев замирают, не шелхнутся. Кроме тополей! Даже когда солнце в зените, листья тополя потихоньку колеблются...

— Народ так и называет тополь — «дерево, притягивающее к себе ветерок», — произнес кто-то за столом.

— Вот именно, — подтвердил Наби Садриевич. — На листья тополя не садится пыль, они узкие и гладкие, сами себя очищают. Поэтому в тени тополя человек отдыхает спокойно, с наслаждением... Но, конечно, и тополь надо сажать разумно. Тут Яминов в принципе прав...

Садриев посмотрел на снятые с запястья и положенные на стол наручные часы. Тридцать минут прошло.

— Будем закругляться, товарищи?.. Значит, Агзамов сдает все рабочие чертежи в прежний срок. Расходы, связанные с его предложением, надо покрыть за счет плановой экономии. Отдельные детали общего проекта поручить товарищу Яминову, еще и еще раз уточнить в самом институте в процессе работы. Когда увижу Сайфуллу Рахмановича, скажу ему о том же. Впредь не будем, товарищи, увлекаться дискуссиями — сроки не позволяют. Большие дела надо делать в согласии. Верно говорю, товарищ Агзамов?

Яминов ушел из главного управления в одиночестве.

В райвоенкомате второй отдел — а в его ведении находился призыв в армию молодежи, получившей высшее образование, — возглавлял майор, молодой, высокий, подтянутый человек с несколько усталым выражением лица и внимательным взглядом.

— Товарищ майор, я пришел к вам по делу... необычному.

Представившись, Аброр коротко рассказал о поведении Алибека и о том, как переживает это вся семья.

Майор тут же нашел в картотеке документы Алибека Бадалова.

День был очень жаркий — сорок два градуса в тени. Аброр то и дело вытирал лицо и шею платком. А молодой майор в сапогах да еще в портупее через плечо, казалось, не замечал жары вовсе. Он спокойно перелистал бумаги в папке Алибека. Вытащил ту злополучную с просьбой не призывать его в армию из-за болезни матери.

— Алибек Бадалов, товарищ майор, хочет разводиться с женой. Хотя жена и прописана в этой квартире, но она какое-то время не жила со свекровью, ушла от мужа. Но официально развода до сих пор нет. И скорей всего не будет. Невестка вернулась, со свекровью будет жить... Муж, Алибек, ушел сейчас из дому. Но думаю, что ненадолго... Отсрочка от призыва кончается. Невестка обязуется присматривать за Зумрад Садыковной... Спасая Алибека, сумеем, может быть, и семью спасти.

— Вы правильно сделали, товарищ Агзамов! Разрешите вам сказать это... Вы свой гражданский и человеческий долг правильно поняли! Отсрочка его вот-вот кончится. Так что на днях получит повестку.

...Спустя два дня в райвоенкомате появился Алибек, вызванный повесткой.

Майор бросил внимательный взгляд на длинящиеся волосы парня, на его бородку и руки.

— Садитесь, Бадалов. Вот на этот стул... Где работает ваша жена?

— В школе. Учительница.

— Живете втроем, вместе с матерью?

— Да.

— Почему вы представили справку о том, что присматреть за вашей больной матерью некому?..

— Не я представлял, мать представила.

— Вы заставили мать это сделать, а сами спрятались за ее спиной.— В голосе майора прозвенел плохо скрываемый гнев.

— Я не прятался!— с раздражением воскликнул Алибек.— У меня были особые обстоятельства, которые не хочу здесь излагать.

— Я знаю эти обстоятельства...

— Это мое личное дело!

Глаза майора словно огнем вспыхнули:

— Младший лейтенант запаса Бадалов! Встать!

Алибек проходил военную подготовку и что такое воинская команда — знал.

Бадалов быстро встал со стула. Энергично поднялся из-за стола и майор. Еще более жестким голосом скомандовал:

— Смирно-о!.. В соответствии с советскими законами за уклонение от воинской службы вы, Бадалов, должны быть отданы под суд... Статью и срок знаете?

Наполовину заросшее бородой лицо Алибека побледнело.

— Товарищ майор, я не уклоняюсь от военной службы.

— А эта дезертирская справка?

— Я не дезертир!.. Товарищ майор, я... готов служить...

— Отставить разговоры! В течение двух часов постричься. Бороду сбрить. Обрести облик человека, призывающегося в Советскую Армию! Как поняли?

— В течение двух часов... Обрести облик призывающихся в армию...

— Как надо отвечать командиру?

— Есть, товарищ майор.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Если бы вишневые «Жигули» могли говорить! Они бы в это лето непрерывно жаловались на свою судьбу и даже кричали «караул!».

Ручной тормоз все еще не исправлен, искорежена выхлопная труба, померк блеск на крыльях капота. Аброр никак не мог выбрать время привести машину в порядок. Он гонял ее без отдыха, да и себя не жалел.

Раза четыре пришлось ездить из одного края Ташкента на другой, с юга на север, с востока на запад, пока наконец не удалось найти сносный участок для отца с матерью. Цена оказалась вполне доступной, сам участок располагался в довольно тихом и уютном месте, к тому же неподалеку от воды, на высоком берегу Бурджара.

Сбросив с себя эти хлопоты, пожалуй самые тяжелые, Аброр поздно вечером вернулся домой, где его новыми заботами встретили дети.

— Папа, Алишер едет в «Первое мая». И я хочу в «Первое мая». А в «Зорьку» не поеду!

В детской комнате Вазира, просматривая заранее составленный список, собирала вещи Зафарчика для пионерлагеря. Малика свои вещи уже собрала.

— Это что за «Первое мая»? Где это? — спросил Аброр сына.

— За Чимганом. Мама знает.

— Они хотят поехать в горы, — объяснила Вазира. — А в нашем управлении путевки только в «Зорьку», под Ташкентом. Туда Малика тоже не хочет ехать.

Малика подтвердила:

— Из этой «Зорьки» убежим! Что за лагерь — город и город...

Издерганный за день Аброр прикрикнул:

— Хватит болтать! В какой лагерь есть путевки, туда и поедете!.. — И пригрозил Малике: — Будете лето сидеть дома.

Дети притихли. Вазира почувствовала, что у мужа нервы на пределе, и поспешила на кухню.

Спасение наше от всех бед — чай. До еды — чай, после еды — чай, без еды, вместо еды... Прихлебывая душистый напиток, несколько успокоившийся после душа, Аброр рассуждал:

— Всем-то надо угодить! Всем что-то должны сделать, на просьбу чью-то откликнуться... Там родители выбирают участок. Здесь дети выбирают лагерь.

Вазира поставила перед мужем глубокую тарелку супа, заправленного кислым молоком.

— Когда есть из чего выбирать, люди выбирают. Хуже, когда нет выбора.

— У нас с тобой нет выбора... Снова обивай пороги, проси путевки! Наверное, и по твоему списку мы еще должны уйму вещей купить в магазинах?

— Да, Аброр-ака, не без этого... Приехали бы вы пораньше, еще один маршрут пришлось бы сделать в «Детский мир». Одежда для походов... Парадная форма... Кеды, тапочки — все надо обновить.

— Как мне все это надоело!

Аброр, не доев суп, встал с места.

Душно, очень душно... Бетонные стены дома целый день впитывали жар, раскаляясь, будто поверхность

печи, а вечером и ночью источали его — в квартире духота-духотища. Чуть ли не все двадцать четыре часа. Аброр открыл все двери и окна, долго проветривал комнаты. Но так и не смог заснуть до двух часов ночи. Двор на берегу Бурджара, помост во дворе под тенистым урюком — вот где прохладно! И в Чимгане сейчас, куда собираются на отдых его дети, свежая, даже бодрящая прохлада. Самые дорогие люди стремятся в хорошие места, на природу — ну как же им не помочь? Кто, если не он, поможет?

Эта мысль незаметно примирила Аброра с предстоящими новыми заботами, и он заснул.

А на другой день, когда пришлось после работы бегать по магазинам, им снова овладело раздражение. На всех и вся. Даже машина раздражала. Ему казалось, не слушалась руля. Рычаг не переключался на нужную скорость. И руки не подчинялись шоферу... Машина вихляла, двигалась неровно, будто новичок сидел за рулем.

Как бы там ни было, а «жигуленок» и на сей раз выручил. Без него Вазира не закупила бы необходимого детям для лагеря всего за три вечера. Правда, будут или не будут путевки в Чимган, не было известно чуть ли не до часа отъезда. Лагерь принадлежал другой организации, и лишь перед самой отправкой автобусов с детьми Вазире наконец продали две горящие путевки — их держали для детей каких-то важных товарищей, но они тоже, может быть, поменяли их на другие места отдыха.

Оформление путевок требовало времени, автобусы уже ушли, и Аброру теперь предстояло отвезти детей вдогонку опять же на безмолвном, многострадальном «жигуленке».

Путь неблизкий... Перевал через Чимган... Серпантин на двухтысячечетровой высоте. Уйдет весь остаток рабочего времени на поездку. А в мастерской его ждут неотложные дела, сроки сдачи рабочих чертежей поджимают. Он посадил в машину детей, поехал к себе в институт, отпросился там с условием, что дела, которые надо было сделать сегодня, он заберет домой и снова наверстает за ночь.

Подхватили по дороге маму — Вазира тоже отпросилась у своего начальства. Ну конечно. Наби Садриевич не может ей отказать! Поехали... Перевалы, жару, серпантин, плохое настроение — все преодолели, за два часа доехали до «Первого мая».

Здесь прохлада. Склоны гор блестят. В чистом воздухе будто каждый кустик, каждый камень излучает свет.

Вазира пошла с детьми к начальству лагеря. Аброр вытащил из багажника складной брезентовый стульчик, устроился в тени. Смотрел на снежные вершины гор, которые хранили тишину и вековое спокойствие... Напряжение, однако, не спадало. Во всем теле он еще ощущал скорость движения машины, ее нескончаемое кружение на серпантинах; суэта города не отпускала его, хотя внешне казалось, он был спокоен и расслаблен.

Вазира возвратилась и, взглянув на часы, заторопилась:

— О, уже больше четырех! Давайте-ка, Аброр-ака, поехали.

— Посидим немного, посмотрим на горы, ханум... В багажнике есть еще один стульчик. Достать?

— Я вдоволь налюбовалась горами по пути сюда. На обратном пути еще насмотримся.

— То мельканье, дорогая моя ханум...

— Ну вот, опять вы недовольны. Раньше люди на конях добирались сюда за два-три дня из Ташкента. А вы...

— А я завидую им. Они двигались с утра до вечера, не спеша, наслаждались красотой природы, на привалах размышляли о жизни, о вечности... А мы теперь мчимся, мчимся, мчимся, и эти горы проходят стороной.

— Ну ладно, ладно, философ, я должна успеть на работу, а вечером сходим к матери.

— Вот и вы, ханум, все куда-то мчитесь, мчитесь. — Аброру не хотелось подыматься и снова садиться за руль.

— Уже без малого пять, мама ждет. А вечером вы ведь еще хотели поработать дома!

И снова в путь, снова помчались по горным дорогам.

Когда они спустились к Бостанлыку, руль вдруг начало тянуть вправо. Аброр остановил машину на обочине, вышел посмотреть, не ослабло ли крепление переднего колеса. Нет, с креплением было все в порядке, но с левого переднего колеса потихоньку стекала тормозная жидкость. Понятно. Из-за того, что тормоз левого колеса не держал, машину при нажиме на педаль заносило вправо.

— Нашей спешки не выдерживает даже железо! — буркнул Аброр жене, которая тоже вышла из машины.

Аброр осмотрел и остальные колеса. Тормоза их еще держали, только сильно перегрелись. Аброр поднял крышку капота, в пластмассовом цилиндре тормозной жидкости оставалось на донышке... Если не держит один из тормозов, но держат другие, ехать можно.

Аброр залил цилиндр тормозной жидкостью из бутылки, припасенной для подобных случаев, и, махнув рукой, сел за руль. Двинул дальше.

Он надеялся как-нибудь добраться до Ташкента.

Вдруг перед машиной (дорога шла по высокому берегу реки Чирчик) выскочил теленок и побежал, задрвав хвост, поперек дороги, по диагонали. Аброр со всей силой нажал на тормоза. И сразу сообразил: ошибка, он сделал ошибку! Когда выходит из строя тормоз одного колеса, никак нельзя жать так сильно. Машина качнулась, краем правого борта зачиркала по земле, сошла с асфальта и продолжала двигаться к обрывистому речному берегу... Слава аллаху, гравий гасил это движение. Аброр резко отпустил тормоза, уцепился за руль, завертел-завертел им. Теперь стоп!

Машина остановилась у края обрыва.

В лице Аброра ни кровинки. Еле слышным голосом попросил:

— Дайте... воды.

Вазиру бил озноб. Она обернулась, из чехольного кармана, приделанного к спинке переднего сиденья, вытянула бутылку. От той воды, что они утром взяли в путь для детей, осталось совсем чуть-чуть. Вазира зубами (руки не слушались) вытащила пробку.

Аброр глотнул и ладонью вытер губы.

— Еще метр — и мы бы полетели в Чирчик.

— Но почему так... вдруг?

— Это все из-за тормозов.

— Что же будем теперь делать?

— Если хотим жить, надо тут же исправить тормоза. Ищем мастера. Бостанлык тут рядом... рай-центр.

Аброр осторожно повел машину. Въехали в рай-центр. Пока они нашли мастерскую, расспросив множество людей, солнце склонилось к закату. Мастер по ремонту уже ушел домой. Аброр посадил в машину молодого парня, согласившегося показать дорогу к мастеру, и еще долго, осторожно и медленно, ехал,

пока добрался куда было нужно. Пожилой мастер осмотрел колеса.

— Тормозами заниматься не имею права,— сказал он поначалу.— В Ташкенте это сделают в мастерских, куда вы прикреплены. А тут... Видите, пломба. Ежели кто-то ее сорвет, то потом мастерские вас обслуживать не станут.

— Знаю... Но не могу же я эту колымагу на плечах нести до Ташкента. Там ведь тоже люди. Объясню, что случилось это на дальней дороге. Сделайте, пожалуйста, прошу вас.

Наконец мастер сдался. Что надо — сделал.

Теперь машину не заносило. Но Аброр ехал с чрезвычайной осмотрительностью. «Хватит мчаться! Хватит вечной спешки! — говорил он себе.— Доберемся домой благополучно, так разобьюсь в лепешку, но в эту же субботу займусь машиной всерьез, отдам в мастерскую».

Осуществить это благое намерение Аброру, однако, не удалось: переезд родителей пришелся как раз на субботу.

Боже ты мой, сколько же добра накопилось! Всякие ведра, казаны, корыта, железные кровати, столы и столики, деревянные лестницы, даже старые коромысла, уже не нужные при водопроводе,— ничего не хотела оставлять в покидаемом дворе Ханифа.

— Ну что вы будете на третьем этаже делать с коромыслом, мама? — раздражался Аброр.— Зачем нужна керосиновая лампа?

— Делай свое дело, а я буду — свое... Мало ли что? Все это может понадобится,— возражала Ханифа-хола, загружая машину.

Родителям Аброра Вазира отвела комнату с балконом; диван, стол и стулья выносить в другие комнаты не стали, так что старики въезжали, в общем-то, на готовое. Им оставалось захватить с собой постельные принадлежности, одежду да посуду. Остальное имущество было нагружено на грузовик и отправлено к родственнице, которая жила в пригороде; туда же отправились два барана, предназначенные для свадьбы Шакира. Агзам-ата попросил Аброра отвезти большие деревянные пары и две железные кровати сразу на новый участок — пусть постоят во дворе у соседей... Конца не было пиалам и чашам, разных размеров чайникам, бес-

численным кастрюлям и кастрюлькам. Ханифа-хола желала забрать их все. Пришлось взять большую часть. Аброр нагружал завернутой в бумагу посудой картонные коробки разных размеров, багажник и салон «Жигулей» быстро наполнялись этими коробками. От раннего утра до полудня в субботу безответная машина сновала между старым отцовским участком и квартирой Аброра. Вслед за посудой поехали подушки, одеяла, ковры и коврики.

Поднимать на третий этаж коробки, узлы, чемоданы Аброру помогали соседские молодые парни. Уже к обеду Аброр устал до дрожи в коленях. Неприятная тяжесть скапливалась в левой стороне груди, будто только сейчас он стал ощущать сердце.

Комнаты и коридоры в квартире до отказа забиты всяким хламом. Вазира взмолилась:

— Уже негде по-человечески жить, Аброр-ака, хватит, больше ничего не привозите!

Аброр организовал второй грузовик, чтобы отправить тяжелые вещи к сестре на Кукчу. А Ханифа все подтаскивала и подтаскивала к «Жигулям» какие-то мешочки и узелки.

— Оставьте место хоть для самих себя... Отец, да скажите вы маме — не влезете ведь!

Агзам вырвал из рук Ханифы узел с каким-то тряпьем, кинул через борт в кузов грузовика.

И дом, и двор опустели.

Аброр пошел в конец двора, остановился на берегу. Разрушается махалля, сносятся старые строения, развал кругом, а река Бозсу по-прежнему красива, свежа и прохладна. Аброр вдыхал чистый воздух и с тоской думал о том, что жизнь, проведенная им около Бозсу, уже никогда не вернется, даже некуда теперь будет приезжать, чтоб прикоснуться к природе, к этой вечной ташкентской реке, с детства такой родной. Он будет преобразовывать, обновлять Бозсу. И тосковать по тому, что было.

Тяжелый комок подкатил к горлу.

И Ханифа в последний раз вошла в опустелые комнаты своего дома.

— Боже! Кто здесь зажжет теперь свет?— И заплакала.— Коли души умерших явятся сюда... А мы...

Продолжая беззвучно плакать, Ханифа вышла из дому во двор, приблизилась к очагу, по краям которого были положены заранее обернутые ватой щепочки. Вы-

лила на них из бутылки остатки масла. Чиркнув спичкой, подожгла.

— О аллах, пусть души умерших не гnevаются на нас! И пусть там, где мы будем жить, не погаснет огонь!..

Во дворе перед домом Агзам-ата, Аброр, вернувшийся с работы Шакир уселись на корточки в ожидании, когда Ханифа-апа закончит заклинание. Агзам-ата, в свою очередь, пробормотал нечто вроде молитвы в память отцов, дедов, прадедов, некогда здесь живших.

— Аминь! — Все провели ладонями по лицам и встали.

Пора было ехать. Они покинули дом, двор, а щепочки у очага все еще продолжали гореть.

Сам не свой Аброр сел за руль...

Машина была забита до отказа. Всюду — мешочки, свертки, кульки. Ханифа на заднем сиденье еле-еле могла повернуться среди узлов и сумок. Чугунные посуды и алюминиевые кастрюли в багажнике позванивали. Шакиру места не хватило, и он уехал на грузовике.

Солнце только что село, душный зной не спадал. Кругом множество народа: измученные жарой, люди не желали сделать нескольких шагов, чтобы дойти до перехода. Переходили улицу где вздумается.

Впереди Аброра шла крытая грузовая машина. Перед глазами плясали огромные буквы: «Мебель». Тащиться за ней у Аброра не хватило терпения. Он повел «Жигули» влево, включил лампочку правого поворота-обгона. Посмотрел вперед. Издали шел навстречу, и очень быстро, огромный «Икарус». Аброр посчитал, что успеет обогнать мебельный фургон.

Нажал на газ... Пот заливал глаза. Хотел протереть глаза ладонью, но пальцы были мокрыми.

Аброр дважды провел правой ладонью по рубашке сверху вниз. Протер глаза... «Жигули» шли пока рядом с «Мебелью». Аброр ошибся: машина-перевозчик оказалась не обычным фургоном — она была длинная, как рефрижератор. Притормози сейчас Аброр — и «Икарус» свободно и спокойно прошел бы своим путем. Но Аброр решил во что бы то ни стало обогнать «мебельщика».

«Икарус», раскачиваясь, приближался. «Заденет — расплющит!» — подумал Аброр. Шофер «Икаруса» начал яростно сигналить. Руки и ноги Аброра будто сами сделали то, что надо: крепко вцепились в баранку, нажали на газ.

Маленькие «Жигули», обгоняя «Мебель», успевали выскочить из опасной зоны сближения двух больших машин. И тут-то вдруг перед «Жигулями» возникла женщина с большой хозяйственной сумкой — она перебежала улицу. Мебельная машина показалась ей неопасной, а «Жигули» она не видела.

О собственной жизни, об отце и матери, которые сидели рядом, в этот миг он не подумал... Чтобы не сшибить женщину, он резко повернул руль вправо. Женщина с клетчатой сумкой мелькнула перед его глазами очень близко. «Жигули» прошли в считанных сантиметрах от нее, но при обгоне «Мебели» из-за резкого поворота вправо «Жигули» не смогли оторваться на нужное расстояние, бампер «мебельщика» стукнул по заднему крылу «Жигулей». И словно что-то взорвалось внутри машины, а тело Аброра будто обожгло.

Уже почти ничего не осознавая, не различая вокруг, он повернул машину к обочине дороги и остановился. «Мебельщик» тоже остановился чуть сзади, у тротуара. Придя в себя, Аброр оглянулся и увидел испуганных отца и мать. Сидят они, подавшись друг к другу, живые-невредимые.

Аброр быстро вылез из кабины. Оказалось, что правое заднее крыло погнуто, много вмятин, несколько трещин. Наделал дел «мебельщик»!

Шофер «Мебели» открыл дверцу, но продолжал сидеть в кабине. Аброр накинулся на него:

— Ты увидел женщину раньше, чем я! Почему же не тормозил?!

Сидевший в кабине шофер, сравнительно молодой парень, взялся за клеенчатый козырек спортивной шапочки и приподнял ее.

— Эй, ака, скажите лучше спасибо. А кричать нечего... Если б я не тормознул, вся ваша правая сторона полетела бы к черту... Вызывайте милицию! — вдруг вскинулся шофер. — Я еще и виноват... Где я нажал на тормоз, пусть установят по следу!

Как водится, вокруг начал собираться народ. Появился, словно из-под земли вырос, автоинспектор с планшеткой через плечо.

— Кто водитель «Жигулей»? — спросил он грозно.

Аброр предстал перед почерневшим на солнце рослым инспектором. Милиционер приложил руку к фуражке:

— Сержант Тухтасынов. Ваши документы!

Отдать документы просто, а получить обратно? К тому же с «дыркой», имеющейся в талоне?

Пока Аброр, вздыхая, вынимал из заднего кармана брюк желтый бумажник, доставал шоферскую книжку и техталоны, Агзам-ата освободился от мешочков-узелочков и тоже вылез из машины.

— Сынок, родной, поверьте, — заговорил он, обращаясь к инспектору. — Аброр спасал эту женщину и поэтому ударился... Он сумел повернуть, авария спасла женщине жизнь. Я видел своими глазами!

Инспектор посмотрел на «дырку» предупреждения.

— И раньше вы нарушали правила, просечку вот получили, товарищ Агзамов.

Аброр огляделся по сторонам: так-с, нигде нет знака, запрещающего обгон.

— Товарищ сержант, почему вы меня обвиняете? Скажите, какое правило я нарушил

— Это мы сейчас скажем. — Инспектор положил в карман документы Аброра, открыл планшет, достал оттуда шариковую ручку и большой бланк. Взгляд Аброра упал на бланк. «Протокол аварии», — прочитал про себя Аброр. Так-с, доездили, доперевозились!

Унавшим голосм Аброр сказал:

— Товарищ сержант, зачем протокол? Надо наказывать — наказывайте здесь, штрафуйте.

— Сынок, родной, пусть бог даст вам столько же лет, сколько их у меня, — говорил Агзам-ата, тронув сержанта за плечо. Потом, осмелев, схватил его правую руку. — Зачем писать? Зачем сыну протокол? Влипнешь в бумагу — скоро не отделаешься.

В желтом чесучовом кителе и брюках, с красиво подстриженной седой бородкой, Агзам-ата показался сержанту человеком весьма и весьма почтенным.

— Ладно, отец! Только сначала отпустите мою руку, пожалуйста. И поймите, отец, в чем тут дело... Машина вашего сына основательно побита. Проедете чуть дальше — вас остановит другой инспектор. «Где произошла авария?» — спросит. Начнет выяснять, не было ли трагического случая...

— Будет спрашивать — ответим, — сказал Аброр. — А с протоколом обивать пороги ГАИ и лишаться прав на три-четыре месяца мне ни к чему.

— Вы ведь не знаете, о чем я хочу написать в протоколе. Вы хотите отремонтировать машину или ездить в таком виде?

— Ремонтировать, конечно! В мастерской, разумеется.

— Ну, а мастерская, коль не будет нашего протокола, в ремонт вашу машину не примет. Вам это известно?

Аброр слышал об этом правиле, слышал. Но... В таком случае надо вписать в протокол ту женщину, которая переходила дорогу. Вот свидетели. Они подпишутся в протоколе.

Аброр показал на шофера «Мебели». Однако шофер в белой шапочке с козырьком вовсе не желал попадать в протокол. Ни при каких обстоятельствах.

— Товарищ сержант, мне можно уехать? — спросил шофер. — У меня ведь заказ — доставка грузов населению...

— Ладно, ладно, доставка... — чуть заметно усмехнулся сержант. — В протоколе вы должны подписаться в любом случае.

— Так я ж ни при чем!

— Вы уже дали показание... Что в руках у женщины была большая клетчатая сумка!

Наконец протокол написан. Аброр прочитал его. Кажется, сержант недостаточно подробно изложил происшествие.

— Добавьте еще, товарищ сержант, — попросил Аброр. — Тут вот про женщину есть... Но навстречу еще шел «Икарус», а про него ничего нет... У меня же не оставалось другого выхода...

— Это все вы сами напишете. ГАИ потребует от вас письменное объяснение.

Аброр представил себе, как придется в ГАИ писать объяснение, — хлопот не оберешься. Он надеялся получить обратно свои документы. Поэтому не стал надоедать сержанту возражениями и расписался под протоколом. Потом как свидетели расписались шофер в белой шапочке и Агзам-ата.

Сержант аккуратно сложил лист вдвое, положил в планшет, достал еще один бланк, поменьше, заполнил его и протянул Аброру:

— Это предъявите в мастерской.

— Спасибо, товарищ сержант. Теперь бы мои документы...

— Права останутся у меня, я их сдам вместе с протоколом в ГАИ. Там вы их и получите.

— Как же я буду ездить без прав, товарищ сержант?

— Ладно, ладно... — Черным фломастером сержант написал что-то прямо на талоне с «дыркой». — С этим документом вы можете ездить без шоферской книжки в течение пятнадцати дней, начиная с сегодняшнего. Написанное сержантом не обрадовало: «Шоферская книжка отобрана из-за совершения аварии».

Пора было уезжать. Сержант достал из кармана сигареты, закурил. Аброр жадно посмотрел на сигарету.

— Закурите? — Сержант протянул пачку Аброру. Тот помедлил, потом, будто преодолев какую-то внутреннюю преграду, резко махнул рукой и взял сигарету.

После первой затяжки табачный дым всегда неприятен. И новичку, который только начинает отравлять себя табаком, и бросившему курить. Но после второй и третьей Аброр почувствовал, как что-то начало согревать его, на душе стало полегче, отделились треволения и тревоги.

Однако, садясь в побитую свою бедную машину, Аброр заметил, как дрожат руки, и почувствовал, что дергается веко на левом глазу. Он бросил на асфальт недокуренную сигарету. Всем лицом уткнулся в чашу сомкнутых ладоней, застыл в таком положении.

— Сынок, не расстраивайся. Ведь могло быть хуже! — проговорил Агзам-ата.

На неровностях дороги разбитое заднее крыло жалобно стонало. Ныли и стонали душа и тело самого Аброра, усталые, словно тоже разбитые аварией.

Подъехали к дому, начали разгружать машину. Конечно, собрались вокруг соседи. Со всех сторон посыпались ахи и охи.

Вазира в квартире расставляла, распахивала по углам вещи, привезенные ранее. Свекровь и свекра она встретила не во дворе, а внизу у лестницы. Помогла Ханифе внести на третий этаж большую сумку. Отворила настежь дверь:

— Добро пожаловать!

Ханифа-хола зашла в комнату вслед за Агзамом-ата. Войдя, громко воскликнула:

— Бисмиллахи рахмонир рахим!¹

— Наши ноги сюда добрались, пускай беда не доберется! — произнес нужные слова отец.

Вазира подхватила:

¹ Слава создателю!

— Да будет так... Отдохните немного теперь. Вещи потом разместим.

Агзам-ата присел на краешек полумягкого стула в уютной гостиной с телевизором. Он чувствовал себя стесненно.

Аброр был доволен тем, как жена встретила его родителей, и не осмелился сказать ей об аварии.

После того как все умылись, попили чаю, Аброр заявил:

— Пойду отведу машину в мастерскую.

Вазира встревоженно обернулась к мужу:

— В мастерскую? Так поздно?.. Вид у вас как у больного. Что-нибудь случилось?

— Машина немного забарахлила. Давно пора показать мастеру.

Агзам-ата вмешался в разговор:

— Сынок, сегодня ты очень устал, завтра отведешь. Отдохни.

— Завтра воскресенье, отец, мастерская не работает. А послезавтра я не смогу уйти со службы, и так слишком часто отпрашивался.

— Пусть едет, — сказала решительная Ханифа. — Сыну нашему сорок, вторая молодость мужчины. Потом отдохнет...

Обычно машину Аброра в мастерской осматривал и, если надо было, слегка ремонтировал «костоправ» Вали, веселый бойкий парень, между прочим умело похваливающий щедрых людей с открытой, как он говорил, пятерней. Чтобы ускорить предстоящее дело, Аброр готов был проявить себя щедрым человеком «с открытой пятерней». По пути он остановился у гастронома, купил бутылку коньяка, четыре бутылки «ташкентской» минеральной, сыру, колбасы, хлеба.

На большой, с полгектара, заасфальтированной площадке в мастерской стояло множество автомашин. Некоторые из них изуродованы были куда страшней, чем машина Аброра.

Вали, голый до пояса, мылся у водопроводной колонки. Аброр подошел к нему.

— Чего так поздно приехал? — спросил Вали.

— Ты работу кончил? — вопросом на вопрос ответил Аброр. — Тогда давай откупорим... вот это, — приоткрыв портфель, показал Вали содержимое.

— О, вот спасибо! — Вали ловко вытащил из портфельного зева две бутылки «ташкентской», ловко снял

пробку с одной бутылки железной пробкой второй. — Ну и жара была сегодня! Сорок три в тени! — И одним глотком, не отрывая горлышка ото рта, опустошил бутылку. Посмотрел на коньячные звездочки. — Хорошо. Но на работе нельзя... Найдем место потом... Где машина-то?.. Ударил? Сам или тебя?.. Идем, показывай.

Вали вместе с Аброром вышел из ворот мастерской, осмотрел вишневые «Жигули».

— Крыло сам найдешь? За десять дней сделаю. Если согласен, заводи во двор.

— Вали, неужто на это уйдет десять дней?

— Милый человек, я что, без дела сидел, ждал, когда пожалуешь ко мне? У меня заказов навалом. Один вот срочный, сам начальник мастерской передал. Пока я ту колымагу не закончу, за твою не возьмусь. Ну, так как, найдешь крыло?

Они зашли в контору, оформили нужные документы, получили разрешение поставить машину Аброра во дворе.

Старик сторож открыл ворота. Вали выбрал хорошее место, чтоб сторожу легче было последить за машиной. Потом Вали взял из рук Аброра портфель, позвал какого-то своего товарища и вручил портфель ему: иди, мы за тобой.

Из мастерской они пошли к высоким кленам, что росли вдоль арыка. Выбрали тенистое место. Товарищ Вали сходил к ближнему киоску, где торговали газировкой, принес два граненых стакана. «Третьего не дала!» — мрачно сказал товарищ. Разлили коньяк. Товарищ ничего не ел, только пил и вместо закуски курил сигарету за сигаретой. Вали помалу наслаждался коньяком, вдумчиво жевал сыр, потягивал из бутылки минеральную воду, будто рот полоскал, а потом снова делал глоток коньяку. Градус наслаждения поднимался постепенно. Наконец Вали потрепал Аброра по плечу, похвалил:

— Ты замечательный человек! Щедрый, с открытой пятерней. Не думай ты о своей машине! Не переживай. Будет как новенькая.

— Трудно крыло найти, — мрачно сказал Аброр.

— Тебе трудно — я тебе помогу. Договорились? Не переживай! Давай-ка бери!

Аброр тоже выпил коньяку. Почти целый стакан. Потом и ему показалось, что градус наслаждения можно

поднять еще выше, и он выкурил сигарету, попросив ее у товарища Вали.

А потом, сосредоточенный, он шел к трамвайной остановке и думал, что без машины непривычно, что в ближайшую десятидневку суеты прибавится, что вот до сих пор машина служила ему, а теперь он должен послужить машине.

По пути купил пачку сигарет. Закурил. Табачный дым помог расслабиться. Самому себе Аброр казался слабовольным и был противен. Но все время держать себя в узде, пытаться быть хорошим, добрым, ровным, рассуждал он, и тяжело, и тоже противно... Нестерпимо противно...

Вазира ничего не могла с собой поделаться: ей, уравновешенной, сдержанной в выражении чувств горожанке казалось, что она осталась без машины именно из-за переезда родителей мужа. Сразу возродились в душе былые упреки к мужу, и Вазира стала почти неосознанно дуться на Аброра. А он свою досаду гасил в табачном дыму: только начинал раздражаться, сразу же доставал из кармана сигареты, спички и дымил. Вазира не переносила табачного запаха, а если Аброр курил дома, злилась:

— У нас уже занавески пропахли табаком! Человек никогда не берет в рот то, что выплюнул! Вы же бросили курить. Обещали, что навсегда. И закурили... Есть у вас воля?

Аброр понимал правоту жены, а потому раздражался еще сильнее:

— Не учите меня! Когда мне надо — я курю, когда не надо будет — брошу.

Чтобы Агзам-ата перебранку не слышал, Вазира уходила на кухню. Если еще Ханифа-хола услышит, как она, Вазира, упрекает мужа, тогда... только держись: мало того, что Аброра защищать будет, но и упреки примет на свой счет. «Невестка и меня вместе с моим сыном хочет в глазах людей выставить плохой», — будет говорить обиженно. Подобные размолвки изрядно надоели Вазире еще там, в старом доме. Поэтому здесь, в своей квартире, она ходила чуть ли не на цыпочках, чтобы избежать стычек со свекровью.

Аброр и Вазира, боясь опоздать на работу, выходили эти дни из дому на час или минут на сорок раньше,

чем обычно. Самые жаркие недели лета, зной уже с утра начинает мучить; солнце, поднимаясь до зенита, доводит температуру воздуха до сорока пяти в тени. Оказывается, в автомобиле и жара, и воздух с парами бензина переносятся легче, чем когда идешь пешком или толкаешься в трамвае.

В жару, когда свыше сорока градусов, нелегко, конечно, вычерчивать проекты, сгибаясь над столом. Но сейчас Аброру работа казалась спасением от бесконечно надоевших мелочей быта. Проект центральной площади, которая становилась поистине исторической для нового Ташкента, собирал его разбросанные душевные силы вокруг одной — большой и прекрасной! — цели, вносил смысл в существование.

Огромный проект Аброр по частям распределил между сотрудниками, но приучал их, да и самого себя, не упускать из виду целого...

Бегать при такой-то работе в мастерскую, где ремонтировались вишневые «Жигули», да еще в ГАИ на уроки автомобилевожения, казалось, и бессмысленно, и тошно. К тому же приходилось отпрашиваться каждый раз у Рахманова или его заместителя Яминова... Однажды Аброр взял такси и поехал в ГАИ в свой обеденный перерыв.

Шоферов, у которых отобрали права, толпилось множество, сидели, бедняги, у разных дверей, сумрачно ожидая своей очереди вызова на «проработку».

Капитан в летней белой форме принял Аброра последним. Который уж раз видел Аброр приснопамятный протокол и свое письменное объяснение аварии.

— Вы уважаемый человек, архитектор... Сами должны понимать, не молодой лихач какой-нибудь. Так почему же шли на обгон в узком месте трассы? Верно, там не было знака, запрещающего обгон. Но сами подумайте, зачем так рисковать? Вы ведь могли погубить и себя, и родителей...

Несколько недель назад, подумалось Аброру почему-то совсем о другом, некий майор в военкомате вот так воспитывал Алибека, и Аброр тогда торжествовал, а сейчас он сам примерно в таком же положении: стой перед милицейским капитаном и слушай, не перечь, будь благодарен за поучения.

— Товарищ капитан, я здорово тогда наказал себя и сейчас сделал все нужные выводы. Уж поверьте.

— Вы известный человек,— продолжал нудить ка-

питан. — Поэтому на первый раз мы вас накажем не так строго, как нужно было бы. Придете в субботу на комиссию и заплатите штраф. Потом я вам верну права.

С облегчением вздохнув, Аброр вышел на улицу. Время приближалось к четырем часам. Он нашел такси и, приехав в институт, торопливо поднялся к себе. Тут же его вызвали к Яминову.

Заместитель директора сидел в глубине обширного своего кабинета за столом, чуть нагнувшись, подставляя лицо под ветерок вентилятора.

— Товарищ Агзамов, где это вы пропадаете в рабочее время? — спросил он, не изменив позы.

— Я об этом говорил Сайфулле Рахмановичу.

— А вы не помните, что говорил Сайфулла Рахманович о государственной дисциплине. По какому делу и в какое государственное учреждение вы ходили, представьте об этом дирекции письменное объяснение... Мне кажется, что у наших сотрудников — у некоторых, разумеется, — в рабочее время появляется неотложная нужда заняться личными делами. Вы заведующий отделом, вы должны показывать другим сотрудникам пример. Положительный пример!

Аброр догадывался, что небезызвестный Эрудит доводит до институтского начальства сведения об его отлучках.

— А что, Гайрат Яминович, если время, которое мне придется потратить на письменное объяснение, я посвящу основной работе? — явно иронически спросил Аброр. — А вам я объясню устно: меня вызывали в ГАИ.

— Ваша машина попала в аварию, институту это известно, однако в этом вины института нет, не правда ли? Письменное объяснение соблаговолите принести сегодня же. Мы обсудим этот вопрос в дирекции и доведем свои выводы до сведения партбюро. Вы коммунист, пусть знают о вашей недисциплинированности и в партбюро!

— Зачем из мухи делать слона? Почему бы вам не сказать членам партбюро о том, что институтские задания я, бывает, делаю дома по ночам!

— Я этого не знаю! Объяснительную записку прошу...

— Вы мстите мне за критику? Я сам сейчас пойду в партбюро и расскажу обо всем!

Секретарь партбюро Сергей Адамян работал на четвертом этаже. Адамян был один, когда Аброр зашел

к нему. Сидел в задумчивости, читал какую-то рукопись, держа карандаш в руке.

— А-а, Аброр, ты как раз мне и нужен!

Адамяну еще не было и тридцати, но из-за бороды и усов он выглядел гораздо старше. Короткая черная борода красиво охватывала полукруглием нижнюю часть полноватого лица; черные усы чуть свисали по краям рта.

— Сергей, ты сперва можешь выслушать меня? Адамян знал про семейные заботы Аброра.

— Что-нибудь дома?

— Да нет, теперь здесь.

И он пересказал разговор, происшедший между ним и Яминовым.

— Ты ведь знаешь, проект готовлю по графику, утвержденному дирекцией. До сих пор еще ни разу с графика не сбился. Ну что он ко мне пристаёт?

— Дисциплина важна во всем, Аброр. Как стало жарко, так появилось у нас немало любителей мест попрохладней да потенистей, под разными предложениями исчезают в рабочее время.

— Ты хочешь сказать, что я из таких?

— Нет, не хочу. Я-то знаю, как ты отца перевозил, как боролся за семью брата Вазирыхон. Я даже не назвал бы это лишь личными делами. И об этом скажу в дирекции. Рахманов не такой мелочный, как Яминов. Но ты не задирайся. Лучше объяснить попробуй.

— Значит, писать объяснительную записку?

— Я же тебе говорю: не задирайся. А что касается объяснений... Дай-ка ты мне объяснение по другому поводу... Ты интересовался ташкентскими каналами и арыками, правда?

— И сейчас интересуюсь.

— Ну так смотри...— Адамян начал перелистывать рукопись.— Представляешь, площадь нашего города разрослась настолько, что длина его арычной сети превышает сейчас тысячу километров.

— Сколько, сколько? — не поверил Аброр.

— Больше тысячи! Вот здесь все подсчитано. Перестроить арычную сеть такой длины — задача огромная, правда? Не под силу одному тресту. Поэтому недавно создано городское управление водного хозяйства. Министерство водного хозяйства республики выделило в его распоряжение большие материальные ресурсы, технику, рабочую силу.

— Тогда дела пойдут быстрее,— заметил Аброр.

— Темпы-то ускорятся, но каково будет качество работы? В спешке как бы не наломали мы дров, дорогой, и с этой точки зрения вполне правомерно, что Союз архитекторов хочет тоже изучить и обсудить разного рода проекты, в том числе и этот.— Адамян потряс рукописью.— И ты, о ландшафтный наш архитектор единственный, тоже должен принять участие в предстоящем обсуждении. Возьми и хорошенько изучи.

Работы у Аброра было по горло. Но он взял у Адамяна большую картонную папку, раскрыл обложку, пробежал глазами по фамилиям авторов, по цветным надписям, выведенным чертежным четким почерком.

Ну, ясно: среди них — фамилия «Ш. Бахрамов». Узнал Аброр и подпись Шерзода, которая стояла рядом со словом «Утверждаю». Значит, он один из руководителей проекта.

— Сергей, ты сам-то познакомился?

— Может быть, мне пока не надо говорить, чтобы не повлиять на твое мнение, авторитетное и независимое?

— Перестань шутки шутить. Ты же знаешь о моем отношении к водным артериям Ташкента!

— Тут все наоборот по сравнению с твоими идеями... Предлагают Карасу, Койковус и подобные большие арки одеть в бетон. На их берегах живут сотни семей. Авторы предлагают всех их переселить, по берегам проложить так называемую «инспекторскую дорогу». Представляешь, лучшие, пожалуй, места отдыха покроются асфальтом и бетоном, то есть летом превратятся в печку, которой нам, ташкентцам, очевидно, не хватает.

— Зато, как известно, Бахрамов любит передовые индустриальные методы, быстрые темпы, еще больше любит докладывать о досрочном выполнении... А как мне было больно, Сергей, покидать родной дом на берегу Бозсу! Теперь на этом месте, на месте виноградников, вырастут бетонные берега и асфальтированная «инспекторская дорога»?

— Вот, чтобы этого не допустить, мы и привлекаем тебя, Аброр, к обсуждению проекта бахрамовых. В Союзе архитекторов, видно, тоже не одни его сторонники

будут. Только проанализировать надо аргументированно, спокойно... Не задираться!

Вес портфеля значительно увеличился, когда Аброр засунул в него большую картонную папку. Но на душе у Аброра все-таки полегчало.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ханифа-хола не привыкла жить в квартире как в клетке. Ей нужно свободное пространство двора, ей нужно видеть людей, с соседями поговорить... Топоча кавушами по ступенькам лестницы, она по нескольку раз в день спускается с третьего этажа, выходит из подъезда, смотрит по сторонам...

По тротуару мимо нее идут люди. Окна домов, выходящие во двор, все открыты, то в одном, то в другом из них показываются люди. Стоять на дорожке без дела да глазеть вокруг — неудобно. Ханифа-хола медленно шагает вперед, куда асфальт приведет... Вот на улице магазин «Универсам».

Не собиралась чего-нибудь покупать, но обошла все его отделы. Вернулась во двор своего дома.

Подъезды, лестницы, квартиры — везде тут как две капли воды похожи друг на друга. Бывает, Ханифа-хола иногда ошибется и заскочит не в свой подъезд. Пока не доберется до третьего этажа, не заметит, что ошиблась. Подойдет к двери, ну уж тогда... Дверь та же, как у Аброра и Вазиры, но что-то не то: или обита другого цвета дерматином, или у порога другой коврик, чтоб ноги вытирать, или, наконец, номер квартиры не разберет.

— Ну что я за разиня! — восклицает Ханифа и снова сходит вниз.

Надо всегда смотреть на деревья, посаженные вдоль тротуара. Тогда легко найти свой подъезд — по молодому урюку, что рядом со входом.

Снова поднимается Ханифа-хола на третий этаж. Во внутреннем кармане кофты нащупывает пристегнутой булавкой ключ.

Все четыре комнаты пусты. Аброр и Вазира на работе. Внуки в лагере. Агзам как уйдет рано утром на участок, так до позднего вечера его нету.

Ханифа заходит в кабинет сына Аброра.

На стенах — цветные рисунки. На книжном шкафу сверху стоит написанный масляными красками порт-

рет Вазиры. Красивый портрет. Толстые косы спадают на плечи. Большие глаза смотрят ласково. Лицо нежное, и губы пухлые — признаки молодости. Сразу заметно: с большой любовью к жене Аброр рисовал этот портрет.

А напротив висит портрет Аброра. Там ему тридцать лет, самое цветущее время. В глазах огонь горит. Густые, пышные волосы торчком. И шея в распахнутом воротнике рубашки видна — сильная, крепкая шея. Этот портрет Вазира делала. Объясняла свекрови, помнится, так: «Каждый архитектор должен уметь рисовать, без этого нам нельзя. Мы чертим, проектируем красивые здания. Но самое совершенное в мире — лицо человека. Мы должны уметь нарисовать человека, чтобы красивей была наша работа». — «Тогда моего старика и меня рисуйте».

И Вазира сразу же, помнится, согласилась. Аброр тоже несколько раз брался за портреты отца и матери. Да вот ничего у них не получалось. То ли времени не хватало, то ли интерес пропадал, — словом, до сих пор портретов нет.

А вот друг для друга у них хватило и времени, и интереса. Ханифа-хола не раз думала обо всем этом. «Вот она такая и есть, жизнь матери. Твои мысли о сыне, а мысли сына — о жене».

Подняла Ханифа-хола занавеску оконную — солнышко уже день повело на вторую половину! Время полуденного намаза вот-вот пройдет... А молитва просветляет и смягчает душу.

Вот и теперь, помолившись, она принялась вспоминать, как Аброр перевозил их сюда, какие неприятности пережил из-за аварии. «Нет, хороший у меня сын, слава аллаху. Лишь бы здоровым был. О аллах, дай ему счастья!»

В прошлый выходной, когда свекровь с невесткой остались одни, решила Ханифа-хола искупаться как следует в ванне. Вазира ей помогла, терла спину мочалкой. Умиленная, свекровь заявила:

— Сватья моя, Зумрадхон, хорошо воспитала вас, невестка моя... Я вот с переездом никак не могу выбрать время и проведать сватью-то свою. Когда вы собираетесь к ней в больницу?

— Сегодня вечером.

— Тогда и я с вами пойду, Вазирахон. Давайте самсу приготовим.

Наварили, напекли и самсу, и манты. Пошли в больницу. Вывели Зумрад Садыковну в тенистое местечко на больничном дворе, долго, долго, хорошо разговаривали и с ней, и друг с другом...

Сейчас Ханифа-хола, убирая в своей комнате молитвенный коврик, думала: «Нельзя бога гневить неблагодарностью: невестка моя хорошая, а в последнее время стала еще лучше».

Ободренная этим выводом, начала споро готовить ужин.

Вечером машхурду, которую приготовила Ханифа-хола, Аброр и Вазира ели да похваливали.

— Зафарджан тоже очень любит машхурду! — сказала Ханифа-хола. — Напрасно ты, Аброр, детей в лагерь отправил.

— Почему? Лучше им там отдохнуть, чем томиться от жары в городе.

— Малика уже невеста скоро... По пословице — не одно добро, а и зло живет на земле... Как бы там не испортили ее.

— Недавно мы их проведали. Не беспокойтесь, мама. Им там хорошо.

— А вы подумайте, дети мои, мне-то каково: целый день одна, не знаю, куда себя деть, хоть лопни от скуки!

Вазира с Аброром переглянулись.

— Их беготня и шум тоже вам надоест. Если и на каникулах они с утра до вечера дома...

— Э, невестушка, что я, никогда детей не видела? Слава аллаху, четверых вырастила. И ваших детей поставила на ноги. Разве я из тех бабушек, кто избегает внуков?

— Мы все соскучились по детям, да ничего, они уже скоро будут здесь, — вмешался Аброр. — А пока, мама, делайте то, что вы любили. Шейте, например.

— Я рубашки пошила и батистовый халатик для сынишки Рисолат, колыбельное все уже тоже готово, Аброрджан... Ох, соскучилась я по своей младшенькой... А не могу ехать к Рисолат. Стыдно.

— Это еще почему?

— Разве не знаешь, сынок? Мы же сперва бешик-той должны справиться. А потом мне туда дорога откроется.

— Ах, да! — кивнул головой Аброр: в своих заботах и про древний обычай забыл.

Бешик-той — особый праздник, «колыбельный». Бабушки, дедушки, родственники матери покупают

бешик — нарядную качалку-колыбельку, — украшают ее шелками и бусами, готовят плов, самсу, сладости — много всякой еды для званых гостей. Подготавливают подарки отцу и матери новорожденного — бывает, дорогие подарки, — и все это под звуки сурная доставляют в дом виновника торжества. Мужчины помогают сделать бешик-той, но принимают в нем участие косвенное, празднуют бешик-той женщины, то есть матери, бабушки и дети.

— Мама, в другое время сам бы готовил ваш бешик-той. Но сейчас... сами знаете, обстраиваем участок. Хлопот много.

— Хлопотам никогда конца не будет. И участок будете обстраивать еще целый год. А кто бешик-той решил справлять, справляет не позже трех месяцев после рождения младенца. Позже уже не полагается. Люди смеяться будут.

Аброру нечего было возразить.

Вазира молчала... Когда у них родился Зафар, Зумрад Садыковна не стала устраивать бешик-той, считала это устаревшим, ненужным обычаем. Привезла подарок ребенку — коляску, распашонки — и ограничилась этим. Ханифа-хола долго обижалась на Вазиру, чувствовала себя униженной, потому как сватья и согласная с ней невестка лишили ее большой радости — бешик-той по случаю рождения внука. Ежегодно наспех отмечаемые дни рождения Зафара, конечно, не заменят праздника, который отмечают один-единственный раз в жизни человека. А потому и готовят его так, чтобы на всю жизнь запомнился. Не младенцу, понятно, а матери и ее родне. И главное — бабушке. Скупиться на расходы для бешик-той — это значит уронить родню в глазах и всех родственников, и всей махалли. Таково было твердое убеждение Ханифы-холы.

Аброр не решился открыто возразить, сказал только: — Отец приедет, с ним еще посоветуемся.

Агзам-ата вернулся поздно и очень усталый. Еще бы! Целый день проработать под солнцем, да и путь от Бешкайрагача до Юнусабада немалый, ну и возраст сказывается, что ни говори. К концу дня еле хватало сил подняться на третий этаж.

Агзам-ата долго не мог отдышаться; сидя на курпаче после живительного чая, заговорил:

— Очень уж трудна дорога проклятая... Если вскорости закончим стены, времянку построим и осенью

переедем на участок. Шакир сегодня остался на Кукче у Рисолат. Сырцовые кирпичи готовит.

Ханифа поставила перед стариком машхурду:

— Отаси, я так хочу повидать Рисолат... А навещать ее и внучка не могу, путь закрыт.

— Да, из-за бешик-тоя... мне тоже неловко перед ней. Остались в долгу, это верно.

— А как мы молили бога, чтоб ниспослал Рисолат ребенка. Ведь пять лет она его ждала. Радость-то какая! Родился сын... Люди ждут, когда мы бешик-той справим.

— Но люди видят, что мы остались без родного дома, приютились у сына, как сироты.

— Почему это мы сироты? У родного-то сына? Мы тут не чужие. Отаси, у вас два сына, два льва. У Аброра собственная машина. И они не помогут нам бешик-той справиться?

Агзам отодвинул касу с недоконченным супом:

— Ты мне теперь покоя совсем не дашь, да? Ну, позови тогда Аброра.

А за закрытыми дверями кухни спорили меж собой Аброр и Вазира.

— Вашей маме скучно, вот и придумывает разные бешик-тои. А вы опять готовы уступить ей?

— Что с вами, Вазира? Ведь мы же не те люди, которые могут свои древние обычаи забывать. Достойным образом отметить рождение нового человека, отдать дань уважения материнскому началу — это благородно... для всех времен.

— Выходит, вы тоже жаждете этого бешик-тоя? Разве у вас есть на это время?

— Ну, кто это жаждет? Если старики согласятся, мы, конечно, обойдемся без бешик-тоя. Или отложим его.

«Не обойдемся ли...», «не отложить ли...» — это все Аброр повторил и отцу.

— Аброрджан, железо куют, пока оно горячо, — мягко говорил Агзам-ата сыну. — А когда остынет, то, сколько ни бей молотом, все зря... Бешик-той кует спаянность людскую: в нашем народе всячески почитают родителей, почитают старших. А начинается все с почитания детей, новорожденных. Сначала родители и бабушки-дедушки показывают пример, как высоко надо уважать достоинство пусть крошечного, но человека. А потом, шести лет, сажают мальчика на красиво убранного жеребенка... Ты помнишь, как тебе подарили жеребенка, сынок?

Да, Аброр этого никогда не забудет. Никакие игрушечные кони — железные, глиняные, из пластмассы, расписанные красками, с хитрыми механизмами — не заменят живого жеребенка-однолетка. И подарили ему, Аброру, бабушка и дедушка. Подарили само счастье! Аброр кормил и поил жеребенка, запрягал и седлал, а когда садился верхом, чувствовал себя настоящим героем. Только потом, став постарше, узнал, в какое трудное послевоенное время был куплен жеребенок.

Дедушка с бабушкой и родители, Агзам с Ханифой, залезли тогда в долги, но все равно устроили своему мальчику незабываемый, «личный», праздник. Правда, месяца через три, когда Аброр поостыл к живой игрушке, жеребенка продали и часть долгов погасили. Но щедрость, уважительность старших к нему, малолетке, оставили в памяти неизгладимый след.

И сейчас Аброр чувствовал всю степень правоты отца, когда тот толковал о взаимно почтительных отношениях между поколениями. Их и должно ковать с самого раннего возраста.

— В бешик-тое есть еще один важный смысл, Аброрджан, — мягко продолжал Агзам-ата. Когда-то, в годы первых выборов в Верховный Совет, его недаром сделали агитатором, умел он доносить свои мысли до самых разных людей. — Вот мы подарим отрез хорошей материи Рисолат. Это ей поддержка, даже, скажу, поощрение, чтобы она еще детей заводила: не бойся, мол, мамаша, родня тебя без помощи не оставит. И зятю сделаем хорошие подарки. Тоже помощь. И ребенку необходимые вещи надо дарить. Молодые родители, сам знаешь, очень нуждаются в поддержке. Наше государство ведь тоже дает пособие при рождении ребенка. Поощряет, значит.

— Но можно ведь и через год устроить день рождения, отец, и сделать подарки.

— Можно. Только это уже не бешик-той будет. Просто день рождения. Мы должны справить настоящий бешик-той. Мы с матерью твоей зарок себе давали: если Рисолат родит сына, зарежем одного из двух баранов. А Шакиру потом прикупим. Мы должны свое слово сдержать, Аброрджан.

До поры молчавшая, мать подлила масла в огонь:

— А зачем тянуть? Все колыбельное я давно приготовила. В воскресенье соберем близких родственников и посоветуемся, договоримся, кто за что из нас берется.

Шакир пусть покупает коляску. А мы, старики, понесем бешик с приданным.

— Сурнай, наверное, тоже надо? — спросил Агзам.

— А как же без сурная? Сейчас рождение отмечают иные не то что сурнаем, карнайчи нанимают, у них карнай ревет!

— Праздников много, карнай да сурнай очень дорого обходятся, а нам хватит, если один сурнайчи поиграет, — сказал Агзам-ата. — Аброр, сынок, давай в это воскресенье соберем родню, а в следующее воскресенье устроим бешик-той, ладно?

Ханифа заговорила уже умиротворенно:

— Верно задумал, отаси. До того успеем и зятю купить рубашку, тубетейку. Потом костюм поприличнее, туфли, макинтош...

— Макинтош? Плащ сам себе купит, — отрезал Аброр. — Что он, опять в жениха превратился?

— Стыдно же! Люди все несут — и пальто и кофты, с головы до ног одевают.

И снова Агзам-ата взял сторону Аброра:

— Жена, не расходишь. Груз не под силу возьмешь — позвонок ломаешь. Без плащей-макинтошей обойдется. Хватит с зятя нового костюма.

— И туфли тоже ни к чему, — сказал Аброр.

— Уж раз мы по обычаю одеваем отца новорожденного с головы до пят, как без туфель? — возразил Агзам-ата. — А макинтошей не надо. Найдем хорошие туфли, и все. Аброрджап, как машина, исправили или еще нет?

— Завтра будет на ходу.

— Возьми тогда бумагу и карандаш. Все надо записать. С машиной все достанем быстро.

Аброр медленно встал со стула. Ханифа-хола вслед ему бросила:

— И Вазиру позови, вместе решим.

Вазира много из их разговора слышала (дверь-то не закрывали); о том, что дальше будет, догадывалась. Когда Аброр вошел в кабинет взять карандаш, Вазира, плотно закрыв за собой дверь, тихо сказала:

— Так, уступили?

— Пробовал возражать, ничего не вышло. А буду оспаривать — обиды начнутся.

Из пачки на столе Аброр достал сигарету, взял в руки спичечный коробок. Но не закурил: дал слово Вазире в доме не курить.

— Где ваша воля, Аброр-ака? — Вазира с болью смотрела на мужа. — Вы ведь можете быть твердым, как алмаз, на работе и директору не уступаете, а перед родителями гнетесь, словно ветка тала.

Аброр поморщился. Да, взглянуть со стороны — в одной руке блокнот и карандаш, в другой незажженная сигарета, на лице растерянность, — он и впрямь не мужчина с твердым характером, а... черт знает что... Хочется закурить — не смеет: обещал Вазире. Хочется сесть за стол, заняться серьезным делом, а вместо этого пойдет записывать какую-то ерунду.

— Не хочу я обижать своих стариков, Вазира. Они — гости наши, не говоря уж... — сдержанно ответил Аброр.

— Разве мы не уважаем их как гостей? А тем более как ваших родителей? Но пускай и они нас поймут... Всю суету с этим бешик-тоем они почему-то сваливают на наши головы. Нельзя же так, Аброр.

— Вазира, мы с тобой отвыкли от таких традиций и видим только их суетную сторону. Но в них есть глубокий гуманный смысл! Отец мне так хорошо это растолковал. Рациональность, рациональность... мы так прониклись этим современным понятием, что убиваем в себе живое чувство. Тут есть своего рода сверхзадача... Пойдем к ним, Вазира, ты тоже послушай. И мама звала тебя. Пойдем.

— Я не хочу ссориться с мамой. Вы ее должны убедить. До каких пор их устои будут нами управлять? Вы — член партии, интеллигент, а отыскиваете современный смысл в обычаях старины, а может, и в предрассудках.

Аброр зло чиркнул спичкой о бок коробка, закурил сигарету.

— Вы что, на собрании, ханум?.. Отмечать день рождения младенца — это предрассудок?.. Если пожилые люди, меня родившие, воспитавшие, просят у меня помощи, то я — коммунист, интеллигент — могу отойти в сторонку, и лишь потому, что теперь иначе отмечают день рождения?

— А если они нас замучают своими просьбами? Лето уже на исходе, а у нас еще не было ни одного свободного дня, чтобы выехать за город и подышать по-человечески на природе! И дети в Чимгане нас ждут!

Аброр рассчитывал, закончив ремонт машины, в ближайшую субботу поехать с Вазирой в Чимган — про-

ведать детей в лагере, искупаться в Куксу. Суббота, воскресенье — целых два дня покоя и беззаботности. А раз начинаются хлопоты с бешик-тоем, значит, за выходные дни они устанут больше, чем на работе.

Было, право, отчего расстроиться, но Аброр уже не находил другого выхода, кроме как... уступить родителям.

— Ладно, Вазира, и это как-нибудь переживем. В августе поедem с детьми в Хумсан... Праздник по случаю рождения ребенка есть у всех народов. В той или иной форме. У нас по-своему... А может, после бешик-тоя и вам захочется еще одного ребенка? У меня ведь какая принципиальная позиция? В нормальной семье советских интеллигентов должно быть не менее трех детей. А, ханум? — Аброр пробовал и шуткой, и лаской смягчить Вазиру, привлек ее к себе. — Ну, пойдem к старикам!

— Я не пойду! — Вазира высвободилась из его объятий. — Так будет лучше.

Аброр бросил острый взгляд на ее лицо. Не идет, чтоб не поссориться со свекровью. И вправду, так будет лучше, и не стал больше настаивать.

— Ладно. Только прошу вас — наберитесь терпения. Два, ну три месяца они будут жить у нас. Давайте сделаем все, чтобы у нас был мир и лад.

— Скажите это и своей матери. Пускай не выскивает нам забот. Мы не бездельники. И кроме всяких обычаев нам есть о чем подумать и чем заняться. Если они меня не жалуют, пусть хоть пожалеют сына!

Аброр срывал свою досаду тем, что яростно затягивался сигаретой.

— Я оказываюсь между двух огней, Вазира. — Аброр снова затянулся. — Вы должны меня понимать лучше, чем мама. Не может она посмотреть на себя со стороны. А мы должны быть хотя бы немного педагогами. Поэтому я еще раз прошу вас: будьте пошире душой, и нечего раздражаться по мелочам. Пройдут эти напряженные дни...

И, втянув голову в плечи, Аброр пошел к родителям.

Похоже на то, что он сейчас и у матери будет просить «широты души», сдержанности и прочего... Зеленый еще из него педагог. Женских ссор больше всего на свете боится. И отец такой же: чтобы избежать скандалов, всю жизнь уступал жене.

Аброр вдруг обнаружил, что матери боится больше, чем отца. С давних пор так было, и вот пожалуйста — сорокалетний мужчина такую привычку сохранил. Конечно, со стороны — посмотреть глазами Вазиры, например, — это странно. Ей могло казаться, что Аброр попросту неискренен: лавирует или приспосабливается то к ней, то к матери...

Прошло довольно много времени, прежде чем Аброр со своим блокнотом вернулся наконец к Вазире. В весьма подавленном настроении. Судя по выражению лица, мать и отец нагрузили его всякими бешик-тойными заботами сверх головы... Вазира приготовилась к трудному разговору, но Аброр молчал.

Весь остаток дня молчал. А ночью вдруг сказал:

— Если завтра получу машину, то к вечеру съездим проведать Зумрад Садыковну. Хорошо?

Неожиданная «смена курса» удивила Вазире:

— Да где же взять время для моей матери?

— Для вас и вашей матери я всегда время найду! — миролюбиво ответил Аброр. И завернулся с головой в одеяло.

...А на следующий день Аброр вывел машину из авторемонтной мастерской, и первый маршрут был в больницу.

Полосатый больничный халат был Зумрад Садыковне немного великоват, на плечах висел мешком. К тому же за последний месяц, пока находилась в клинике, она еще больше похудела и словно вытянулась. Уже первый этап операции оказался для нее тяжелым. Вазира три часа просидела во дворе в ожидании. Хирург вышел усталый, едва переступая. Зумрад Садыковна, признался он, во время операции от боли сознание потеряла, но ее быстро привели в чувство уколами.

С тех пор прошло десять дней. Аброр видел, что отек с лица тещи еще не сошел, больной глаз слезился по-прежнему. И Аброр был вынужден обратиться к лечащему врачу.

— Пусть исчезнет отек. Через недельку выпишем, — сказал хирург.

— А что будет с бельмом?

— Выдержать две операции кряду она не в состоянии. Человек уже старый. Организм ослабевший, пускай дома сил наберется... Помните, профессор-консультант тоже говорил об этом... А осенью привезете ее снова.

Зумрад Садыковне и самой порядком надоела больница, она хотела поскорее вернуться домой, к невестке. И конечно же беспокоилась за Алибека, который недавно написал, что живет где-то в тайге, служит сапером и борется главным образом с гнусом и мошкаррой.

— Алик у нас слабый. Как бы не заболел там!

— Слабый?! — Вазира улыбнулась. — Что вы, мама? Вы больше думайте о себе. Вам надо набраться сил для новой операции. Ешьте побольше фруктов... Вот, возьмите, Аброр для вас купил.

В конце встречи виноград, персики, горячие лепешки с кунжутом она отнесла матери в палату. Пообещав через три-четыре дня снова ее проведать, Аброр и Вазира попрощались с Зумрад Садыковной.

Настроение у Вазиры заметно улучшилось, и Аброр по дороге предложил ей заехать в универмаг, купить некоторые подарки к бешик-тою.

— Ваши родственники должны собраться у нас на совет в воскресенье?

— Да, да.

Вазира подумала о том, как ей предстоит принимать родственников, угощать или занимать беседой. Но возражать, опять и опять идти в наступление — ни сил, ни желания у нее не было.

В универмаге было полно народу. Аброр и Вазира ходили с этажа на этаж, из отдела в отдел — искали модные полуботинки для отца и велюр для матери новорожденного. Ни того, ни другого не нашли.

На следующий день после работы Аброр побывал на ярмарке и в Чиланзарском торговом центре, еще в пяти-шести магазинах. Наконец подходящие ботинки нашлись в магазине для молодоженов на улице Шота Руставели.

А вот велюра на платье не было нигде. Вазира с горечью и обидой наблюдала, как безрезультатно носится Аброр по городу в поисках этой «роскоши».

— Не ищите, свадеб сейчас много, и всем нужен велюр.

— Что же делать? Не у спекулянтов же покупать.

Вазира открыла дверцу комода, достала оттуда велюровый отрез нежного бледно-розового тона и положила на стол.

— Для себя покупала в Москве.

Аброр благодарно поцеловал жену.

— Я потом от себя куплю вам еще лучше.

В субботу утром Аброр отвез отца на старый базар. Агзам-ата выбрал бешик крепенький и пестренький. Колыбелька радовала глаз переливами всех семи цветов радуги. А сын закупил все необходимое, чтобы достойным угощением встретить родственников.

Вазире ничего не оставалось, как заниматься уборкой в доме.

Ханифа-хола поручила Шакиру оповестить родственников. И все почти пришли. И среди двадцати человек были такие, о которых Аброр никогда не слышал.

Гости в одной комнате не помещались, и потому женщины расположились в комнате у стариков на курпачах, угощаясь фруктами и орешками. А мужчины сидели в гостиной за столом. Словом, разговоров было допоздна.

Вдобавок к жару целый день горел на кухне газ. Вазира раскраснелась, голова у нее кругом шла. Из кухни к гостям то и дело надо было подносить чайники с настоящим чаем, мاستаву, фрукты, сладости. Иные родственницы порывались помочь Вазире, но Ханифа-хола, важно восседавшая в центре, не разрешала:

— Сиди, да буду я твоей жертвой, отдыхай, ты наша гостья, милая.

Ханифа-хола, которая любила укреплять родственные чувства, была очень рада, что сегодня у них собралось столько родни и что такой почет оказан ей самой, старейшей. Все видели, каким уважением пользуется она в доме старшего сына, как достойно ведет она себя в доме.

Плов был съеден, потом арбузы и медовые дыни. Снова пили кок-чай. Наконец стали обсуждать тонкости, связанные с бешик-тоем. По договоренности один из родственников в следующее воскресенье должен был пригнать к их дому грузовик. Другой купит маленькую кроватку, третий — pedalный велосипед «Ракета» (это ничего, что ребенок сможет на нем ездить через три-четыре года, — забота важна, дорог подарок); еще кто-то взялся обеспечить младенца большой деревянной лошадкой. Все это вместе с нарядной радужной колыбелькой и коляской будет погружено в машину. У одного из дядюшек был «Москвич». «Жигули» Аброра и этот «Москвич» должны были доставить к месту праздника женщин поважнее и посolidнее, девушки и моло-

духи поедут на украшенном грузовике, постелив кошмы на пол в кузове, а на задний борт — ковер.

Да, укреплять родственные отношения — задача важная и непростая, убеждалась Вазира. Много ведь значит, когда люди собираются вот так вместе и одной семьей берутся за проведение большого дела. Как было бы трудно молодым собрать столько необходимых вещей! А теперь и хлопоты распределены между родственниками, а сообща хлопотать — легче и веселей.

Ханифа-хола выбрала трех пожилых родственников, чтобы Аброр отвез их после застолья по домам.

Устал Аброр за эту неделю, измотался, да, конечно, и выпил немного со всеми. Но тем не менее домой развез всех.

Его долго не было, Вазира беспокоилась.

— Мама, напрасно вы послали сына. Совсем недавно авария была, и он только-только отремонтировал машину.

— Ничего, ничего. В глаз, слишком береженный, скорей соринка попадет. Ничего с ним не случится по воле аллаха.

«Неужто мать может быть такой безжалостной, — думала Вазира. — Ничуть не волнуется. Почему? Оттого, что сидит дома и не представляет, как сложна и трудна работа Аброра? Хвастается, что ее сын «ари-хи-тек-тор», а превращает его в шофера».

Сколько же недовольства накопила у себя на душе Вазира, как трудно сдержаться и не высказать их... Слава богу, Аброр явился невредимый.

— Зачем же вы сели за руль после выпивки, — стала Вазира упрекать мужа. — Дать бы им по три рубля и отправить на такси. Разве так нельзя было сделать? Или опять не по обычаю?

— Я и сам сидел за баранкой как на иголках... Но отказать не мог. Гости же, да еще так редко у нас бывают.

Аброр молча закурил сигарету и вышел на балкон.

Когда перевалило за двенадцать, он направился в спальню. Но заснуть не мог почти до трех часов ночи: не спадала напряженность, чувство тревоги, воспоминание о том, как неуверенно вел он машину. Несколько раз Аброр выходил на балкон, курил, пил воду, даже принял душ.

А под утро, когда охватил его крепкий сон, Ханифа-хола, стуча своими кавушами, невольно разбудила.

Вазира купила свекрови тапочки с мягкой подошвой, однако Ханифа-хола не пожелала расстаться со своими грохоталами. Сама-то она днем, когда дома никого нет, сладко выспится, а потом чуть свет просыпается и с шумом и звоном свершает предмолитвенное омовение, ходит по комнате и на кухню, стуча кавушами и хлопая дверьми. Все это раздражало Вазиру, не говоря уж о том, что не давало ей выспаться.

— Эй, Аброр, вставай, до ухода на работу съезди-ка на базар, сынок. Лучшее казы продают по прохладе, утречком. Для бешик-тоя сделаем нарын.

Значит, не невольно разбудила сына. Опять заботу на него перекладывает.

Агзам-ата тихим голосом ворчит на жену:

— Э, чтоб тот нарын остался на твои поминки! Тише ты, пусть парень отдохнет немного! Вчера заставляла его ишачить в три смены... Совесть у тебя есть? всю ночь человек не спал. А ему еще на работу надо. Он же не домохозяйка!

Обычно тихий Агзам-ата, если рассердится... ох, не приведи аллах, Ханифе ли об этом не знать.

— Не ворчите, ладно, пускай спит, не стану будить! — сказала Ханифа-хола и ушла в свою комнату.

Однако Аброр уже проснулся. Встал с головной болью, он старался не курить до завтрака, но сейчас вышел на балкон, задымил натошак.

Надо было купить на базаре все необходимое для плова на пятьдесят — шестьдесят человек, а также самых разнообразных лепешек (патыр, ширмой); съездить за город, там должны зарезать барана. Взять мясную тушу, доставить сюда, а часть вместе с рисом и морковью отправить в дом Рисолат, равно как и несколько тазов, наполненных самсой, нарыном, баурсаком...

Аброр каждый вечер по несколько раз ездил на базар, в магазины, туда-сюда... Дни стоят знойные. Он входит в дом, словно обожженный изнутри, достает из холодильника что-нибудь похолоднее, пьет воду со льдом. Горло охрипло, закоптилось табачным дымом; Аброр кашляет и жалуется:

— В горле першит, будто бритвой скоблят.

И ложится без сил, вышив перед сном теплого молака.

Назавтра снова беготня, снова потный, снова пьет холодные напитки и беспрестанно курит.

Вазира до глубокой ночи печет слоеные лепешки,

баурсаки, Ханифа-хола, конечно, помогает. Раскатывает тесто. А потом уходит в свою комнату и занимается украшением колыбельки.

Она сшила треугольный матерчатый талисман, положила внутрь душистый имбирь, снаружи прикрепила две бусинки и повесила на бешик, к той стороне, где будет лежать головка младенца. Летнее покрывало Ханифа-хола сделала из легкого атласа, а зимнее — из красного бархата, на подкладку пошел красный ситец.

Ах, как она любит бешик! Нынешние молодые мамы не знают, как им пользоваться... А вот тут горшочек есть и деревянное приспособление к нему. И не надо тебе без конца стирать и сушить бесчисленные мокрые пеленки... Ежели ребенок привыкнет лежать в бешике, он доставляет матери забот в десять раз меньше, чем в коляске. Говорят, бешик неудобен. Наоборот! Чтобы покормить ребенка, не надо его из коляски-то поднимать, брать на руки. А бешик так устроен, что мать обопрется руками на верхнюю перекладину и свободно даст ребенку грудь. Она-то, Ханифа-хола, даже засыпала иногда средь ночи в таком положении... А как удивительно красив, разряжен бешик... И разве не умно придумано, что матрасик набит не ватой, а зерном проса? С ватой — значит, через два-три месяца матрасик станет жестким. А просо пересыпчатое — одна сторона намокнет, подними за другую сторону, просо внутри матраса потечет, и опять ребеночек на сухом лежит. Ханифа всех своих детей вырастила в такой колыбельке. И такой же бешик есть и у таджиков, она это знает. А недавно в кино показывали — подобной колыбелькой пользуются матери на Кавказе. А теперь говорят — пережиток! По ее-то мнению, кто в бешике не лежал и не слышал в детстве звуков сурная, тот растет непослушным, беспутным... Да, не забыть бы: Аброр должен найти еще сурнайчи.

— Эй, отаси, а сурнайчи нашел?

— Будь он неладен, твой сурнайчи! Аброр не один раз к нему домой ездил, нету его, говорят, и все. Ушел, говорят, на свадьбу. Поехали прямо на свадьбу. А там выяснилось, что десять дней он будет занят: каждый день в трех-четыре дома играет — уже задатки взял.

— У людей по два сурнайчи, а вы и одного не можете найти.

— Э, жена, что нам тягаться с теми, кто с жиру бесится? Я спросил у сурнайчи: «Сколько берете за игру

на бешик-тое?» Говорит, восемьдесят рублей. А играет от силы два часа. И люди платят!.. Вот какие времена настали, денег у людей много стало, не знают, на что потратить.

А Ханифа-хола с каких еще пор мечтала посадить около пестренького, ярко разукрашенного бешика сурнайчи и через весь город проехать под колыбельную мелодию «Алла, болам» — «Спи, мой малыш».

— Аброр, тебе жалко денег, да? Я тогда возьму займы у старшего зятя!

— Чуть что — «старший зять, старший зять»! Не о деньгах только речь. Зачем нам вообще этот сурнайчи-обдирала?

— Не будет сурная, и бешик-той — не бешик-той. Вот и все!

Вазира ждала, что Аброр вот-вот скажет: «Ну и хорошо, не надо так не надо». Но где там... Аброр тяжело завздыхал, снова задымил. И тут Вазира пришла на помощь:

— Мама, хватит уже гонять бедного Аброра! Из-за какого-то сурная теперь... Отец и сын ваш замучились уже — бегают туда-сюда. Пожалейте их. К тому же Аброр простужен, кашляет.

— С чего это они замучились? Машина есть! Мы вот вырастили вашего мужа на своей ладони. Вот это было мукой! Пока я превратила кусок мяса в человека, чего только не пережила!

— И мы растим детей, мама! И нам тоже трудно.

— Значит, хотите отменить бешик-той, невестушка? «Живешь приживальщиком, так знай свое место» — это хотите сказать?!

Ну, сейчас начнется! Аброр встал между женщинами:

— Мама, да погодите, мама! Кто вам говорит, что вы приживальщики? Вы живете в доме сына, а значит — в своем доме.

— Ты лучше послушай, о чем говорит твоя жена! Ей трудно, тебя замучали... Она стала тебе ближе и родней, чем я, да?

Вазира отвернулась и ушла на кухню. Уже там слышала, как Аброр говорил:

— Мама, оставьте вы обиды свои... Нельзя без сурнайчи — ладно, найдем, с отцом сейчас съездим еще в одно место. Ну, все?

Возвратились они уже поздно вечером, часов около одиннадцати.

— Можешь успокоиться, — сказал Агзам жене. — С одним сурнайчи договорились за сто рублей. Пусть пропадут вместе с ним!

Ханифа продолжала молча украшать бешик.

Вазира на кухне жарила баурсаки. Весь в поту, Аброр вошел в ванную, освежил себя душем и прямо в майке ввалился на кухню. Но кашель не давал покоя.

— Уф-ф... Дерет горло.

Вазира не откликнулась. Молчит, брови сдвинув.

— Хоть вы не мучайте меня, ханум.

— А вам меня мучить вдвоем с матерью можно?

— Что мы такого сделали ужасного?

Баурсаки в казане жарились, краснели и шипели. Вазира выбирала дуршлагом готовые и укладывала их в огромную миску.

— Я делаю все, что могу, даже то, что она должна делать, а вместо благодарности слышу от вашей матери одни колкости. Я что в доме, служанка?

Конечно, подумал Аброр, характер у мамы не мед, и Вазира тяжело переживает незаслуженные обиды.

— Но я благодарен вам, Вазира. Очень благодарен... Разве этого мало?

— Вы сначала сумейте сами себя защитить! Если ваша мать начинает наступать, вы заискиваете перед ней... как... как... напавший мальчишка. А если я выражаю вам недовольство, то вы соглашаетесь со мной, стараясь сбалансировать, равновесие соблюсти. Это разве достойно вас?

— Надоело мне, честно говоря, держать все время это равновесие.

— А мне равновесие не нужно вообще... Мне больно и обидно видеть, во что превращает вас мать...

Во рту Аброра совсем пересохло. Кашляя, он подошел к кухонному столу, взял в руки большой пупцовый фарфоровый чайник, вылил остатки холодного чая в пиалу.

— Я все понимаю, Вазира. Но характер матери нам уже не изменить. Приходится мириться.

— Но мириться — не значит исполнять все ее капризы! А вы... даже когда она несправедлива, все равно ее защищаете!

— Глупое положение! Нравится матери — не нравится жене. Если вам хочу угодить, то мать обижается. —

Аброр изо всех сил старался соблюсти тон мирного супружеского разговора. — Бывают ли счастливы, по-ступки которых нравятся и матери, и жене?

— Неужели я такая же взбалмошная, как ваша мать, что вы на одну доску ставите мое поведение и ее?

Слово «взбалмошная» царапнуло ухо Аброру. Он отставил пиалу, рука дрожала. Поднялся, наглухо закрыл дверь кухни.

— Давайте-ка, Вазира, прекратим эту перепалку!

Но Вазире хотелось выплеснуть сейчас все, что накипело и что она так долго избегала, высказать свекрови:

— Моя мать всю жизнь простила взбалмошность и избалованность Алибеку. И что из этого получилось, вы видели. Как это подвело самого Алибека, вы знаете... Что бы он ни требовал — пожалуйста, сыночек! И чем больше делали ему хорошего, тем хуже он себя вел! Вместо благодарного чувства — себялюбие и эгоизм!.. Чем больше отступаешь, тем крепче садятся тебе на голову. Это закономерно! — Вазира передохнула и, набрав воздух, продолжила: — Разве ваша мать не поступает точно так же? Мы относимся к ней с почтением. Чем она платит? Черной неблагодарностью? Так почему же справедливая требовательность к Алибеку у вас была, а к своей матери нет?

— Вазира! Что вы тут наговорили! Что за путаница! Корыстный эгоизм Алибека и поступки моих родителей? Ведь не для себя они дают этот бешик-той, а для дочери и для внука!

— Ничего подобного! Ваша мать делает это для себя, чтобы похвастать перед людьми, почваниться!

— Неправда! Она выполняет долг перед родившимся внуком. Для нее это — дело чести!

— А моя мама не справляла бешик-тоя в честь Зафара. Выходит, она, да и мы нарушили правила чести?

— Я этого не говорю. У вашей матери другие убеждения... Кстати, они способствовали Алибеку стать тем, кем он стал... У нас есть о чем поспорить... И серьезно. Если для Алибека все народные традиции уже устарели, то, конечно, можно и деторождение объявить ненужным, старым предрассудком. Говорил же так ваш Алибек!

«Ваш Алибек...» Значит, и она, Вазира, недалеко ушла от «своего» Алибека. А то, что именно она прояви-

ла характер и спорила с наивными «теориями» своего отца, — об этом ее почтенный, умный муженек предпочел забыть!

— У вашей матери свои «заветные желания». Борода и длинные ногти у Алибека тоже свои «заветные желания». Один — за «свободу», другая — за «обычай». Столько дней мучить нас своим обычаем — чем не эгоизм?

Аброр положил дрожащую ладонь на крышку пунцового чайника.

— Столько лет прожил, а не знал, что моя жена способна клеветать... Я измучился, понимаете вы, измучился от всех ваших дряг, а вы снова и снова перец подсыпаете, да погорячее, поядовитее...

— Это она источает яд!

— Нет, нет, ты змея ядовитая! — крикнул Аброр, обхватил сверху пузатый чайник, поднял его, чтоб швырнуть им в Вазиру, но в последний миг — то ли неудобно держала чайник рука, то ли волна ярости откатилась — шмякнул чайник об пол, прямо под ноги себе. Чайник разлетелся вдребезги, мокрые чайники разлетелись комочками по полу. Аброр посинел, стал неузнаваемо страшным.

Вазира, отшвырнув ногой черепки в сторону, почти задыхаясь выкрикнула:

— Хватит! Я оставлю этот дом вам с матерью! — Рванула с себя фартук, оборвав тесемки, закинула его на подоконник и стремглав выскочила из кухни.

В спальне она быстро переоделась. Сложила в сумку нужные вещи... То, что она не будет участвовать в завтрашнем празднике, — это было ясно. Но, чтобы не думать, будто она пожадничала и ничего не подарила, она вытащила из комода нежно-розовый велюр, который показывала недавно мужу, бросила отрез на стол; окинув беглым взглядом комнату, с каменным лицом вышла из квартиры.

Аброр задыхался, ему не хватало воздуха, из кухни он почти бегом побежал на балкон. Агзам-ата спал в своей комнате. Шакира, как всегда, дома не было: уходил рано, приходил поздно — дело обычное, молодое. Ханифа, увлеченная бешиком, не слышала и даже не предполагала, что произошло на кухне.

Ах, какой бешик! Какая красота!.. А завтра в две легковые машины сядут они, Ханифа и другие уважаемые женщины, а молодежь и сурнайчи вместе с колы-

белькой и подарками воссядут в кузов грузовика, застеленного коврами. И вот три машины одна за другой засигналят и под мелодию сурная поедут через весь город.

На бешик-тое мужчинам чего делать? Пусть будут... как это? «На-булю-да-те-ли». Аброр отвезет на праздник мать, сестру, жену и тетю, а сам уедет на работу. Потом вечером приедет за ними.

Сурнайчи не заходит в дом новорожденного. Женщины войдут в дом Рисолат и станут там устраиваться, а сурнайчи пусть играет во дворе и на улице... Вот женщина-дастарханщица с разукрашенной колыбелькой на голове и с песней «Алла, болам» на устах направляется в комнату, где лежит младенец. А со двора доносятся звуки сурная... Вот с машины выгружаются подарки, игрушки, угощения... Ее, почтенную Ханифу, которая привезла столько дорогих вещей и яств, встречают с безграничным уважением, готовы поднять до небес. Ах, как хорошо!..

Аброр, пытаясь унять дрожь, все стоял и стоял на балконе, курил сигареты — одну за другой. А Вазира по ночному городу уходила все дальше — к матери, к невестке Насибе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мраморная лестница ведет в подземную станцию метро... Вазира берет логарифмическую линейку, еще раз пытается точно высчитать площадь белой полосы — по проекту должна пройти посредине лестницы и окаймляться с обеих сторон черным гранитом. Вазира чувствовала себя разбитой, внимание рассеивалось, по всему телу разлилась непонятная вялость. Расчет снова отличался от предыдущих. Или в чертежах ошибка?

Вазира долго смотрела на чертеж. Зазвонил телефон. Аброр?

Сердце вздрогнуло. От боли. От воспоминания о яростно, вдребезги расколоте чайнике и о лице мужа, искаженном, чужом.

Она бросила на телефон болезненный взгляд. Не хотелось снимать трубку... Разъяренный Аброр, бешеные его глаза, его крик: «Ты змея ядовитая!» Аброр вдруг стал тогда очень похож на мать, когда она гневалась или с кем-нибудь ссорилась. «Что мать, что сын —

одинаковы!» — подумалось Вазире, и чувство протеста и почти презрения к обоим захлестнуло ее.

А вместе с тем ей казалось, что и скверное настроение, и боль, давящая на сердце, могли бы притухнуть и отпустить, если б муж поспешил с раскаянием, искренне извинился, попросил прощения. Нет, она бы не смогла сразу простить его: она права, а правота не должна быть снисходительна. И все же, сама того не признавая, она ждала звонка Аброра.

— Я слушаю...

— Вазира Бадаловна, это Адамян, — заговорил в трубке знакомый бас, — интересуюсь, когда вы сдадите свои чертежи, от них ведь и наша работа зависит...

— Сметчики нам осложняют дело. Говорят, слишком много черного гранита — габбро. В смету, мол, не укладываются...

— Может быть, они правы? Габбро дорогой материал. Если мы под ноги проходим расстелем шелковый ковер, это обойдется дешевле, пожалуй, а?

— Но этот гранит будет служить сотням тысяч людей, Сергей Вартанович. И кроме того, габбро Севасая и голубовато-белый мрамор Нураты очень гармонируют друг с другом.

— Тогда, может быть, сделать гранитные полосы поуже?

— Некрасиво.

— Но, Вазира Бадаловна, раз мы с вами не можем уложиться в смету... значит, надо... уложиться в смету. Хотя бы за счет экономии в других материалах.

— Я сейчас как раз подыскиваю другие возможности, Сергей Вартанович. К сожалению, Наби Садриевич в отпуске...

— Если через два дня не найдете, наша работа станет.

— Послезавтра я вам позвоню, хорошо?

Вазира подперла ладонями подбородок, пальцами прикрыла глаза. Долго просидела так... Для светильников намечено использовать анодированный алюминий и медь. Сэкономить на светильниках? Что еще сделать?.. Палочка-выручалочка не отыскивалась, и она вновь вообразила картину ссоры с Аброром и даже бешик-той, который должен был состояться вчера и на котором она, разумеется, не была.

Ее отсутствие на бешик-тое, наверное, ошеломило всех. «Почему нет Вазире? Почему она ушла? Куда?» —

эти вопросы родственников, конечно, изрядно помучили и Аброра, и его родителей. Выкручивались, наверное. Не стала же Ханифа-хола кричать, что невестка была против бешик-тоя.

Раньше бывало так: уйдет Вазира в обиде на мужа, на свекровь, уйдет прогуляться, успокоиться, мать навестить — и через несколько часов Аброр начинал ее искать, беспокоиться. Теперь... вот уже второй день ее нет дома, а он даже не звонит, не интересуется, что с женой, где жена? Неужто мать остается всесильной и для совсем взрослого самостоятельного мужчины?

Что теперь делать?

Живо вообразила себе Вазира лица детей. Сердце прямо заныло от тоски по ним. Она взяла телефонную трубку, набрала номер пионерлагеря, хотя и знала, что Малика и Зафар возвращаются только через два дня. Решила еще раз проверить, не изменилось ли что-нибудь в сроках... Нет, никаких изменений. Послезавтра в три часа дня детей привезут на ту самую площадь, с которой уехали в горный лагерь.

А как она встретит детей, куда поведет? Аброр, наверное, и не знает, когда возвращаются дети. Если Вазира приведет Малику и Зафара домой, свекровь не утерпит, чтоб не позлорадствовать: «Уходить уходила, а все равно сама пришла!» Отвести к матери — значит, расстроить и мать, и Насибу. Она ведь скрыла от них, что поссорилась с Аброром. Насиба часто завидовала их слаженной семейной жизни, повторяя: «Ах, если б и наша была такой же, как ваша!» Ночью, заявившись к Насибе, Вазира не могла сказать правды — заставила себя солгать:

— Аброр с последним рейсом улетел в Самарканд, проводила его, а на обратном пути решила переночевать у вас.

— Как хорошо вы сделали, апа! Наш дом близко к аэропорту...

Конечно, Вазира не спала всю ночь: нервы разгулялись, да и шум с улицы донимал.

На другой день было воскресенье, и утром они с Насибой отправились в глазную больницу.

Отек на лице Зумрад Садыковны спал, шов от операции затянулся так, что почти совсем незаметным стал. Зумрад Садыковне разрешили выписаться, и бумаги для этого были готовы уже в субботу.

— А почему вчера не пришли, Вазира? — спросила мать. — Где Аброрджан?

— Уехал в командировку... Вчера не могла выйти из дому... Вы с Насибой собирайте пока вещи, а я сейчас пойду за такси.

Операция и пребывание в больнице так ослабили Зумрад Садыковну, что, доехав до дому, она еле-еле поднялась на свой четвертый этаж: часто останавливалась на ступеньках, ее покачивало из стороны в сторону.

— Вазираджан, свекровь тебя не обидела? — вдруг спросила из соседней комнаты мать.

— Соскучилась я по детям, мама.

— Да, понимаю... И Аброра нет... Пока дети придут, поживи у нас, ладно?

Когда Вазира уходила на работу, Насиба сказала ей то же самое:

— Вечером обязательно возвращайтесь к нам. Сделаем самсу, научите меня, ладно, ападжан?

...Вазира подняла голову, посмотрела на циферблат настенных часов... Уже четвертый час. Развернутый на столе чертеж все еще ждал какой-то новой мысли. Красивая мраморно-гранитная лестница по-прежнему не укладывалась в смету допустимых расходов.

Сосредоточиться, надо сосредоточиться!

Городской телефон зазвонил снова. Вазира насторожилась. После третьей заливистой трели подняла трубку.

— Алло?.. — сказала она, чувствуя, как сердце проваливается куда-то.

— Вазира Бадаловна, ассалом алейкум! Вы живы-здоровы? Как дома? Хорманг, хорманг!

Конечно, человек, который сыпал вопросы, не давая возможности ответить на них, — это Шерзод Бахрамов. Его только и недоставало ей сейчас! Но как ни странно, ощутила вдруг вместе с досадой и некое облегчение душевное, прилив сил, что ли.

— Есть дело, о котором мне надо срочно посоветоваться с вами, Вазира Бадаловна. Вообще-то говоря, если я сейчас приеду, не прогоните? Вы не очень заняты?

— Занята, конечно... Но приходите.

Не прошло и пятнадцати минут, а белые «Жигули»-люкс, ярко сверкая на солнце никелированными поясками, уже остановились у дверей главного управления.

Шерзод сразу нашел, куда поставить машину, быстро поднялся в комнату Вазиры.

Лицо Шерзода лучилось и сверкало, как его «Жигули». Загорелое, словно он возвратился с курорта. В левой руке Шерзод держал папку, правой осторожно взял тонкие пальцы Вазиры, воровато оглядел комнату, усмехнулся, наклонился, поцеловал. Сначала пальцы, потом ладошку, потом... Вазира освободила руку. Ею же и на стул показала:

— Садитесь, садитесь, Шерзод-ака. У вас все хорошо?

— У нас всегда все хорошо. Спасибо за внимание к нам, Вазира Бадаловна. Вы еще не были в отпуске? Те, кто знает цену жизни, сейчас в отпусках, кеифуют на курортах. Ноу траблз, ноу проблемз¹. И нам бы можно было... Так вот, — резко перешел Шерзод к другой теме, видя, что Вазира нахмурилась, — ирригационные работы все больше усложняются. Воды мало. Арыки в Ташкенте... сами знаете... какие. Каждый день меня вызывают... в высокие учреждения... — Шерзод открыл папку, начал показывать Вазире чертежи. — Видите? Наш проект обсуждался — кстати, с участием Аброра — в Союзе архитекторов. Вот, взгляните в конец протокольной записи. Во время обсуждения Аброр и его единомышленники отвергли наши предложения на-чисто...

Вазира пробежала глазами по протоколу, нашла рядом с подписью «Агзамов» вывод-предложение: «Проект необходимо коренным образом переделать».

— Конечно, наш проект не лишен недостатков, но мы их исправим по ходу дела. Было обсуждение в министерстве. Заместитель министра предложил некоторые изменения. Мы их приняли. Теперь проект надо утвердить в вашем управлении. Наби Садриевич... кажется, в отъезде? Его заместитель меня совсем не знает.

— А вы не можете подождать, пока приедет Наби Садриевич?

— В том-то и дело, что не могу. Нас вызывают каждый день и спрашивают: «Где проект?» Пока вы не утвердите, строители не могут приступить к работе. Все сроки горят! Все у меня сгорает, Вазирахон, и сроки, и... ну... не буду, не буду...

¹ Ни забот, ни проблем (англ.).

Вазира собрала свои чертежи, убрала их в ящик стола.

— Ладно, я попытаюсь помочь вам, пойдемте вместе.

Заместитель начальника главного управления заявил им сразу же, что он в курсе дела.

— Мне уже звонили по данному поводу из министерства, — сказал он. — Преобразовать Койковус и Карасу — неотложная задача. Однако из-за спешки не следует наносить ущерб нашему замечательному городу. Во время обсуждения в Союзе архитекторов было высказано много замечаний принципиального характера.

— Мы учли все эти замечания. Пожалуйста, посмотрите.

Заместитель всмотрелся в проект и увидел в нем волнообразно-плоское бетонное сооружение на берегу Койковуса.

— Где ж это вы учли? Говорилось, что скаты городских каналов не могут быть плоско срезанными, как в степи. А вы опять проектируете простую бетонизацию деформированного берега.

— Тургун Ибрагимович, на иное решение... не дали согласия товарищи из Управления водного хозяйства. Укрепление естественных отвесных берегов обойдется очень дорого. Затрудняется использование техники. Затягиваются сроки строительства.

— Вы оставили «инспекторскую дорогу», — тут же бросил упрек заместитель. — А разве для этого не потребуется еще одна статья расходов? Мы живем в городе, в большом городе, и должны экономить площадь, не давать Ташкенту разрастаться бесконечно. А по вашему проекту выходит, что придется дополнительно переселить... сколько семей... вы подсчитали?

Этот довод высказывал ей, Вазире, и Аброр, критикуя идею «инспекторской дороги».

В воображении Вазире снова возникло страшное лицо Аброра, когда он хотел бросить в нее чайник. Лицо точь-в-точь как у его гневливой матери: злое и непримиримое.

— Тургун Ибрагимович, без техники, без возможности свободного маневра для нас такие большие дела невозможно сделать в намеченные сроки, — вступилась Вазира, прижимая руки к груди. — Честно скажу, иного выхода, чем тот, что предлагает товарищ Бахрамов, я не вижу.

Заместитель задумался. Если он задержит проект, снова будут звонки из министерства.

— Тургун Ибрагимович, то, что вы говорили здесь, мы, безусловно, учтем. В процессе строительства учтем! — стал горячо заверять Шерзод. — Разрешите нам начать. Сроки ведь...

Заместитель взял ручку.

— Я могу разрешить, но с одним условием, что вы в процессе изготовления рабочих чертежей устраните отмеченные серьезные недостатки... то есть плоское бетонирование.

— Устраним, даем слово, Тургун Ибрагимович! Не будет плоского, Тургун Ибрагимович!

Вазире было неприятно слышать от Шерзода это бесчисленно льстивое «Тургун Ибрагимович».

Свое условие заместитель мелкими буквами вписал там, где надлежало быть подписи, утверждающей проект. Ему хватило места и пространства и для мелко, но разборчиво выведенной подписи: «Ибрагимов».

— Если не будет выполнено это условие, будете отвечать вы, товарищ Бахрамов.

— Обещаю, Тургун Ибрагимович, обещаю! Спасибо вам большое!

Наконец Шерзод и Вазира вышли из кабинета в коридор. Лицо Шерзода излучало победное сияние.

— Вы чудо, Вазирахон! Без вас... Вы такая смелая. И тонко понимаете людей... По сравнению со своим мужем, вообще-то говоря, вы человек, который... во сто раз великодушнее!

Иногда и Вазира считала так же. Это когда ее рациональность помалкивала. Услышать такую похвалу со стороны — что тут скрывать — ей было приятно. Вазира опустила глаза:

— Спасибо за комплимент, Шерзод. Но... я не люблю жен, которые принижают своих мужей.

Шерзод посмотрел на нее с ясно обозначенным восхищением:

— Вы настоящий человек, Вазирахон!

Прощаясь, Шерзод снова приник губами к руке Вазеры. И на этот раз она не препятствовала.

Настроение Вазеры улучшилось, и рабочее настроение тоже вернулось к ней. Вдруг в глаза бросился приклеенный к какой-то стеклянной двери в коридоре листок яркоцветной бумаги. И в памяти всплыла станция «Новослободская» в московском метро, украшенная

цветным стеклом. Красивые, оригинальные узоры! Цветное стекло дешевле мрамора во много раз. Может быть, это выход?

Она быстро перелистала справочник с описанием свойств и цен различных стройматериалов. Сделала самый первый, предварительный расчет. Решительно подняла телефонную трубку и набрала номер Адамяна.

— Сергей Вартанович, вы слышите?.. Да, это я. Есть идея... У нас на стенах станции предусмотрена облицовка сплошь из дорогого газганского мрамора. А что, если на некоторых участках, например по боковым стенам лестничного спуска, мы воспользуемся не мрамором, а цветным стеклом? Если изузорить и осветить изнутри, будет очень красиво...

— Дельное предложение! Национальный орнамент...

— Да, это придаст дополнительный эффект и мраморной полосе лестницы. Если сэкономленные таким путем средства пойдут на габбро, то все... ляжет в смету.

— Вы уже рассчитали? Ну, коли так, вы гениальная женщина! Значит, дело теперь за эскизом панно из стекла. Эскиз должен быть в цвете, верно? Иначе не будет смотреться.

— Хорошо, я начну сегодня же.

О, Вазира любила чертить орнаменты еще в детстве, в школе... Где-то должна быть книга с образцами национальных орнаментов. Вазира поискала ее в ящиках стола, поискала в шкафу. Потом вспомнила, что книгу на прошлой неделе унесла домой.

Вот ведь досада! Ссора с мужем, оказывается, еще и так вот может помешать работе.

А Аброр все не звонит. Похоже, что он полностью принял сторону своей матери. Ну что ж...

Вазира решительно подняла телефонную трубку.

— Шерзод Исламович, вы уже доехали до своего начальственного кресла? — Вазира пыталась быть ироничной, но голос выдавал ее волнение, пока еще Шерзоду непонятное. — Я звоню вам... из-за одной книги... мне она срочно нужна.

Вазира назвала книгу, хорошо знакомую всем архитекторам республики.

— Для вас, конечно, найдем, Вазира Бадаловна! — радостно откликнулся Шерзод. — А когда именно она вам нужна?

— Чем быстрее, тем лучше.

— Ну, если так, то я сейчас же велю ее найти. Есть тут у меня ребята — чего хочешь достанут, хоть из-под земли выкопают. Я сам завезу ее к вам.

— Может быть...

— Я сам, я сам. Договорились? Ждите моего звонка.

Она почти целый час ждала телефонного звонка. Теперь от Шерзода. Что за спешка? И день рабочий уже кончается. В конце концов, заказала бы книгу завтра в научной библиотеке. «Что с вами, ханум?» — как спросил ее тогда, перед ссорой, Аброр.

— Вазирахон, простите, я заставил вас долго ждать.— Шерзод позвонил-таки, хоть и перед окончанием рабочего дня.— Доставили мне ее из дому. Сейчас выезжаю.

— Я подожду вас внизу.

Вазира не думала возвращаться снизу обратно в свой отдел. Немного прогуляется и пойдет домой... Белые босоножки, белая кофта, коричневая юбка, изящная белая сумка, в которую она и намеревалась положить книгу орнаментов,— все было в тон, все шло ей. Выходя из первой комнаты отдела, Вазира посмотрела в зеркало и осталась довольна собой. Чуть-чуть нос припудрить, и все.

Шерзод уже приехал, ждал ее у дверей, в тени здания. Как только показалась Вазира, он быстро вылез из машины, быстро двинулся навстречу с книгой в цветной обложке. Двумя руками протянул ее Вазире. Вазира посмотрела ему в глаза, улыбнулась, сердечно поблагодарила за услугу.

— Буду работать дома, в вечерней прохладе,— сказала Вазира.

— Прямо домой? — спросил Шерзод.

— Нет, не прямо... Я должна зайти к матери.

— Я отвезу вас.

— Нет, спасибо, и так вы из-за меня потеряли столько времени! Я прогуляюсь...

— Ну, Вазирахон, наградите меня хоть чем-нибудь! Доставьте мне удовольствие похитить вас.

Шерзод знал, что у Аброра есть машина и что муж всегда заезжал за Вазирой, когда кончался рабочий день. Он ждал, что именно об этом скажет ему сейчас Вазира. Однако Вазира ничего такого не говорила, выглядела расстроенной. Может быть, она в ссоре с мужем?

Шерзод открыл переднюю дверцу машины, еще раз пригласил ее сесть.

— Прошу вас, Вазирахон, покатайтесь и на моей машине!

— Обычно... обычно,— сказала Вазира, борясь с собой и не без напряжения улыбаясь,— впереди сидит или жена, или телохранитель.

— Вот как? Я бы многое мог сказать, вообще-то говоря, о моем... ангеле-хранителе, но боюсь вызвать ваш гнев. Садитесь, пожалуйста, Вазирахон,— и Шерзод решительно открыл заднюю дверцу «Жигулей».

Машина блестела не только снаружи, но и изнутри. Чехлы на сиденьях были новенькие и стерильно чистые. Шерзод и сам сегодня был как новенький — блестел и лучился.

Вазира села в машину, он закрыл дверцу мягко, почти беззвучно.

Когда проезжали через центр, Вазира нарушила молчание:

— Как поживает ваша жена?

— Э, не спрашивайте, Вазирахон... Дома бывает редко. Сейчас опять на гастролях. В Алма-Ате. Дочка у матери. Сижу дома один как сыч... А вы... вы не видели нашу квартиру?

— Нет.

— Отсюда недалеко... Давайте устроим экскурсию. Обязуюсь быть хорошим гидом.

Шерзод шутил, но Вазира чувствовала, что шутки эти могут завести слишком далеко, если она хоть как-то, хоть намеком на них отзовется. Ей вдруг стало на миг жалко Аброра и очень жалко себя. «Переступить черту»,— вспомнилось ей московское выражение Шерзода. Тогда они тоже ехали в машине...

— Спасибо за приглашение, Шерзод-ака. К сожалению, я спешу к матери.

И вновь она, словно нарочно, не заговаривала об Аброре. «Может быть, от мужа-то она и ушла к матери?» — недоумевающе подумал Шерзод. Тогда, значит, и Вазира, как он сам, Шерзод, на сегодня в одиночестве.

— Вазирахон, дома я как раз и делаю проект тоннеля под Бозсу. Я говорил Наби Садриевичу о том, чтобы вы стали нашим соавтором.

Вазира даже удивилась такому повороту разговора.

То про семейную свою жизнь, то вдруг опять о делах.

Поинтересовалась:

— И что же Наби Садриевич?

— Он-то не против. Необходимо ваше собственное согласие. Так по рукам, Вазира?

Притормозив на красный свет у светофора, Шерзод обернулся, многозначительно посмотрел на Вазиру.

После двух бессонных ночей она выглядела старше своих лет. Под глазами — какие-то синие круги, лицо немного осунулось. В глазах нет обычного для нее задора.

Шерзод, честно сказать, вздохнул с облегчением, когда Вазира сказала, что спешит к матери. Согласись она заехать к нему, пришлось бы спешно ее выпроводить, галантно поцеловав ручку. Сегодня вечером он ждал другого ангела-хранителя, двадцати трех лет, кровь с молоком. Шерзод даже как-то некстати рассмеялся от удовольствия, предвкушая встречу с прелестной молодой женщиной...

— Чего вы молчите, Вазира? Или все еще боитесь Аброра?

Вазира вздрогнула. Аброр так и не позвонил ей. Все еще, видно, перемывает ей косточки вместе со своей матушкой.

— А чего мне его бояться?

— Все-таки... идти против воли мужа...

— У каждого из нас своя воля, Шерзод. Я опасуюсь другого — что не смогу тянуть воз соавторства наравне с вами.

— Никаких возов вам тянуть не придется, Вазира. Да и я не допущу этого! Вы будете давать советы... Наш советник по эстетическим вопросам, звучит? Я уже говорил: вам будет достаточно держать с нами связь по телефону, так сказать. Все остальное сделаем мы сами. Ну так как, Вазира?

Вспыхнул зеленый свет. Сзади начали сигналить нетерпеливые шоферы. Шерзод выдержал паузу, продолжая смотреть на Вазиру настойчиво и уже требовательно.

Но в самом деле, почему это она, дипломированный специалист, должна чувствовать себя связанной отношениями, которые, вообще-то говоря, к делу не относятся? В данном случае — семейными отношениями. Почему ее держит в страхе какое-то табу, инстинктивное табу, какая-то боязнь преступить черту даже

в вопросе профессиональном, чисто деловом, архитектурском. Какая противная это вещь — остатки психологии рабыни, рабыни семьи, мужа. Будто родилась она с такой наследственностью! И все же, оказывается, до сих пор не может жить полнокровно свободной жизнью! Разве из нынешнего сложного душевного тупика ее может вывести что-то, кроме решительной встряски, решительного самостоятельного поступка?

Машины начали объезжать их белые «Жигули», некоторые шоферы бросали на них вопрошающие взгляды.

Шерзод этого словно не видел. Но и Вазира не видела сейчас никого, кроме Шерзода, ничего, кроме его правой руки, протянутой к ней (левая — на баранке руля).

— Ну, Вазира, по рукам?

Вазира слегка ударила по ладони Шерзода:

— Пусть будет так... По рукам!

Шерзод успел схватить комчики ее пальцев, вытянулся всем телом, перегнулся через сиденье. Поцеловал, каждый палец поцеловал, все, что успел схватить, — указательный, средний, мизинчик. Его радость будто передалась машине, она бодро взревела, резко проскочила перекресток перед снова вспыхнувшим зеленым, весело помчалась по проспекту.

Вазира откинулась на спинку заднего сиденья. Произошло что-то большое, способное что-то изменить в ее дальнейшей семейной жизни. Впрочем, история с бешик-тоем, ссора, разбитый чайник — все это как-то разом отодвинулось, начало удаляться от нее, уменьшаться в размерах и прежней своей давящей тяжести.

А табу и «запретная черта» если и отзывались в ней теперь, то лишь каким-то неясным и темным предчувствием.

Аброр лежал в гостиной на диване весь в жару. Пахло валерьянкой и еще каким-то лекарством. Высокая температура не спадала.

Проводив врача до самой машины «скорой помощи», Шакир вернулся к брату. Посмотрел на его потрескавшиеся губы. Удивился, как быстро, всего за два дня болезни, изменился, сдал Аброр. Голос его совсем пропал.

Шакир нагнулся над больным:

— Ничего, Аброр-ака, у вас просто сильная простуда. Пройдет быстро.

Аброр покачал головой, еле слышным шепотом, с остановками, проговорил:

— Зря... накричал на Вазиру, вот и лишился... голоса. Наказание мне, брат!

Аброр попытался улыбнуться, но губы оказались неспособными изобразить улыбку, слишком заеклись. Еще что-то хотел сказать растроганному брату Аброр, но приступ кашля не дал ему говорить.

Шакир хотел закрыть до того настежь распахнутые окна, но Аброр рукой дал знак: не делай этого. Преодолев приступ кашля, еле слышно прохрипел:

— Воздуха... воздуха не хватает.

Гнойная ангина вместе с пневмонией долго держали высокую температуру. Давило на сердце. Поднимешь голову — сразу же начинается тошнота.

Капли каплями — их Шакир наливал больному регулярно, — а надо было начинать назначенные врачом уколы.

Шакир вспомнил про знакомую медсестру, которая жила через два подъезда в их доме. Когда Зафар болел корью, она делала ребенку уколы. Агзам-ата пошел за медсестрой.

...Ханифа принесла пиалу теплого молока с медом, собралась на ночь ставить горчичники Аброру — привычные заботы матери, для нее он как бы опять стал прежним мальчиком.

Когда вдвоем с Шакиром помогала Аброру добраться из гостиной в спальню, на кровать, мать не на шутку испугалась за сына: Аброр еле двигал ногами, согнулся весь, как старик, его шатало, кружилась голова. Ханифа долго и нежно стирала марлей холодный пот с лица и шеи Аброра. Что за болезнь, которая может за два дня согнуть и превратить в старика такого крепкого мужчину? Вирусные гриппы — их Ханифа очень боялась почему-то — Аброр переносил на ногах, без температуры, не признавал раньше никаких ангин. И вот тебе на!

Шакир снова воткнул под мышку Аброра градусник. Когда вынул и глянул, непроизвольно вздрогнул. Тридцать девять и восемь. Это после жаропонижающих!

— Сколько? — спросил Аброр.

— Немножко меньше стало: тридцать восемь и шесть, — солгал Шакир.

Мать вскипятила воду и поставила Аброру горчичники на спину и на грудь. В коридоре Агзам одними

глазами спросил: как, мол, там? Отец сильно страдал из-за болезни сына.

— Ничего, поправится,— успокоила мужа Ханифа.

— А может, Вазиру-то позвать? Она ведь не знает о болезни.

— И пусть не знает!.. Зато о бешик-тое она прекрасно знала. Ушла, подвела всех нас! Все спрашивали про нее. Не знала, что отвечать. Опозорила меня, а теперь вот Аброр от этого позора свалился больной!

— Сама ты больше других его мучила последние дни. Все вы, женщины, хороши!

Ночью, когда Шакир пошел спать, Агзам-ата и Ханифа-хола остались дежурить около постели Аброра.

Временами Аброр так задыхался в кашле, что Агзам-ата совсем пугался. Подбегал к сыну, осторожно прикасался к вискам, приподымал голову с подушки. Всю ночь Аброр горел словно в огне. Все время просил пить, то отсылал, то звал отца. Агзам-ата сидел если не рядом, то в соседней комнате у двери и появлялся у постели больного при малейшем шорохе. И ждал, не скажет ли Аброр о Вазире,— наверняка она присмотрела бы за ним лучше, чем он со своей взбалмошной старухой. Но Аброр ни разу не вспомнил о жене. А утром, когда после уколов и теплого молока у него чуть-чуть прорезался голос, Аброр сказал отцу о детях: Малика и Зафар сегодня должны были вернуться из лагеря.

В полдень на широкую площадь к большому девятиэтажному дому прибыла вереница автобусов. Их тут же окружили люди. Среди родителей была и Вазира. В полуоткрытом окне автобуса она увидела загорелого веселого Зафара, кинулась к нему, застучала по стеклу.

Автобус разгрузился. Уже найдены и разобраны все рюкзаки и чемоданчики детей. Вазира собралась увести своих чадушек к матери, придумывая, как она объяснит детям, что не домой они направляются. И вдруг Зафар закричал:

— Мама, смотри, смотри, вот и дедушка пришел!

И побежал к дедушке. Обрадованный Агзам-ата опустил перед внуком на корточки и широко раскрыл руки. Потом к деду подошла и Малика. Агзам-ата выпрямился, обнял ее за плечи, поцеловал в лоб.

Рослый и худощавый, в своих неизменных легких брезентовых сапогах и чесучовом кителе, Агзам-ата

смотрел чуть поверх Вазиры. Они поздоровались друг с другом спокойно, только Вазира, испытывая какую-то странную робость, не выдержала взгляда свекра, опустила глаза, будто признавала свою вину в чем-то. Зафар искал взглядом среди машин знакомые «Жигули» вишневого цвета, но Агзам-ата повел их всех с рюкзаками к салатового цвета «Волге»-такси.

— А где папа? — спросила у Вазиры Малика.

Вазира насупилась, ничего не сказала. Малике ответил Агзам-ата:

— Папа заболел, детка. «Скорую помощь» вызывали.

— А что у него, дедушка?

Агзам-ата рассказывал о болезни сына, о том, как они с Ханифой всю ночь не спали, и краем глаза следил за Вазирой. Агзам-ата заметил, что у Вазиры снова изменилось выражение лица: теперь оно стало и озабоченным, и растерянным.

Когда все уселись в машину, Вазира в смущении призналась свекру:

— Отец, я хотела бы повезти детей к маме.

— Ладно, дочка. Если так нужно, поедем к Зумрадхон.

Дети знали, как далеко живет «мамина бабушка». Им хотелось скорее домой.

— Ну, мама, — Зафар сделал кислое лицо, — давай лучше домой!

— К папе! Ведь он же болен, — поддержала его Малика.

Агзам-ата в душе был, конечно, на их стороне, но хотел уважить невестку.

— Детки, оттуда поедем домой, оттуда... Такси немножко подождет.

Но усатый водитель возразил:

— Мне некогда будет там ждать. Ищите другое такси.

И это вроде бы все решило.

Вазира представила себе больного Аброра, совестно стало ей и перед свекром, который, несмотря ни на что, готов понять и извинить ее.

— Ладно, тогда поедем к маме потом, — и она назвала таксисту свой адрес.

Тяжелей всего было Вазире увидеться со свекровью. Но соскучившаяся по внукам Ханифа-хола так обрадовалась их приезду, так обнимала, целова-

ла, тормошила их, что на Вазиру вроде бы и внимания не обратила. Для порядка упрекнула, будто лишь некоторое время спустя заметив, что с детьми вместе явилась их мама:

— Ой, невестушка, где это вы пропадали? И зачем бешик-той мне испортили?

Агзам-ата сказал твердо и ясно:

— Бешик-той у тебя прошел как надо, жена, никто ничего не испортил. Как Аброр?

— Весь огнем горит! Врач приходил, хотел в больницу увезти. Аброр упросил дать отсрочку на денек.

Вазире после этого известия еще тяжелей стало переступить порог спальни, но и тут дети облегчили положение, первыми побежали к отцу. Такие шумные, пропитанные жарким солнцем, брызжущие здоровьем! Их тут же отогнали от постели больного. Они бегали по квартире как свежий, чистый ветерок, разгоняя спертый, душный воздух взаимных обид, к которым столь серьезно относятся взрослые.

...Этой ночью Аброр немного поспал, и к утру температура у него начала спадать. А через дней десять уже отправился на работу и вечером привез домой картонную коробку, где вместе с красивым фарфоровым чайником лежал целый набор — шесть пиалушек, ляган и каза. Все одинакового пунцового цвета. Вручая коробку Вазире, он шутливо заявил, что это расплата за тот разбитый чайник. И Вазира приняла подарок.

Как будто все у них должно было пойти, как раньше, на лад. Но Вазира чувствовала, что это лишь перемирие, а не мир, что внутри у каждого из них что-то сдвинулось и не укладывалось в прежнее русло.

Обычная супружеская жизнь, нежность, сладкие ночи, сладкие больше для тела, но открыты перед Аброром душу настежь, как прежде, Вазира теперь опасалась. Соавторство с Шерзодом было ее тайной. Знала она, что брат Аброра Шакир по-прежнему встречается с племянницей Шерзода, знала и поддерживала их дружбу, надеялась, что они поженятся, что Аброр станет родственником Бахрамова и мужу тогда будет легче примириться с Шерзодом. И с ее соавторством тоже. Но и этот замысел стал ее тайной, к тому же со свадьбой нельзя было торопить — молодым негде было бы жить. Дом на участке, купленном свекром, все еще строился.

Четвертый день подряд Агзам-ата не приходил домой — ночевал прямо на участке, под открытым небом. А шел уже сентябрь, ночи стали прохладными. Обеспокоенный Аброр после работы поехал на новый отцовский участок.

За лето многое там изменилось. В тени урюкового дерева уютно устроилась супа. Вокруг этого благословенного места Агзам-ата высадил райхон. Дальше в строгом порядке изо всех сил тянулись вверх саженцы айвы, инжира, кусты граната. С трех сторон участка шли в рост пирамидальные тополя. С высокого берега Бурджара видно далеко вокруг — дома большого города словно в гости двигаются сюда.

Бурджар — это одно из разветвлений Бозсу. И арычок, что тихо журчит в середине участка, — тоже маленькая веточка от ствола Бозсу.

Может быть, арычок-то и примирил отца с утратой старого дома. Так думал Аброр, чувствуя, что отец любил участок, что он решил во что бы то ни стало сделать так, чтоб на новом дворике было не хуже, а то и лучше, чем на прежнем.

Аброр привез отцу любимый его нарын. По пути сюда завернул на базар, купил винограду и теплых свежих лепешек. Суп Агзам-ата варил вечером сам...

Агзам-ата сразу стал выспрашивать Аброра о здоровье. Он знал, что у сына три кардиограммы подряд выходили плохими, что врачи строго запретили сыну курить.

— Как сердце? Что доктор в последний раз сказал?

— Да о болях в сердце я уже начал забывать, отец. Дел много. Проект — помните, я рассказывал? — скоро надо сдавать. Юбилей республики ведь совсем близко.

— Больше не куришь?

Аброр рассмеялся, помотал головой.

— А курить хочется? — допытывался отец.

— Еще как! Сегодня ночью приснилось: жадно затягиваюсь сигаретой. Неужто, думаю, снова начал курить? Испугался и проснулся.

— Хороший сон ты видел, сынок. Если так сильно хочешь курить, значит, выздоровел. По себе знаю: ба-

довался насваем, а заболел — в рот ёго не хотелось брать. Выздоровел — опять потянуло.

Помолчали. Оглядели двор.

Агзам-ата уже все кирпичи заготовил. Но нужно — и очень много — досок, оконных рам, щитовых дверей, косяков дверных. Да мало ли еще чего! А откуда взять столько денег? Он, Агзам-ата, думал-думал и решил подработать — устроиться ночным сторожем.

— Тут близко стройка. Там и ночевать буду.

Аброр встревожился: если отец не будет знать отдыха ни днем, ни ночью, замучает себя. Пенсию получает, на житье хватает, а остальное — на стройматериалы... Есть же у него сыновья!

— Твой груз не легок, сынок. А я... коли к пенсии каждый месяц буду получать еще восемьдесят рублей, дело, глядишь, и пойдет, вот тебе и дверь, вот тебе и окно... Я же не кетменем иду махать. Сиди-посиживай да поглядывай. Буду ночевать не здесь, а там. Всего и разницы.

Конечно, бодрился отец для виду, перед сыном. Щеки у старика ввалились, борода совсем побелела. Ханифа-хола всего на три года моложе мужа, а выглядела крепкой, сильной женщиной, черные волосы почти скрывали седину.

— Отец, вы беретесь еще за одну работу, а кто же тогда за вами присматривать будет, еду хотя бы готовить? Мать у нас в квартире от безделья томится, сама так говорит. Может, привезти ее сюда, как вы думаете?

Белобородый Агзам-ата медленно обвел взглядом свою стройку:

— Ей здесь пока жить негде. Несподручно женщине возиться в глине. Оставь мать у себя.

Да, отец Аброра никогда не позволял жене слишком тяжелое носить, таскать воду, колоть дрова. Как в юности был жомард, так и остался им в старости: неторопливый, со строгой осанкой аксакал всегда был ко всем внимателен и добр.

Аброр ощутил прилив горячей привязанности к отцу.

— В воскресенье придешь? — спросил вдруг Агзам-ата.

— А что, есть работа?

— Хочу созвать друзей Шакира — строителей — на хашар... Баран один остался. Зарежем его. Вот тогда пусть твоя мать и Вазира приедут приготовят угощенье

для тех, кто нам поможет. Привези и детей. Для них хашар как праздник будет.

— Хорошо, отец. А сколько парней вместе с Шакиром придут?

— Шакир сказал, что человек пятнадцать.

— О! Можно тогда горы своротить! И встретить их надо как следует, конечно. Я куплю на базаре все, что нужно. Вазира дома сварит годжу...

— Да, в жаркий день годжа будет кстати.

...Вазира еще в субботу вечером привезла моркови для плова, потом в большой, литров на тридцать, эмалированной кастрюле сварила годжу. А в воскресенье всей семьей встали чуть свет. Машину заполнили до отказа, по пути завернули на базар, а потом в магазин.

Когда приехали на участок, увидели друзей Шакира: пятнадцать молодых парней одевались в рабочую одежду — в спецовки. Не парни — богатыри!

Агзам-ата собрал их в круг, за веревку вытянул в центр круга откормленного барана, огляделся, подождал тишины, сказал:

— Джигиты, дорогие мои, вы знаете, у нас принято в честь добрых гостей резать лучшего барана. Вот его, — Агзам-ата дернул веревку, баран чуть ворохнулся, прижатый к ноге хозяина, — мы хотим зарезать в вашу честь. Вы пришли к нам на хашар, чтоб вместе поработать — возвести стены нового дома. Так дайте мне фатиху!

По обычаю, люди, пришедшие на хашар, должны были дать ее хозяину фатиху — разрешение на то, чтобы в их честь животное лишили жизни. Парень постарше, знающий, видно, толк в таких делах, раскрыл ладони, сблизил их, поднял к лицу.

— Омин, яхшиллика буюрсин!¹ — произнес он нужные слова, и все остальные тоже ладонями провели по лицам.

И Вазира, и Малика, а Зафар особенно смотрели на все как на диковину. Потом, когда Агзам-ата, завязав ноги барану, свалил его наземь, обнажил острый нож, Аброр по знаку Вазиры отвел Зафара в сторону — поди, испугается современный городской ребенок при виде крови, хлещущей из перерезанного горла барана.

Работа началась — и дружно. Один месил глину, другие подтаскивали кирпичи, каменщики занялись

¹ Аминь, да будет к добру!

кладкой, умело командуя помощниками, среди которых оказался и Шакир.

Аброр наполнял ведро раствором и подавал тем, кто воздвигал стены дома.

Зафар не мог, конечно, усидеть на месте и тоже начал подтаскивать кирпичи, те, что полегче.

Архитектору Аброру доверена была еще одна работа — проверять правильность кладки. Для этого его снабдили сложнейшим из инструментов — бечевкой, к которой был привязан камешек. Архитектору не пришлось поправлять строителей: привыкшие делать кое-что и посложней этой работы, они безошибочно определяли места для окон и дверей, вели кладку ровно, будто по линейке.

По звону посуды и по запаху поджариваемого мяса можно было догадаться, что на другом конце двора Вазира и Ханифа тоже не дремали: под брезентовым навесом они готовили из только что зарезанного барана кавурдак, мудрили над пловом. Агзам-ата кипятил воду для живительного чая да любовался силой и мастерством молодежи.

— Молодцы, сыны мои, молодцы! Пусть еще крепче станут ваши руки! Спасибо отцам вашим! — то и дело растроганно повторял он.

Перед самым обедом ларни немного сбавили темп.

Полная холодной годжи огромная коричневая кастрюля, которую привез в багажнике Аброр, манила к себе. Вазира умело набила большую сумку блюдами, чашками, плошками.

Вазира быстро, как заправская бригадная повариха, наполнила касы годжой, первую протянула Аброру, а Аброр передал отцу, сидевшему, скрестив ноги, на помосте. Расположились там и остальные. Свесив с помоста ноги, принимали касы вежливо, неторопливо. Охлажденная кислым молоком годжа возбуждала аппетит, некоторые джигиты попросили добавки — ведь годжа теперь такая редкость!

Зафару не хватило касы и ложки. Вот было здорово, когда он отпивал суп прямо из дядиной чаши! Кислое молоко разукрасило ему нос и подбородок — добрый смех, вызванный Зафаром, прибавил всем доброго настроения.

— Давайте, друзья, договоримся: если мы сегодня не закончим стены, будем считать, что провели день напрасно! — Здоровенный, черный как негр парень соско-

чил с супа. — Объявляем соревнование между четырьмя стенами... четырьмя командами. Ну, все готовы?

— Готовы! — сказал Шакир. — Аброр-ака, вы проектировщик, за вами контроль. Идет?

— Идет! — Аброр засмеялся и потряс бечевкой с грузилом-камешком. — Участки работы для каждой бригады будут разделены поровну.

— Тем, кто выиграет соревнование, — плов и чай, а тем, кто проиграет, — щи из кислой капусты и лимонад в неограниченном количестве.

То и дело вспыхивал смех. А когда работаешь с праздником в душе, сама работа идет быстро.

К вечеру все четыре стены поднялись в рост человека. Кавурдак, чай и спасительные шутки подкрепляли силы строителей, и в конце «смены» дом уже приобрел вид дома, только без крыши.

— Рахмат, спасибо, сыны мои, молодцы вы, хватит, кончай работу! Нас ждет плов, — сказал Агзам-ата.

Парни умылись, поливая друг другу на руки, сняли рабочие спецовки, переоделись и чинно расселись за дастархан.

Стены были почти закончены, осталось уложить два-три ряда кирпичей, а затем возводить стропила. Агзам-ата намеревался нанять мастера, сведущего в том, как покрыть крышу и установить окна-двери.

— Ну и ну, столько сделать за один день! Вот что значит хашар! — удивлялась Малика.

Да и Вазира тоже удивлялась, видя, как весело и споро шла работа и как празднично и весело расходились друзья Шакира после работы, уставшие, конечно, но приятно возбужденные и всем сделанным, и уважением, к ним проявленным. «Вот что значит хашар!» — повторяла про себя Вазира, думая и о том, что, видно, в бешик-тое тоже есть доброе начало, приятно возбуждающее, поднимающее настроение, чего она тогда не поняла. Умеют же люди делать добрые дела бескорыстно, умеют, когда захотят!

— Говорят, что и Большой Ферганский канал строили до войны вот так же, хашаром, да? — спросила Вазира мужа, заранее зная, что Аброру приятно будет ответить.

Аброр, конечно, догадался, с какой целью спрашивает его Вазира.

— О ханум, все ли вы знаете о хашаре? Знаете ли, например, что писатель Петр Павленко и великий кино-

режиссер Эйзенштейн хотели сделать фильм о всенародном ферганском хашаре?

— Стройка была такой экзотичной для Эйзенштейна...

— Не экзотичной, а человеческой, Вазира! Когда души столько людей разъедает эгоизм, равнодушие, корыстолюбие, нежелание хоть чуточку утруждать себя, разве мы не должны ценить нашу традицию хашара? Ведь это же здорово, что люди могут запросто собраться, чтобы подарить друг другу свое внимание, свое время, свои сбережения, свое душевное тепло, свою... мускульную силу, наконец! И вот великий Эйзенштейн почувствовал это и захотел снять об этом фильм. Я благодарен ему уже за одно желание. Он уже тогда оказался прозорливей нас. Да-да, иные хорошие народные традиции мы и сегодня бездумно называем предрассудками...

— А это камень, конечно, в мой огород... — Вазиру раздражал менторский тон мужа.

— Конечно, ханум! Чтобы вы поняли: наш бешиктой был тоже вроде бескорыстного семейного хашара.

— Но он не был таким, — жестко сказала, словно отрезала, жена и отошла от Аброра туда, где стояла посуда.

Проект был сдан вовремя. И строители не подвели. 27 октября, в день пятидесятилетия Советского Узбекистана, среди тысяч и тысяч демонстрантов, заполнивших площадь Ленина, были празднично разодетые Аброр, Вазира, Зафар, Малика.

Вазира показала детям на Аллею фонтанов:

— Запомните, всю эту красоту придумал ваш отец.

— Ну, не я один... — возразил Аброр.

Но мысль о том, что среди этих многих был он, и то, что Вазира сочла нужным сказать о его работе детям, наполнили сердце светлым чувством...

После того как отшумели юбилейные торжества, Аброр выбрал минуту, когда Садриев был один, пришел к нему с большой папкой.

Заветные эскизы строений вокруг голубого Бозсу, эскизы, которые раньше висели на стене мастерской Аброра, из-за срочного задания, связанного с Аллеей фонтанов, перекочевали в папку. Красивое здание в стиле восточного зодчества. Плоская крыша его покрыта не железом и не шифером, а аркой из зеленой травы,

в которой горят алые тюльпаны. Это напоминало некоторые старые ташкентские дома с маками на плоской кровле. Садриев и за рубежом видел строения такого типа. Кстати, современные железобетонные конструкции позволяют делать подобные крыши водонепроницаемыми.

— Крышу хорошо продумали,— сказал Садриев Аброру.— Ну, а вот этот эскиз... кипарисы в нашем городе, наверное, не будут расти.

— Наби Садриевич, они уже растут. Да, пока только в ботаническом саду. Там им созданы микроусловия. Кипарисы боятся зимних холодов. Но на берегу Бозсу и зимой будет тепло — вода проходит через агрегаты ТашГРЭС; охлаждая их, сама нагревается. Я думаю, это обстоятельство следует использовать в помощь природе. Растут же у нас крымские сосны, а кипарисы растут в Крыму. Вы наверняка их видели.

— Видел. Но надо будет об этом еще подумать.

Следующий эскиз: огромное красочное колесо, напоминающее «колесо обозрения» в парках. Только вместо сидений для людей большие красивые чаши... Ну, понятно, колесо кружится, чаши поочередно опускаются в канал, наполняются водой, а потом поднимают ее и питают таким образом отводной арык, берега которого сплошь в зеленой траве и цветах. А какая сила движет колесо? Само течение Бозсу. Принцип традиционного чархипалака, заменявшего когда-то водяные насосы.

— Так, используете и развиваете, значит, традиции,— усмехнулся Садриев.— А тут у вас что, водяная мельница? И рисорушка есть? Значит, целый комплекс.

— Целый ансамбль.— Аброр улыбнулся.— Вы помните, что на берегах Бозсу и Карасу раньше было немало водяных мельниц, крупорушек и рисорушек?

— Да, помню, но сейчас-то они зачем нужны? Теперь элеваторы, рисозаводы...

— Но на одном из совещаний вы сами говорили, Наби Садриевич, что мы должны в приемлемой форме сохранить этнографический бытовой комплекс, который давал бы полное представление о прошлом Ташкента.

— Против этого ничего не скажешь. В Прибалтике, например, большой опыт по этой части накоплен... И все-таки не жалко ли воды для декоративных мельниц?..

Аброр разъяснил:

— В эскизе сохранена лишь внешняя форма мельниц. Вода, забираемая из Бозсу, подводится по задерненному арыку к мельничному стоку. Оттуда она падает на лопасти колеса и вращает его, уходя по отводам обратно, так что вода никуда не забирается. Вместо настоящих тяжелых жерновов будут легкие, пластиковые. А над ними установим обычную карусель. На пять-шесть мест. Движение воды по стоку регулируется с электропульты управления аттракционом. Нажимается кнопка, и вода с шумом обрушивается вниз, «мельничные жернова» начинают вращаться вместе с каруселью. А создается впечатление, что карусель вращает вода из Бозсу... Рисорушка тоже внешне выглядит как прежние рисорушки, но внутри все будет приводиться в движение током, вплоть до транспортерных лент, по которым будут двигаться порции плова для посетителей этих кафе.

— Да, фантазия у вас работает, Аброр Агзамович! — с улыбкой сказал Садриев. — В будущем мы думаем создать этнографический комплекс недалеко от телецентра. Вот тогда ваши эскизы могут здорово пригодиться. А пока у нас много других, более неотложных дел.

— Телецентр довольно далеко от Бозсу. А мои эскизы посвящены этой водной артерии. Вся история Ташкента связана с Бозсу. Мы гордимся, что городу нашему две тысячи лет, а такой исторический памятник, как Бозсу, еще не благоустроен.

— Почему? Вот Ганчтепе скоро станет одним из красивейших мест отдыха на берегах Бозсу. О благоустройстве зоны Бозсу думаем не только мы с вами. И самые большие руководители нашей республики дают нам хорошие советы. Прекрасный парк имени Гагарина... у него много соавторов, так сказать.

— А восточная сторона стадиона «Пахтакор», Наби Садриевич?

— Берег, где «моржи» купаются?

— Да. Чуть выше их купальни есть совсем заброшенные места. Я бы хотел... вот этот мой ансамбль в эскизах... нельзя ли его привязать к ним?

— Нет, эти места уже использованы в другом и более неотложном проекте.

— Какое это?

— Вы, должно быть, запомнили, Аброр Агзамович?

вич... Агзамова Вазира — это же ваша супруга? Бахрамовым и его соавторами, среди которых и Агзамова, подготовлен проект переустройства...

— С Шерзодом Бахрамовым? — перебил Аброр. — Наби Садриевич, это, очевидно, другая Агзамова.

— Нет, Вазира Бадаловна... Она работает по интерьерам метро... Вы не в курсе дела? Странно... Их проект мы недавно рассматривали здесь, в этом кабинете. Супруга... не сказала вам о результатах обсуждения?

Садриеву пришлось коротко рассказать о проекте нового русла длиной около километра.

— Я давно выступал против такой идеи, — выпалил Аброр.

— Ну, если Вазира Бадаловна знала о вашем отношении, то, возможно, потому и не сказала вам, что мы в главке их проект приняли.

Садриев собрал эскизы Аброра, положил их обратно в папку, протянул ее Аброру. Тот резко вскочил со стула, взял папку в руки.

Ошеломленный, вышел он из кабинета. «Бахрамовская группа... Бахрамовская группа... Неужели Вазира дошла до того, что предала мужа, вошла в ба х р а м о в с к ю группу?..»

Вазира, закончив работу и выйдя к условленному месту, с изумлением обнаружила там вишневого цвета «Жигули»: чаще всего Вазира приходила сюда раньше мужа, и ей приходилось ждать.

Довольная столь ранним приездом Аброра, она бойко открыла переднюю дверцу машины и весело воскликнула:

— Ура! Видно, сегодня солнце взошло с вашей стороны.

Аброр холодно бросил:

— А вы, наверное, привыкли думать, что солнце восходит только со стороны Шерзода Бахрамова?

Вазира даже не успела понять иронического смысла услышанного, но обиду и раздражение в голосе мужа сразу уловила.

— Что-что?

— Говорят, вы стали соавтором Бахрамова. И будто благодаря вашим усилиям проект бахрамовской группы утвержден главком... Когда-то влюбленный в вас и не

достигший цели Бахрамов... как он сейчас, наверное, торжествует!

Произнеся все это зло и яростно, Аброр тем не менее ждал, надеялся, что вот-вот Вазира скажет ему, что все это ложь, наговоры на нее, что если кто и болтает о чем-то, то с низкими целями! Ах, если бы она это сказала, если б сказала... он бы тотчас обнял и поцеловал Вазиру, забыл свою злость, обругал себя громогласно.

Вазира не отвела в сторону своего взгляда.

— Вы чем, собственно, недовольны? И в чем подозреваете меня? Да, я стала соавтором Бахрамова... стало быть, по-вашему, я сразу превратилась и в его любовницу? Вы уже об измене подумали?

Нет, он, Аброр, не мог подозревать в эдаком жену, с которой прожил, худо-бедно, шестнадцать лет.

— Да неужели вам непонятно после стольких-то лет нашей совместной жизни: для меня измена душевная еще хуже, чем... чем... — Аброр задохнулся от гнева. — Чем если бы вы провели ночь с Бахрамовым!.. Почему вы скрыли от меня свое соавторство?!

— Надо было проявить терпение, и я бы сама все рассказала... Эту работу поручили Бахрамову в прошлом году, и поручение шло через мой отдел. Садриев распорядился: курируйте проект, помогайте. Я сделала три-четыре эскиза...

— Все это лисьи хитрости!.. Нет, я имею в виду не вас, а Шерзода — этого лжелва¹. Он просто хочет хотя бы вот так одержать надо мной победу. При вашей помощи!

— Что за мнительность! Что за самолюбие! Будто все люди только и думают о том, как бы одержать над вами победу! Этот проект вообще не имеет к вам прямого отношения!

— Почему это не имеет? Другие не знают, но жене-то пристало знать, что ее муж не спит по ночам, разрабатывает проекты по благоустройству берегов Бозсу!

— Думать о благоустройстве Бозсу — не ваша монополия. Об этом думают и другие... Вот и мы сделали свой проект. Мы тоже хотим, чтобы берега канала стали красивыми! Места для работы там хватит всем!

Аброр на большой скорости повел машину не домой, а к мосту через Бозсу, потом повернул направо. Подъ-

¹ Ш е р з о д — букв.: рожденный львом.

ехав к западной стороне стадиона «Пахтакор», резко затормозил.

— Ну что ж... вот этот участок... вашего с Бахрамовым проекта. Давайте посмотрим, где тут будут ваши красивые берега.

Они вышли на берег. По воде плыли осенние листья. Их становилось все больше: с веток высоких чинар печально-шорохливо осыпались сухие листья, падали на воду и землю.

Вазира резкими взмахами руки обозначила направление будущего выпрямленного в этом месте русла.

— А по берегам будут сооружены гранитные парапеты, с этой стороны пройдет вдоль канала широкий тротуар, он будет вымощен красивыми плитами.

— Значит, вы хотите провести русло именно здесь? — будто не слушая ее, переспросил Аброр. — И долой эти ветвистые чинары и дубы со стволами в три обхвата, да? — Неподалеку росла большая орешина. Аброр показал и на нее: — Вот тут будете укладывать бетонные плиты? Неужели гибель столетних деревьев для вас ничего не значит?

— А зачем паниковать? Через несколько лет здесь вырастут деревья покрасивей этих.

— Не через несколько лет, а через десятилетия!

Нет, к деревьям Вазира была всегда равнодушна. Влюбленная в геометрические орнаменты, она не чувствовала, видимо, красоты естественной. Когда они ездили в Акташ или Чимган, попадали в лесные чащобы, Вазира, выйдя из машины, несколько минут прохаживалась по лесу, и вскоре ей становилось скучно. Возвращалась в машину послушать радио или садилась в прохладной тени какого-нибудь красавца чинара, чтобы, не обращая на него никакого внимания, покрутить все тот же транзистор. «Радио можно слушать и дома, в городе, а такую тишину нигде не сыскать, прислушайтесь к ней, ханум», — говорил Аброр, но Вазира отмахивалась. Природа ее словно утомляла, в городе же она могла крутиться без усталости много-много часов. Вазира с детства привыкла к асфальту.

Вот и здесь, на берегу канала, красота осенних деревьев ее не трогала. И грустное шуршанье сухих листьев под ногами тоже не трогало. И неровности берегов канала, их то плавные, то почти замысловатые повороты, которые для Аброра значили так много, вызывали в его воображении картины естественно

прекрасного соединения земли и воды, для Вазиры представляли собою лишь... неровности рельефа, свалки пожухлых листьев и мусора, неприятную тень светлой городской жизни.

— Да вспомните вы Неву в Ленинграде! — крикнула в сердцах Вазира. — Все ее берега одеты в гранит. И как это красиво! Повсюду чистота, опрятность!

— Неужели вы не видите разницу между климатическими условиями Ленинграда и Ташкента? Ленинград весь стоит на воде. Его окружают море, реки, озера. Там самой природе необходим гранит, словно охраняющий жизнь от сырости, топей, зыбкости почв. Здесь у нас, наоборот, воздух сухой, лето жаркое, люди стремятся поближе к воде, к прохладе.

— Вот и будут лестницы. Кто захочет, тот спустится по ним к воде.

— При чем тут лестницы? Бозсу — исторический памятник. Переделывать его русло никто не имеет права!

— Мы хотим лишь исправить ошибки, которые допустила история!

— Исправлять историю не дело бахрамовской группы, — с презрением вымолвил Аброр. — Не начать ли с исправления самих себя, а, ханум? Своих собственных недостатков!

— О каких именно моих недостатках ты говоришь, Аброр? — спросила по-русски Вазира.

— Хотя бы о тех, что привели вас к единомышленнику Бахрамову! — Аброр продолжал говорить по-узбекски.

— Не поняла.

— И вы, так же как он, молитесь на железо и бетон. И совсем глухи к трепету живой природы. Внешний порядок, рациональные конструкции!.. Да ведь в течение веков и природа, и люди приспособлялись к местности, а землю вокруг — к движению воды, и так возникла естественная река со всеми ее поворотами и излучинами. Это ведь тоже порядок, гармония, рациональность. Только не прямолинейная, как палка. Вы лишены чувства природы, а это ли не душевная глухота?..

Аброр говорил, не сдерживаясь ни в словах, ни в жестах. Редкие в этот час и в этом месте прохожие уже оглядывались на странную пару.

— Вот я и стала душевно глухой, — грустно про-

изнесла Вазира. — А когда-то здесь, на берегу Анхора, мне объяснились в любви, и восторгались моей красотой, и превозносили до небес мою душевность. Забыто? Пусть напомнит Бозсу...

— Откуда я мог тогда знать... что моя жена нанесет мне удар в спину!

Вазира первой заметила, как к ним присматриваются и прислушиваются.

— Любопытно им, видно, глядеть, да еще бесплатно, на семейную драму...

Аброр только сейчас заметил интерес посторонних людей к их ссоре. Молча повернулся, двинулся к машине. Муж и жена опять пошли рядом, избегая касаться друг друга.

Вазира в глубине души осознавала, что причинила боль мужу. Впрочем, она ведь и хотела причинить ему боль, но в меру. Аброр излишне обостренно воспринимает случившееся. Излишне горячо. И надо бы немного остудить его.

— Я же не стараюсь навязывать тебе свои идеи, — на ходу говорила Вазира. — Но ведь и мне нужна свобода мысли, творческих поисков. По-твоему выходит, что я останусь хорошей, только если буду работать так, как нравится тебе. Но тогда давай признаем: ты архитектор, а я нет! Ты этого хочешь?

Они сели в машину, Вазира — на заднее сиденье.

— Все это не так. И то, о чем мы говорим, не имеет отношения к вашей профессиональной самостоятельности... Да разве бахрамовский проект — ваша работа? Вы сели на телегу этого Бахрамова и запели, как и вся его группа, его песню!

Аброр нажал на газ. «Жигули» взревели и помчались нервно, рывками.

— Прошу вас, давайте кончим этот разговор, — снова перейдя на узбекский, попыталась утихомирить Вазира мужа. — Я не пою чужих песен. Чтобы вы были спокойны... я клянусь своими детьми, что предана и верна своей семье! Всё!

Да, Вазира считала себя правой. Аброр это видел. Словами и впрямь не переубедить ни ей его, ни тем более ему ее.

Аброр свернул на улицу Усмана Юсупова.

Вазира заметила, что дорога домой опять осталась в стороне.

— Куда мы собрались ехать?

— В светлое будущее вашего проекта, — съязвил Аброр.

Им оказалось высохшее русло Койковуса и забетонированный берег. Аброр остановил «жигуленок» у самых бетонных плит.

— Видите? — Аброр обернулся через сиденье к Вазире. — И эта... пустыня... возникла по проекту Бахрамова. Во время обсуждения говорилось, что на берегах необходимо высадить деревья, что берега не должны быть плоскими. А что на деле? Посмотрите, опять срезы, выложенные бетоном... А ваша «инспекторская дорога». Срезали неровности, сдернули траву, выкорчевали деревья, затрамбовали и забетонировали, видно, для того, чтобы и впредь на этих берегах не было ничего живого. Экономичность, рациональность, индустриальные методы! Сколько громких слов! Ради собственных интересов не пренебрегаете никакими средствами.

— Бетонирование берегов Койковуса тоже личные интересы Бахрамова?

— Да, да! Представьте себе, что да! Бетонирование по шаблону гораздо легче, чем творческая, оригинальная реконструкция берега древнего канала. Бахрамов всегда работает по принципу — лишь бы отчитаться и побыстрее отчитаться. А что потом — его не интересует. Он сегодня получает премии!

— Вы готовы повесить на человека, которого невзлюбили, все смертные грехи!

— А за что его можно возлюбить? Неужто вы забыли его безобразный поступок, когда он работал в райисполкоме?

— Какой это?

— Вы уже забыли... А припомните-ка скверик, который надо было превратить в цветник. Нам сказали, что завтра придет городское начальство и будет принимать работу. Все мы вышли на субботник. На площади — помните? — лежали разбитые бетонные плиты до двух тонн каждая. Решили найти подъемные краны и вывезти их. Однако техника нашлась не так быстро, как мы рассчитывали... Помните? Что же вы молчите? Помните, как нагрянули самосвалы с землей для цветника? И как Бахрамов, не долго думая, дал команду выгружать землю прямо на плиты. И разровнять потом площадку. А потом заставил посадить на эту площадку цветущие канны. Ну, вспомнили? Пришли

руководители, все осмотрели. Каннны цветут, Бахрамов сияет. С рабочими не поговорили — ушли. Цветы сразу же погибли. Но это потом, а сегодня оперативный Бахрамов получил похвалу, а затем и повышение по службе. Настоящим благоустроителям работы, конечно, добавилось, пока убрали высохшие цветы, вытащили бетонные плиты, заново разрыхлили землю, снова завезли чернозем и цветы... Ну, теперь-то вспомнили? То был маленький скверик, маленькая площадка, а тут предполагается обезобразить берега Бозсу.

— Наш проект совершенно другой! Когда его воплотят в жизнь, сами это увидите!

— Поздно будет. Очень боюсь, что будет поздно.

— В самом деле уже поздно. Заводите машину, пожалуйста. Дома нас ждут не дождутся дети. — И уже в машине, на большой проезжей улице, Вазира добавила: — Для меня дискуссия закончилась, разговор о работе пускай и остается на работе. Терпеть не могу мужей и жен, которые без конца спорят о работе и дома, и на улице. Дома хватает домашних забот!

— И все же...

— И все же я не могу отказаться даже ради вас от своих идей, от проекта, который уже, кстати, утвержден управлением!

И Аброр, и Вазира всю дорогу молчали. Поставили машину в гараж, пошли к дому. Все молча.

Кооперативный дом напротив родного подъезда снова напомнил Аброру о Шерзоде Бахрамове.

Еще прошлой осенью были возведены стены и крыша дома. Правда, темные провалы, предназначенные для окон и балконных дверей, зияли еще целый месяц. Деревянный забор вокруг строящегося здания — помеха и пешеходам, и автомобилистам — искривился и долго мозолил глаза. Наконец сравнительно недавно окна и двери были вставлены на свои места, закончились внутренние отделочные работы, сняли и надоевший деревянный забор. Двор очистили от строительного мусора, посадили цветы и деревья, так что теперь двор приобрел несколько более приличный вид. Дети начали играть во дворе, не опасаясь грузовиков и падающих кирпичей. Во все квартиры нового дома вселились жильцы, и стало в общем дворе многолюдно до тесноты. Два дома оказались слишком близко друг к другу, и это становилось причиной многих неудобств, хотя бы по-

тому, что шум из окон одного дома наслаивался на шум из другого.

Аброр каждый раз раздражался при виде дома-соседа, назойливо близкого и к тому же архитектурно не вписывающегося в комплекс. Но что поделаешь — приходится к нему привыкать, как привыкают, например, к родимым пятнам.

Сегодняшний спор с Вазирой разбередил старую рану. Бездарный, халтурно сооруженный «шедевр» нашел «посадку» в их дворе благодаря Бахрамову. И это еще больше раздражало и настраивало Аброра против Шерзода и против Вазир.

Он не касался теперь ее соавторства. Но ее согласие войти в бахрамовскую группу громоздилось меж ними невидимой стеной даже тогда, когда они были наедине.

И мужа, и жену мучила бессонница.

— Запомните, Вазира, — сказал как-то ночью Аброр, — мы можем крепко столкнуться с вами на рабочей тропинке нашей жизни! Я ведь не отступлю...

— Не стоит меня пугать. Лучше не вмешивайтесь в это дело, советую.

— Ну что ж, посмотрим...

На другой же после их спора на берегу канала день он разыскал знакомых инженеров, проектирующих метрополитен. Они работали в тесном одноэтажном здании напротив «Детского мира». В конце длинного коридора в малюсеньком кабинетике нашел голубоглазого Фариды Галиева. Аброр знал, что именно Галиев занимался проходкой тоннеля по дну канала и что именно Галиеву управление передало все чертежи и документацию бахрамовского проекта.

— Вы согласились принять проект нового русла Бозсу?

— Принять-то приняли, но, говоря откровенно, сейчас нам не до него. Вопрос практической его реализации будет рассматриваться в будущем году.

— Вот как... Значит, сроки снова отодвинулись?

— Да, не хватает бетона. А там ведь предлагают забетонировать новое русло длиной с километр. Зачем тратить столько, когда у нас и другие работы уже стоят из-за недостатка бетона.

— Выходит, ты против бахрамовского проекта?

— Да я-то что... У него много противников. Я вон разговаривал с ирригаторами. Новое русло ни к чему,

говорят. Шутка ли, двинуть с места Бозсу? Целую реку, в общем-то.

— Фарид, дружище, я тоже придерживаюсь такого мнения! — И Аброр рассказал Фариду все, что накопилось на душе. — Давай встретимся после работы. Ты пригласи своих ирригаторов. А, Фарид? Посоветуемся!.. Мы все-таки ташкентцы! Нельзя же позволять наш город портить!

— Вообще мнение моих друзей очень близко к твоему.

— Ну вот видишь... Где встретимся? У меня, а?

— Нет, лучше к нам приезжай домой. Запиши адрес...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Агзам-ата, Ханифа и Шакир переехали наконец на новый участок.

Рановато, конечно. С крыши дома свисали султаны камышового покрытия, стены оштукатурили наспех, только в одной комнате были настланы полы. Воду приходилось таскать со двора ведрами. Газ не подведен.

Ханифа разжигала дрова, дула на робкое пламя, и в глазах ее вскипали слезы.

Когда Аброр приехал навестить родителей, он увидел, что все трое новоселов сидят в одной комнате, согреваются у танчи. Ханифа-хола принялась тут же упрекать старшего сына:

— Самы в раю живете, а мы тут... умрем от холода, так вам, видно, все равно будет!

— Сами же мне уши прожужжали: поедем на свой участок да поедем! Вот вам и свой участок! Не нравится, вон машина стоит, садитесь, отвезу опять на квартиру.

— Да поди-ка ты со своей квартирой! У нас тут свои заботы есть, глянть, сколько саженцев тянется!

Ханифа-хола любила груши. Осенью Агзам-ата посадил четыре деревца, а между ними (когда-то еще груши дадут плоды!) разместил персиковые саженцы.

— Персики начнут давать плоды раньше, а постепенно войдут в силу и груши, — объяснял он жене.

— Да будь они неладны, персики твои да груши! Доживу ли до них? Сначала вы газ проведите! Жить не могу из-за дыма этого! — сказала Ханифа, закашлявшись.

— Потерпи, жека, потерпи, насчет газа Аброр хлопчет!

Агзам-ата не оставил во дворе ни клочка пустой земли. Посадил клубнику, высеял даже ячменно-люцерновой смеси немного. «Летом люцерна хорошо пахнет».

Любил Агзам-ата заниматься крестьянским трудом, не говоря уж о труде мираба, а вот прокладывать железные трубы, провести в дом газ, настилать полы, застеклять окна, оборудовать разные двери — это для него было сущим наказанием. Не потому, что очень уж тяжело всем этим заниматься, а потому, что такие работы пожирали массу денег. И материалы влетали, как говорится, в копейчку. И газовщики с плотниками не скромничали, запрашивали втридорога. Шакир отдавал отцу почти всю свою зарплату. Помогал каждый месяц деньгами и Аброр. Но денег все равно не хватало.

Агзам-ата всю зиму проработал сторожем на соседней стройке. Весной строительство значительно расширилось, и ему потребовался еще один сторож. Агзам-ата ухитрился вторым сторожем оформить свою Ханифу, а подменять ее сплошь да рядом приходилось самому. Чуть ли не каждые сутки с шести часов вечера до восьми утра он был занят теперь там, а потом придет и, не зная отдыха, вкалывает на участке.

К тому же Ханифа каждый день еще и пилила его насчет газа. А что тут сделаешь, коли на их улицу газ еще не дали, труб ждут не дождутся. Аброр побывал в разных учреждениях, ему пообещали, он поверил, ждал до самой зимы, но ничего не вышло. Тогда он на свои деньги взял и купил баллоны с привозным газом. Тот день, когда Ханифа-хола начала готовить пищу на газе, был просто праздником. Мать на редкость щедрой оказалась в благодарностях:

— Спасибо тебе, Аброрджан, милый ты мой сынок, спасибо! Дай бог, чтобы и ты увидел добро от своих детей, а я так прямо ожила!

В субботу Аброр снова навестил родных. Заехал на стройку за отцом. Тот вышел к машине, заложил руки назад, согнулся, еле-еле на ногах держится.

Аброр остановил машину рядом с отцом, изнутри открыл заднюю дверцу.

— Ух! Совсем из сил выбился... Не знаю, что со мной случилось. Давеча вышел из сторожевой будки, голова странно как-то закружилась. И задыхаться на-

чал. Испугался, что упаду. Присел на штабель досок, слава аллаху, отошло.

С тревогой и жалостью смотрел Аброр на отца. Щеки просто провалились, лицо пожелтело.

— Зачем вам все это надо, отец? Хватит сторожить. Посидите спокойно дома.

— Я и сижу в сторожевой будке... спокойно. Изредка обхожу площадку строительную. Работа не тяжелая. Оплачивается хорошо.

— Недосыпаете вы — вот в чем дело.

— Что же делать, Аброрджан? Неналаженная жизнь — это как пещера, там живет ненасытный дракон, все проглатывает... Ты помогаешь нам. Шакир хорошо зарабатывает. А денег все равно не хватает. Еще Шакира надо женить. Можно ли привести в неустроенный дом невестку?

Свадьба Шакира должна была, по родительским расчетам, состояться еще в прошлом году. Но переезд и строительство нового дома заставили отодвинуть сроки еще на год.

Весной, когда созрел урюк, Ханифа-хола приготовила лагман. Агзам-ата сидел вместе с сыновьями, ел да похваливал.

— Э-эх! — воскликнул он внезапно, схватился за щеку, потом вытащил изо рта двумя пальцами маленькую косточку. — Вот те на! Оставалось у меня всего-навсего три зуба, так один из них выпал. Разве от лапши зуб может сломаться?

Лагман был съеден. Приступили к чаю. Агзам-ата заговорил грустно и тихо:

— Сыны мои, кажется, подходит срок... За семьдесят уже... Сожалеть мне не о чем, все, что можно, уже сделал. Почти все. Вот участок до конца не обиходил. Да это уж вы как-нибудь сделаете без меня. Но давайте-ка побыстрее сыграем свадьбу Шакира. Коль умру, то ведь свадьба-то опять отложится.

— Не говорите так, отец. Вы еще будете нянчить детей Шакира.

— Нет, Аброрджан, нет. Неважно себя чувствую, неважно. Пока глаза мои не закрылись, хочу увидеть, как Шакир обзаведется семьей... Ты разузнай у него насчет невесты, — сказал он Аброру совсем тихо, почти шепотом на ухо. Шакир деликатно отвернулся. — На будущей неделе и посватаем, а?

Шакир стеснялся рассказывать родителям о Нигоре.

Иное дело — старший брат. Аброр с прошлого года, с того самого часа, когда он отвез младшего брата на свидание, успел немало узнать о невесте Шакира, оказавшейся — увы, но ничего не поделаешь! — племянницей Шерзода Бахрамова. Впрочем, Нигора самостоятельная и разумная девушка. Бахрамов не сможет помешать ее свадьбе, даже если бы захотел: родители девушки знают Шакира и одобряют выбор своей дочери.

— Кажется, тут проблем нет, Шакир? — спросил Аброр, когда младший брат провожал его до калитки к машине.

— Оно-то так, но вот свадебные обряды... обычаи всякие... их, оказывается, так много, и все они такие канительные... Как подумаю, сколько чего надо учесть, голова кругом идет.

— Да, тут старое с новым переплелось накрепко, наслонилось друг на друга, так что и не оторвешь. Со старыми обрядами и расходов, и хлопот становится вдвое больше. А пользы никакой. Вы с Нигорой должны избежать ненужной показухи.

— Но как избежать? Все ведь зависит от родителей, — заметил Шакир.

— Ну, не все... Пусть-ка Нигора поговорит со своими родителями. Я с отцом поеду сватать. Если они дадут согласие, то никаких промежуточных обрядов делать не станем. Фатыха-той, помолвка, к примеру, зачем? Резать барана, везти мешок риса, печь до двухсот лепешек — кому все это нужно задолго до свадьбы? А вот такой обычай, как «аксор» — «белый знак», мне лично нравится. Это когда сторона невесты посылает жениху кусок белого шелка и сладости. Сладости раздаются соседям жениха, а белый шелк означает пожелание светлого пути будущей семье. В этом есть какая-то поэтичность.

— Ну, не уверен. Не возьму в толк, зачем каждый раз привлекать к нашему личному делу соседей, чуть ли не всю махаллю?

— Тут есть своя логика, Шакир. Строится новая семья. Вот вы и должны видеть и помнить: множество рук клало кирпичи в это новое здание. А то ведь как бывает? Четыре человека соберутся, поставят на стол две бутылки, и все. Семью, создаваемую столь легко, боюсь, разрушить тоже нетрудно. В иных городах половина всех молодых семей оказывается непрочной. А в наших махаллях разводов, сам знаешь, мало бывает,

из десяти семей, может, одна рушится. Так ведь?.. А трудностей, — Аброр решил закончить разговор шуткой, — трудностей на собственной свадьбе не пугайся. Испытаешь их вдоволь, тем верней будешь: не захочешь вторично жениться.

А Нигора, оказывается, жила в кооперативном доме, так неуклюже поставленном в их дворе. С тех пор как Аброр об этом узнал, сам этот «шедевр архитектурной мысли» стал пробуждать в нем иногда и теплые чувства.

Однажды вечером Аброр вошел в этот дом вместе с отцом и старшим зятем, мужем старшей своей сестры; празднично одетые, степенные, хотя и немного смущенные ролью сватов, они медленно поднялись на третий этаж.

И одним из первых, кто вежливо вышел им навстречу, кто учтиво ожидал их на лестничной площадке, был Шерзод Бахрамов. Дядя Нигоры. Младший дядя, но, видимо, пользуется уважением в доме.

Все вошли в гостиную. На одной из стен висел большой красивый шелковый ковер. Сервант, до отказа заполненный японским фарфором и чешским хрусталем, сверкал вовсю. На мягких стульях бросались в глаза красные бархатные накидки. Белоснежность скатерти подчеркивали умело расставленные по столу виноград, урюк и груши; здесь же зажаренные целиком куры, нарын с тонко нарезанными кружками конской колбасы.

Чинно расселись за столом. Принесли шурпу. После двух-трех ложек супа заговорили о молодых.

— Звезда вашей дочери сошлась со звездой нашего братишки, — начал витиевато Аброр. — Иначе мы не смогли бы встретиться за этим прекрасным дастарханом. Как говорится, если суждено, то в скором будущем станем и родственниками.

Отец девушки — среднего роста, полный, представительный мужчина лет сорока пяти — приложил ладонь к сердцу, склонил курчавую голову:

— В добрый час!

Съели плов. Посуду унесли на кухню. После этого заговорил старший дядя девушки:

— Если махаллю не угостим пловом, будет нехорошо, согласны? Наши переехали сюда недавно. Чтоб познакомиться с соседями, сделаем плов человек на

двести. Утром перед свадьбой, согласны? Для этого купим сообща мешок риса, барана, соответственно и муку, продукты.

Аброр обдумывал, как бы деликатно отказаться от этой идеи, но Агзам-ата опередил:

— Согласны, согласны. Еще какие у вас пожелания? Говорите, не стесняйтесь.

Опять старший дядя взял слово; бесконечные его «согласны?» звучали совсем не вопросительно.

— Мать с большими надеждами растила свою дочь. Есть обычай, вносить молочные деньги... Немного... Четыреста рублей, согласны?

Установилась неловкая тишина.

Аброр исподлобья посмотрел на Шерзода, будто приглашал его раскрыться, определить свое — современное! — отношение к услышанной нелепости. Шерзод повернулся к старшему брату, с видимой иронией спросил его:

— Как это понять, ака? Вы просите у сватов калым?

— Да нет! Какой там калым — четыреста рублей? В кишлаках, бывает, мно-о-го тысяч берут, вот это калым! Мы говорим только о молочных деньгах... матери за ее молоко, согласны?

Агзам-ата посмотрел на Аброра: говори, мол, ты.

— Это что, какой-то новый обычай или забытый из старых? — спросил Аброр.

— Раньше такого обычая не было, — сказал Агзам-ата тихо.

— Свадьба требует больших расходов. Матерям тоже нужны деньги, согласны?

— Если для свадебных расходов, — намеренно, с видом облегчения вздохнул Аброр, — четыреста рублей мы дадим. От души. Как подарок. Пятьсот дадим. Только просьба наша такая: не называть это молочными деньгами. Потому что материнское молоко нельзя продавать за деньги. Мы так думаем. Вы с этим согласны?

Глаза отца Нигоры затуманились — ему было стыдно.

— Вы правильно сказали, не надо эти деньги так называть... Теперь мы готовы услышать пожелания и наших гостей... Вот, например, фатыха-той...

— Для нас выполнять этот обычай кажется обязательным. Правильно, отец? — Аброр обратился к Агзаму-ата.

Агзам-ата утвердительно кивнул головой. Отец

девушки тоже тотчас согласился: нет так нет, зачем лишние хлопоты.

Старший дядя посмотрел на Шерзода, который до поры до времени сидел молча, теребил салфетку.

— Не очень ли все упрощаете, а? Как бы не возникло сплетен да насмешек.

Шерзод не сразу ответил. Посмотрел на отца Нигоры, тот напряженно посмотрел на него, Аброр понял, что все будет так, как скажет сейчас Шерзод.

Шерзод обратился к сватам с видом человека, который дает займы большие деньги:

— Если вы так хотите, мы идем на эту уступку. Однако не забывайте, что наша племянница достойна самых больших свадебных торжеств.

— Правильно! Нигора — первая у отца и матери. Потому... у них немало заветных желаний, — подхватил старший дядя. — На свадьбе должны быть пара карнаев, пара сурнаев, барабан-нагара. И двух знаменитых певцов с музыкантами надо пригласить. Договориться заранее, согласны?

Аброр спросил у Шерзода, вспомнив, что когда-то Шерзод выступал против таких свадебных концертов с микрофонами:

— Как вы на это смотрите, Шерзод Исламович? Мы, конечно, можем пригласить. Но микрофоны... лишний шум...

Шерзод уклонился от прямого ответа:

— Вопрос о карнаях и сурнаях будем решать позже, времени у нас еще много: после того как молодые подадут заявление в загс, пройдет полтора месяца. Сейчас о другом, вообще говоря, надо подумать... Свадьбу назначим...

Он вынул из кармана маленькую книжку-календарь. Полистал ее. Выбрал субботний день, что попал на середину августа. Отец Нигоры и старший дядя сразу согласились с Шерзодом. Сторона жениха тоже ничего не имела против этой даты.

Наконец по знаку Шерзода вынесли из внутренних покоев три шелковых бекасамовых чапана. Старший дядя поднялся со стула. Первый чапан он надел на свата Агзама, два других — на остальных сватов.

— С богом, поздравляю вас!

— Вот и стали родственниками, ата! — Шерзод среди всех гостей выделил отца Аброра.

В свою очередь Агзам-ата понял, что в этом доме Шерзод играет главную роль, вежливо поклонился ему:

— Спасибо, сынок, дай бог вам счастья! Пусть молодые до конца жизни будут вместе, пусть у них будет много детей и внуков, пусть живут в счастье и любят друг друга! Аминь!

Все провели ладонями по лицу и встали с мест.

Когда вышли уже на улицу и начали прощаться, перед расставанием Шерзод многозначительно заметил, обращаясь к Аброру:

— Это ведь только начало. Хорошо то, что хорошо кончается.

— Самое главное, молодые любят друг друга.

— Да, но их счастье зависит и от нас с вами.

Аброр только сейчас съел плов, приготовленный в семье Нигоры, только что надел чапан, подаренный ему старшим дядей Нигоры.

Он должен был ответить не иначе как вежливо:

— Будем делать все, что от нас зависит.

А возвращаясь домой, думал: «Шерзод намекает на то, что может испортить дело со свадьбой... Как было бы хорошо, если бы те проекты лежали без движения еще месяца два-три. Мы бы успели сыграть свадьбу до того, как начнется схватка с Бахрамовым! Пусть бы молодые успели расписаться! А схватки ему все равно не избежать...»

Вазира, услышав от Аброра, что свадьба назначена на август, встревожилась:

— Ай, как неудачно выбрали время! Надо было назначить или на июль, или на сентябрь. Первая половина августа — время, когда Малика будет сдавать приемные экзамены в институт. Конкурс страшный!

Аброр, поглощенный разными заботами, почти совсем об этом забыл.

Малика закончила десятый класс, получив похвальную грамоту. Уже перегнавшая ростом мать, она от тревог, что надвигались на нее, стала по-взрослому серьезной. Лицо вытянулось, шея удлинилась. А глаза расширились, смотрели на мир тоскливо и тревожно.

Аброр жалел дочь, глядя, как она днем и ночью, без усталости и отдыха, с отчаянием каким-то готовилась к экзаменам.

Аброр с Вазирой, не откладывая визита, постарались побывать у проректора и у декана. Таких, как они, «просителей» оказалось много, и обещать им никто ничего не стал. Оставалось одно: создать для дочери все условия для занятий, следить, чтобы она вовремя ложилась и вовремя вставала — тогда голова будет всегда свежей.

Вазира отдала дочери самую тихую комнату в квартире, следила за ее питанием, ложилась спать после того, как засыпала Малика. Первый экзамен — письменная работа по математике. Результата ждали четыре дня. Вазира не спала две ночи. Узнали наконец, что Малика по письменной математике получила тройку. Если она все остальные экзамены не сдаст на пять, то в институт не попадет.

Вазира так расстроилась, что у нее начались постоянные головные боли, в глазах стали мелькать черные мушки. Поднялось кровяное давление, и пришлось принимать таблетки, прописанные врачом. Вскоре давление сбили, но головные боли не исчезли. Снова записаться к врачу Вазира не удосужилась, никак не могла выкроить время: приближалась свадьба Шакира, собралась на совет родня — решать, кто какую долю расходов, подарков возьмет на себя.

В сундуке Ханифы лежали несколько отрезков на платья из шелка и атласа. По обычаю, все наряды невесте должна была подарить сторона жениха, а все наряды жениху — сторона девушки. Штук восемь самых лучших отрезков из сундука будущей свекрови будущая невестка должна отнести к портному, сама выбрать фасоны, какие ей захочется, а стоимость шитья обязан оплатить опять-таки жених. Предназначенные для Нигоры пальто, плащ, кофты и другие вещи решили купить сестры Шакира и их мужья. Достать дефицитные белые туфли на высоком каблуке и сапожки на платформе выпало на долю Аброра: у него же машина, ему поискать легче будет.

В разгар всех этих хлопот пришел в движение проект нового русла Бозсу, подготовленный бахрамовской группой, строительство метро подошло близко к Бозсу, вопрос о прокладке трассы через канал стал неотложным.

— Вазирахон, вы слышали неприятную новость? —

Шерзод позвонил Вазире на работу. Голос его звучал встревоженно.

— О чем это?

— Ну, как же... Ваш супруг вместе с несколькими метростроевцами готовит, оказывается, свой проект, противоположный нашему. Подводит, так сказать, мину.

Таким образом открылось Вазире, что значили долгие разговоры Аброра с метростроевцем Фаридом Галиевым, его уходы из дому вечерами на долгие часы. Аброр не говорил Вазире, какими делами занят. Мало того, однажды, когда Вазира обиделась на него, что, мол, у вас за военные тайны от ревнивой жены, Аброр вполне серьезно ответил ей злым встречным: «Когда вы стали соавтором Бахрамова, вы разве не скрыли этого от мужа?»

Вазира чувствовала, что Аброр намеренно не выходит в разговорах с нею за пределы домашних забот, что в отместку ей он готовит что-то к их домашней жизни не относящееся. Подозревать мужа в том, что он, как говорят иные дамы, «завел себе женщину», у нее не было оснований. Значит? Значит, Шерзод попал в самую точку.

Спокойным голосом Вариза ответила Шерзоду:

— Пусть они даже и подготовят что-то... проект все равно придет в главное управление. А Наби Садриевич одобрил наш. Почему вы беспокоитесь?

— Строители метро наш проект не одобряют. А у них очень большие права. Не считаясь с решением главка, они могут пойти напрямик в весьма высокие инстанции, где к мнению строителей метро прислушиваются.

— Если вам мало мнения Наби Садриевича...

— По-моему, настала пора пригласить из Москвы...

— Павла Даниловича?! — Вазира тут же эту идею подхватила, подумав, что Бахрамов в самом деле человек ловкий. «И умный администратор», — добавила она мысленно.

— Конечно. Я только что звонил ему. Если главное управление пригласит, то он приедет.

— Фамилия его Катинов, да?... Хорошо, что вы напомнили мне о нем, Шерзод. Я сейчас же зайду к Наби Садриевичу.

Вазира положила трубку, взяла бумагу и ручку.

Коль приглашать за счет управления специалиста

из Москвы, надо письменно обосновать необходимость вызова, с готовым текстом приказа идти к Садриеву. С красиво оформленной заявкой все в той же красивой папке, на которой вытеснено: «К докладу».

Садриев внимательно прочитал текст приглашения. Прикусив нижнюю губу, посидел минуту молча, не глядя на красивую Вазиру — на сей раз лишил себя этого обычного удовольствия.

— М-да, ваш проект не нравится строителям метро, — сказал Садриев.

— Видимо, потому, что есть другой проект, который сбивает их с толку, Наби Садриевич.

— Кто же смеет переступить вам дорогу? Кто сии храбрецы?

— Точно не могу сказать. Один из них, кажется, инженер-метростроитель. Другой — из ирригаторов... — Вазира не решилась сказать начальнику об Аброре — язык не повернулся. Вместо этого заверила: — Наби Садриевич, если из Москвы прибудет Катинов, очень и очень авторитетный специалист, вопрос будет решен... с пользой для нашего общего дела.

— Вы уверены? Приглашенный специалист будет на вашей стороне?

— Мы разговаривали с Катиновым еще в Москве...

— Да, перед вами трудновато устоять, Вазира Бадаловна... — усмехнулся Наби Садриевич. Помолчал. Решил: — Ну что ж, будем защищать честь своего мундира.

В тот же день в Москву на имя Катинова ушла телеграмма-приглашение.

Только возвращаясь домой, вспомнила Вазира, что сегодня ее дочь ушла сдавать второй экзамен.

Вазира открыла дверной замок, вошла в квартиру. Первым, кого она увидела, был Аброр, который чистил в коридоре брюки.

— Малика вернулась?

Из кухни появилась Малика. Устало улыбающаяся. Аброр обернулся к Вазире:

— Можете ее поздравить.

— Четыре? — спросила мать, боясь произнести «пять».

— Нет, пять, — ответила Малика.

Вазира обняла дочь, начала целовать ее. И почему-то расплакалась.

Оказалось, что и Шакир у них; он вышел из гости-

ной, раскрыл кожаную папку, которую держал в руке, достал пригласительный билет с рисунком розы и свадебными золотыми кольцами.

— Ишь ты, уже раздаете пригласительные билеты? И папка шикарная, прямо «к докладу». И билеты очень красивые, Шакирджан.

Вазира не смотрела на Аброра. Не могла повернуть к нему свое заплаканное лицо.

— Если не начать сегодня, Вазира-апа, потом не успеем всех пригласить. Через пять дней уже в загс.

— Давай, Шакир, пошли... — это сказал Аброр. Ему непонятно было, отчего вдруг пролились слезы Вазиры, но спрашивать ее не хотелось.

Машина вишневого цвета стояла у дома. Братья спустились вниз. Пока садились в машину, что-то говорили друг другу. Вазира грустно наблюдала за ними с балкона.

В самом деле, отчего это она пустила слезу? Аброр, ее Аброр, муж ее, спокойно и буднично разговаривает дома об экзаменах Малики, о заботах, связанных со свадьбой брата, а исподтишка готовит таран, нужный ему, чтобы разбить, разгромить проект, ее проект, и все это держит в тайне от жены. И Вазира в свою очередь не хотела даже намекнуть мужу о том, какие они в главе приняли сегодня меры, чтобы перечеркнуть его замыслы, его проект. Тайная схватка между ними приобретала все более непримиримый характер, занимала все больше места в душе, наполняя Вазиру равнодушием ко всему иному. Она бы и хотела радоваться пятерке дочери, но радость эта не трогала души, не доходила сегодня до сердца. Нет, нет, нельзя и дальше жить так: дома они одни, а на работе другие. Взрывное напряжение копилось в ней. Казалось, нервы, как струны, непрерывно натягиваются. Однако ослабить их напряжение было уже не в воле Вазиры. Соавторство с Шерзодом, поддержка Садриева, на которого она имела определенное влияние, телеграмма в Москву — относилось Вазиру все дальше и дальше от мужа, и течение событий, казалось, неостановимо, как неостановимо течение реки.

Она знала, что и Аброр уже не может отступить, — проект, подготовленный им вместе с ирригатором и инженером-метростроевцем, поддержали строители метрополитена, однако Садриев еще идет против них, защищая проект Вазиры (или ее, Вазиру?).

День, когда Вазира услышала о предстоящем обсуждении проекта «на самом верху», был днем наибольшей тревоги за себя и наибольшего отдаления ее от мужа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДАТАЯ

Они вошли в зал заседаний, не глядя друг на друга. Словно чужие люди. Каждый — в группе своих соавторов.

В этом здании, полном света в коридорах и на мраморных лестницах, с сияющими паркетными полами и строгими ковровыми дорожками, в здании, где внимательные улыбающиеся милиционеры проверяли документы входящих, Аброр испытал прилив сил и желание постоять за свою идею; Вазиру же не отпускало гнетущее чувство душевной тревоги.

В красивом светлом зале, наполовину занятом рядами кресел, столом и кафедрой-трибуной, предстояло пройти обсуждению.

Проект бахрамовской группы был выполнен в цвете, проект группы Агзамова походил на произведение черно-белой графики. Павел Даниилович — он прилетел из Москвы вчера, но уже успел на машине Шерзода объехать чуть ли не весь Ташкент, побывать на берегах Бозсу, предварительно ознакомиться с конкурирующими проектами — сейчас прямо-таки прилепился к этой черно-белой графике: видимо, намереваясь поддержать Вазиру и Шерзода, продолжал искать слабые места в проекте Аброра.

Первое слово было предоставлено начальнику Метростроя. Вазира сразу насторожилась: все знали, что метростроевец сторонник проекта Аброра, и вот он начинает обсуждение. Довольно сильное впечатление произвели экономические цифровые выкладки оратора: осуществление проекта агзамовской группы должно обойтись в два раза дешевле, чем проект группы бахрамовской.

С вниманием слушали и Садриева.

— Товарищи, что такое Бозсу? — начал он. — Это канал-река. Когда течет такая большая вода, под ней прокладывать метротоннель представляется делом необыкновенной трудности...

Садриев тоже не поскупился на расчеты, и его циф-

ры звучали тоже убедительно. В конце речи сказал, что управление пригласило из Москвы для консультации крупного специалиста Павла Даниловича Катина, того самого товарища Катина, который сталкивался с проблемами прокладки метрополитена под дном Москвы-реки и Яузы.

— Сталкивался и успешно разрешал эти проблемы! — с пафосом заключил Наби Садриевич.

Председатель обратился к Павлу Даниловичу, сидевшему в первом ряду:

— Пожалуйста, товарищ Катин, слово вам!

Павел Данилович быстро встал с места, но к трибуне не пошел.

— Уктам Рахимович, разрешите один вопрос?

— Пожалуйста.

— Можно ли остановить Бозсу на месяц-два? Как посмотрит на такую возможность руководство республики?

Остановить? Вазира затаила дыхание, ожидая ответа.

— Если это сделать зимой, при небольшой воде, то можно, — спокойно сказал Рахимов. — Многие наши большие каналы зимой почти бездействуют.

— Есть две гидроэлектростанции, работающие на воде Бозсу. Если они остановятся, город не останется без электричества? — Голос Павла Даниловича напрягся. Катин нервничая поправил слуховой аппарат в ожидании ответа.

— Если две маленькие ГЭС остановятся... объем энергии, вырабатываемый ими, пожалуй, столь незначителен, что их временный простой не должен отразиться сколько-нибудь серьезно на энергобалансе Ташкента. Но, конечно, тут слово за специалистами. Так, слушаем вас, товарищ Катин.

Павел Данилович стоял растерянный.

— Похоже, я еще не готов выступить. Разрешите попозже. Мне, конечно, неловко, но... Хотел бы послушать мнения других.

Вазира вздрогнула. Ее-то главная надежда была на Катина. Неужели Катин начинает отступать?

— Хорошо! — Уктам Рахимович оглядел собравшихся. — Кто же следующий?

Еще четыре человека выступили, сравнивая оба проекта, и трое из них взяли сторону Абнора и Галиева.

Павел Данилович, выйдя наконец к трибуне, начал неожиданно:

— Шерзод Исламович, Вазира Бадаловна, дорогие мои друзья. — Он посмотрел на Агзамову и Бахрамова виновато, словно извиняясь. — Я приехал, чтобы защищать вашу точку зрения. В Москве она была для меня весьма убедительной. Но это был взгляд издалека. Ради нашей дружбы я должен, я обязан сказать правду, как она мне открылась теперь... Берега Бозсу удивительно красивы. Будет хорошо, если вы сохраните эту естественную красоту!.. Когда в Москве строили первые линии метро, мы не располагали возможностями обезвоживания речного русла. Ради метро нельзя остановить и осушить Москву-реку на месяц или на два. По этой причине мы прокладывали тоннели на большой глубине, с большими предосторожностями, и это обходилось очень дорого. А в Ташкенте иная ситуация... Если есть возможность остановить Бозсу на зимнее время, сохранить естественные берега, то зачем прокладывать бетонное новое русло, в спешке выпрямлять, портить реку?.. У второго проекта тоже есть недостатки. Но в целом проект Агзамова лучше, рациональнее, на мой взгляд, товарищи.

Павел Данилович говорил что-то еще, но Вазира уже не слушала его. Шум в голове, темные круги и полосы перед глазами. Она сидела будто оглушенная, собирала силы, чтобы понять, что происходит с ней.

Оцепенение немного отпустило ее в момент, когда Рахимов обратился к Шерзоду:

— Ну, товарищ Бахрамов, послушаем вас...

Шерзод вскочил с места. Быстрый, ловкий, находчивый... Вазира пришла в себя: уж этот ее соавтор, Шерзод Бахрамов, найдет что сказать, сумеет защитить их совместный труд.

— Уктам Рахимович, прежде всего разрешите мне выразить вам огромную искреннюю, от сердца идущую благодарность за то, что вы нашли возможность уделить и вообще уделяете так много времени и внимания нашей архитектуре, нашей работе. Наш красавец Ташкент... — тут Шерзод вдруг сбился с тона, вспомнив, что коллеги обходились без «красавца Ташкента», а ему как-никак задан прямой вопрос. — Сегодняшнее обсуждение для всех нас большая школа... а для меня и горький урок. Лично я готовил проект по поручению главного управления, по плану главного управления,

не говоря уже о том, что проект был утвержден в главке... Но сегодняшнее обсуждение показало мне... вскрыло новые и, на мой взгляд, верные и перспективные возможности решения проблемы. Позвольте заверить вас, Уктам Рахимович, что из сегодняшней критики я... все мы сделаем нужные выводы.

И снова зал закружился перед глазами Вазиры. Это говорит Шерзод? Оправдывает себя, сваливает вину на управление? Но что значит — управление? Это она поддержала проект, а ее поддержал Наби Садриевич. Значит, Шерзод обвиняет ее?

Аброр сидел во втором ряду с краю. Он бросил реплику:

— Но ведь не управлению, а вам, Бахрамов, принадлежит идея бетонизации и выпрямления русла Бозсу. Я правильно говорю, Наби Садриевич?

— Правильно! — ответил Наби Садриевич, покраснев. — Мы еще не забыли, как Бахрамов вился вокруг управления нарядным мотыльком... добился-таки включения своего проекта в план, добился...

— Не с вашей ли все-таки помощью, товарищ Садриев? — спросил Рахимов.

Все притихли.

— Есть грех, Уктам Рахимович. Не проверил лично, поверил и Бахрамову... и... не только Бахрамову.

Подводил итоги обсуждения Рахимов:

— Надо видеть, во имя чего мы строим, во имя чего работают все наши управления, все архитекторы, инженеры, все мы и каждый из нас. Забота о человеке — главное! Метро — для этого. Берега Бозсу — тоже для этого. Для отдыха, для радости. Объем строительства поистине огромен, есть множество проблем, и все они взаимосвязаны, поэтому необходим комплексный подход. Вы, товарищ Садриев, вместе с авторами первого проекта, подошли к проблеме односторонне, чисто технологически. Товарищи критиковали вас правильно...

Вазира не помнила, как вышла из зала. Словно в тяжелом дурманном сне видела она людей, торопливо покидавших зал после окончания обсуждения. Голова раскалывалась, что-то тяжелое давило на веки. В коридоре она почти столкнулась с Наби Садриевичем. Вазира хотела, очень хотела бы взять всю вину на себя, но вымолвить она смогла только невнятицу:

— Наби... Садриевич... из-за меня... выслушали такое...

— Да, это вы меня подружили под корень! — гневно, несдержанно зашептал ей Садриев. — Вы пробивали проект этого... Бахрамова! Вы скрыли от меня, что ваш муж готовил контрпроект!

«Неправда! — вскрикнула Вазира мысленно. — Неправда! Их проект уже был утвержден, когда Аброр... Ах, как кружится голова!»

— Вы старались для Бахрамова! И этот... специалист из Москвы... Не ожидал... Доверился вам и вот... опозорился!

...Она едва различала дорогу, по которой шла пошатываясь. Лестница, еще лестница... Людей вокруг нее нет. Избегают... В руках и ногах сил нет. Да что это с нею?

Напряжением воли Вазира выпрямилась, кивнула милиционеру у входа и, еле открыв дверь, шагнула на улицу.

Это что? «Жигули», Аброр?

— Садись, Вазира!

Это его голос. Его рука открывает дверцу.

Вазира отшатнулась. Он вышел, силой усадил ее в машину и повез домой. Скорее домой.

Вазира чувствовала себя все хуже. Идти по лестнице у нее не было сил. Упала грудью на перила. Аброр осторожно повел ее вверх.

Вазира начала задыхаться. Он поднял ее на руки, понес.

Хорошо, дети (заигрались, что ли?) оставили дверь незакрытой. Аброр ногой растворил ее, добрался до дивана.

Вазира громко вскрикнула. Слева в груди сдавило так больно, что трудно стало дышать. Она рывком дернула ворот кофточки.

— Воды!.. Воды! Умираю!..

Аброр побежал на кухню. Из соседней комнаты, оставив книжки и тетрадки, на крик матери выскочила Малика. Растерянная, дочь стояла у дивана, не зная, что делать.

— Держи, Малика!

Чуть приподняв голову Вазиры, они пробовали напоить ее. Прохладная вода принесла облегчение, маленькое и слабое. Звенящая боль в голове не проходила — словно из какого-то скрытого логова выползает чудовище и кусает, кусает. Было так больно, что Вазира заплакала.

— Ой! Умираю!.. Воды!

Аброр снова побежал на кухню. Он взял из настенной аптечки валерьянку, дрожащими руками накапал в пиалу с водой капель тридцать.

Малика крепко держала мать за руку, гладила ей грудь.

— Мама! Ма-ама! Ма-а-мочка!

Валерьянка не помогла.

Аброр выскочил в коридор к телефону. Набрал «ноль три» — занято, снова и снова набирал. И ругал себя:

— Будь прокляты все эти раздоры и споры!.. Алло!.. Алло!.. «Скорая»? — Прикрыл трубку ладонью. — Боюсь, не инфаркт ли это. Состояние очень тяжелое!

Аброр назвал фамилию, адрес.

С улицы, ведя за руль любимый свой «Орленок», вошел потный, разгоряченный Зафар. Услышав стоны матери из соседней комнаты, Зафар бросил велосипед, подбежал к ней. Вслед за сыном вошел и Аброр.

— Сейчас врач приедет, Вазира. Не полегчало?

От боли в груди Вазира корчилась и стонала. Ни Аброр, ни дети ничем ей, конечно, не могли помочь.

— Мамочка! Успокойся! Мамочка! — все повторяла Малика, едва сдерживая слезы, и гладила матери грудь, руки.

Аброр видел, как наполнились слезами глаза сына.

— Зафар, иди-ка со мной. Что это такое? Велосипед валяется, сейчас врачи придут, а он дорогу загородил...

...Врач вышла в коридор после того, как больная перестала стонать. Аброр и Зафар, каждый по-своему, тревожно смотрели на женщину в белом халате — она должна была вымыть руки.

— Перепугались, да? Ну и правильно перепугались. Такой приступ мог плохо кончиться.

Аброр подал ей чистое полотенце.

— Нелегко женщине и работать, и все по дому делать. На работе были какие-нибудь неприятности?

— Да... Я, знаете ли, испугался... Не инфаркт?..

— Нет. У вашей жены гипертонический криз. И острый сердечный невроз. Опасный приступ. Хорошо, что вы сразу вызвали нас. Могла случиться беда.

— Спасибо вам! А ей лучше, доктор?

Аброр стоял около двери с тревожным и виноватым видом. Женщина помедлила с ответом, начала изда-лека:

— Эти стрессы... их так много... Целыми днями мы на «скорой» ездим по городу. Тут невроз, там инсульт, там инфаркт. Так в горах бывает... Тихо-тихо, а вдруг крикнешь — и отзывается отовсюду, наращивается, голос твой приобретает страшную силу... будто звуки помножили свою силу на силу тишины.

— Да, я тоже такое замечал.

— У стрессов... вот такая сила. Мы всего насмотрелись... Иногда думаешь: боже мой, ведь эти стрессы, как бои на фронте, уносят массу жизней! Инфаркты, инсульты, словно снайперы с оптическим прицелом, ждут удобного момента.

Аброр встревожился еще больше. Такие слова не сулят в устах врача ничего хорошего.

— Доктор, а ей сейчас лучше? Скажите откровенно.

— Скажу... Мы сделали большой все нужные инъекции. Она должна уснуть. Хорошо, если будет спать до вечера. Не будите! На ночь дайте ей теплый сладкий чай, кислое молоко... можно куриный бульон. Потом пусть примет таблетки, которые я выписала. Я поставлю ее на контроль. А если она не сможет заснуть и ей станет хуже, сразу звоните нам. Сразу! Тогда придет реанимационная машина, увезет вашу жену в больницу.

Аброр побледнел.

«Победитель! — со злобой подумал он о себе. — Нет, пусть все победы пойдут к чертям, если расплачиваться за них надо такой ценой!»

Врач и сестра ушли. В гостиной, где лежала Вазира, было тихо. Аброр боялся почему-то зайти туда, сидел с Зафаром на кухне. Минут через двадцать к ним присоединилась Малика.

— Мама заснула! — прошептала она.

Бледная была сейчас Малика, похожа на заботливую мать, укладывающую спать тяжело больного ребенка.

Вазира к вечеру проснулась. Слабым голосом позвала Малику. В комнату, где она лежала, вслед за Маликой вошли Аброр с Зафаром. Втроем поставили у изголовья дивана журнальный столик, расстелили скатерку и поставили на столик разрешенные медициной сладкий чай, кислое молоко и бульон.

Вазира оставалась вялой, будто оглушенной. Руки и ноги — непослушными. Немота и безразличие.

Несколько раз глотнула поданный Аброром слад-

кий чай. Когда разлилось по телу тепло, возродилась и память: припомнилось обсуждение и особенно последние слова Наби Садриевича. Какое же все-таки она ничтожество! Самонадеянная, глупая женщина. Достойная презрения мужа. А он? Заботой отвечает на все.

— Ничтожество!.. Я ничтожество... Не стою ваших забот.

Аброр смахнул указательным пальцем крупные слезы жены с ее бледного, осунувшегося лица.

— Вы стали для меня дороже, чем прежде, Вазира. Между нами стояла невидимая стена. Сегодня она рухнула.

Вазира представила себе галантного Шерзода, хамелеона, ловкача Шерзода. Она громко зарыдала:

— Какая я дура! Самонадеянная дура! Мне стыдно! Боже мой, как мне стыдно...

Ресницы Зафара (ничего он не понимал, слава богу!) увлажнились, губы задрожали. Малика взяла брата за руку, они вышли из комнаты.

— Ладно, Вазира, поплачьте, быть может, полегчает, — сказал Аброр, сел рядом и обнял ее.

Вазира продолжала рыдать, сотрясаясь всем телом.

Аброр не выдержал, прикрикнул:

— Хватит! Возьмите себя в руки, Вазира! Дети боятся. Малика завтра должна экзамен сдавать. Подумайте и о себе. Приступ может повториться.

Последние слова подействовали. Постепенно Вазира успокоилась.

— Матери сообщите. Пусть Малике поможет. У девочки ведь экзамены.

То, что Вазира вспомнила о матери и Малике, несколько успокоило Аброра. Он подозвал Малику, попросил ее подежурить еще немного, а сам (с Зафаром) сел в машину и в уже густых вечерних сумерках отправился к теще.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

...Новая кнопка звонка — белая, квадратная — сразу привлекла внимание Аброра. Он нажал на нее; зазвенело приятно — «бим-бом, бим-бом, бим-бом». «Ишь ты, Алибек, как вернулся из армии, решил все вокруг обновить!» — подумал Аброр с удовольствием.

Дверь открыла Зумрад Садыковна.

— Вай, Аброрджан!.. Заходите, заходите! Ой, какая радость, и Зафар к нам пожаловал!

Зумрад Садыковна поочередно обняла гостей, поцеловала каждого в лоб. Появился на своих двоих малыш, подошел вразвалочку к бабушке, вцепился в подол ее юбки.

— Ай да молодец, Тимурбек, начал ходить! — Аброр поднял малыша на руки.

Из комнаты слева в прихожую вышел Алибек. Глаза, брови, лоб годовалого сынишки были точь-в-точь отцовские.

Алибек поздоровался с Аброром, осторожно взял из его рук Тимурчика. Поставил на ноги, слегка шлепнул по мягкому месту:

— Иди-ка походи. Мы его не приучаем к рукам. А то избалуется.

— Правильно! Сам отец вырос баловнем, а сына не хочет баловать! — рассмеялся Аброр.

— В следующем поколении природа должна отдыхать... и от гениальности, и от пороков поколения предыдущего.— Алибек произнес это с видимой серьезностью, почесывая густую бороду.

После демобилизации он бросил свое «непыльное» лаборантство, вернулся на завод сменным инженером. Сейчас дела у него шли неплохо. От предармейского прошлого осталась разве что эта борода, тщательно ухоженная, полукольцом окаймляющая лицо (усы теперь Алибек сбривал).

Из кухни навстречу гостям вышла, вытирая руки о фартук, и Насиба. После родов она, как водится, пополнила и ростом, казалось, стала поменьше. Густой бас диктора телевидения доносился и в прихожую. В гостиной Аброру сразу бросился в глаза широкий экран цветного телевизора.

— О, цветной приобрели! И давно?

— На прошлой неделе,— ответил Алибек не без гордости.

— «Радуга»? Наверное, дорого?

— Около семисот. Купили в кредит.

— Отважные люди!

Аброр знал, что весной, когда Насибе покупалось трехсотрублевое модное пальто, Алибеку новые туфли и кримпленовый костюм, больше половины денег было взято в долг в кассе взаимопомощи. И вот, гляди,

купили дорогой телевизор, еще не рассчитавшись с прежними долгами. Вещи теперь многих приманивают к себе, причем дорогие вещи, и на что только иные не идут, чтобы занять их.

Зумрад Садыковна разгадала, о чем сейчас думал Аброр.

— Современная молодежь очень уж охоча до удобства да одежды, дорогой Аброр... Век, говорят, такой: что дешево — то не мило.

— Ну и что? Надо хорошо жить! — Алибек с ходу ринулся в контратаку. — На заводе я немало получаю за свой труд. Только за труд!.. — подчеркнул он нужное слово. — И Насиба берет в школе определенное количество часов. Будем стараться побольше зарабатывать. С долгами рассчитаемся. Это ясно. Потом будем собирать деньги на машину. Через несколько лет и я куплю «Жигули».

— А книги? — спросил Аброр.

— Я вот предлагаю собирать библиотеку, да Алибек не соглашается, — ввернула Насиба.

— Сначала машину, книги начнем собирать потом. Сделаем красивые полки... Застекленные книжные шкафы купим.

Да, Алибека все еще манит внешний блеск жизни. Конечно, человек меняется медленно.

Аброр повернулся к Зумрад Садыковне, осведомился о зрении.

— Правый глаз почти совсем перестал видеть.

— Бельмо? А оперированный как?

— Он-то меня и спасает, Аброрджан. Хорошо, что прошлой осенью вы повезли меня на операцию! Что бы я сейчас делала? Подумаю обо всем этом и прямо не знаю, как благодарить вас и Вазиру. И долгой жизни желаю профессору Камилову! Операцию провел очень удачно. Вон видите — очки надеваю и одним глазом газету читаю. И сама шью, коли что необходимо.

Из другой комнаты было слышно, несмотря на включенный телевизор, как Зафар с Тимурчиком занимались автогонками: игрушечные машины ревели как настоящие.

— Почему сестра не пришла, почча? — спросил Алибек.

— Заболела Вазира... Лежит в постели.

— Поднялось давление? — с тревогой спросила Зумрад Садыковна.

— Да. Врач уколы назначил, строгий постельный режим. А тут еще экзамены у Малики. Трудные... Скоро физика.

Зумрад Садыковна когда-то преподавала физику в институте.

— Я поеду к вам, помогу Малике!

И пошла переодеваться.

Насиба внесла блюдо с ток-дулмой, тарелки. Целый день Аброр ничего не брал в рот, теперь с удовольствием поел, попил чаю.

— Хорошо, что у вас сейчас благополучие и мир.— Аброр был искренне доволен.— Я душой здесь отдыхаю. А у нас... И болезнь Вазиры, и забот полон рот! Свадьба Шакира на носу. Поступление Малики в институт. Год назад мы могли поддержать других, а теперь сами ждем поддержки.

— А чем помочь? Вы только скажите,— вскинулась Насиба.

Алибек нахмурил брови:

— Свадьба-то, наверное, по-старому? Нет, почта, у меня нет никакого желания быть там на побегушках, подносить да убирать посуду...

— Вот так раз! При чем тут посуда, мулла Алибек?.. На свадьбе почет нужен жениху... Приходите, просим, послезавтра в парадной одежде, поедете сопровождать новобрачных в загс. Идет?

— Послезавтра суббота? Можно. Насиба отпросится в школе. Вместе и поедем.

Аброр посадил Зумрад Садыковну в машину и увез ее к себе.

На следующий день рано утром, еще семи часов не было, Аброра, проспавшего полночи на балконной раскладушке, разбудил резкий звонок. Зумрад Садыковна спала в гостиной, ближе к двери, она ее и открыла.

Аброру послышался голос брата. Наспех оделся, сполоснул водой лицо и руки; вытираясь на ходу, вышел в гостиную, где его ждал Шакир.

— Что так рано?

— Что вы там натворили? — Шакир даже «здравствуй» не сказал.— Вся родня Нигоры отвернулась от нас. Вернули подарки. И свадьбу хотят отменить.

— Ну-у-у!.. Это уже работа Шерзода Бахрамова.

Я тебя предупреждал, брат... А ты, видно, Нигоре не все объяснил...

— Исчезла Нигора, понимаете! — в отчаянии воскликнул Шакир. — Я ее ждал вчера вечером около фонтана целых два часа. Как договорились. А она не пришла. Дома у них телефона нет... А завтра в загс надо...

— И приглашительные все розданы. Вот шуму-то будет на весь город, если Бахрамову удастся отменить свадьбу.

— Я еще боюсь и за отца, Аброр-ака! Он так переживает. Всю ночь не спал. Охает, вздыхает без конца. Такой позор на старости лет он может не выдержать.

— Ну ладно, надо действовать! Надо найти Нигору и обо всем договориться, и только с ней. Она же не отвернулась от тебя?

— А кто ее знает!.. Вчера и на работе не была. Может, она заболела? Или ее заперли? Их дом-то рядом. Может быть, Вазира-апа сходит к ним домой?

— Вазира больна. У нее строгий постельный режим. Малика вроде тоже знакома с Нигорой. Ты напиши записку, она отнесет.

...Уже в восемь утра Малика пошла в соседний дом, но тут же вернулась. Ее не пустили к Нигоре. Мать девушки встретила Малику надменно-неприятно, записку Шакира отказалась передать дочери. Сказала только: «Пусть ваши найдут себе другую невестку».

— Ах, так! — мстительно сжал кулаки Аброр. — По обычаю я не должен приходить к ним в дом до свадьбы. Но раз свадьбу хотят сорвать, я плюну на обычай и пойду сейчас к ним сам!

Он быстро побрился, надел новые светлые брюки, самую красивую свою рубашку. Подходя к кооперативному дому, увидел в его тени белые «Жигули» с блестящими металлическими полосками по бокам. Машина Шерзода. Значит, он уже здесь, у племянницы. Аброр приостановился было, чуть не повернул домой — очень уж не хотелось видеть Бахрамова после обсуждения. Но если уйти — значит, оставить Нигору в его распоряжении... Бахрамов может наговорить ей какое... что...

Нет! Надо идти сейчас и лицом к лицу...

Аброр успокаивал себя, намеренно не спеша поднялся на третий этаж. На звонок вышел отец девушки — полусонный вроде, еще не бритый.

Аброр решительно вошел в прихожую. Протянул руку:

— Через порог неудобно! Здравствуйте, Мухтар-ака!

Мухтар смущенно подал руку Аброру, а сам оглянулся назад, где в глубине коридора появились жена и Шерзод; они напряженно и неприязненно смотрели на Аброра.

— Я приходил сюда сватом и потому позволил себе явиться снова, чтобы разобраться в возникших осложнениях.

Аброр говорил громко, уверенно, не запинаясь. Он ожидал, что откроется еще какая-нибудь дверь в коридор и покажется сама Нигора. Все свои слова он целил в нее. Но двери были плотно закрыты.

— Когда вы приходили сватами,— начала мать девушки, с нарочитым презрением кривя губы,— мы и встречали вас с почетом, чапаны надевали. Думали тогда, что вы достойные люди!..

— А мы оказались недостойными? Чем же? — опять-таки громко спросил Аброр.

— Мы от вас, от свата и будущего родственника, себе добра ждали. А вы натворили... столько зла причинили моему брату! Я вот только сегодня узнала, как вы хотели лишить его премии, чтобы самому стать лауреатом! А вчера при больших начальниках вы напали на моего брата, чтобы лишить его высокого поста. Вы просто завидуете Шерзоду! Если вы такой завистник, человек с черным нутром, то поищите себе других родственников!

— Уважаемая... соседка! Не спешите навешивать на меня ярлыки! Кто завистник с черным нутром — мы выясним. Ваш любимый брат Шерзод Бахрамов — мой однокашник, я знаю его со студенческих лет. Как правило, завидуют талантливым людям. А черная зависть свойственна бездарностям. Верно? Если я бездарный, а Шерзод — яркий талант, то давайте сейчас вот при вас и проверим; дайте нам два листка чистой бумаги, два карандаша, мы сядем рядом... Что хотите, чтоб мы сделали: рисунок двора, чертеж, ваш портрет? Посоревнуемся при вас: у кого выйдет лучше! Ну да-вайте?

Шерзод подал голос:

— Что за детские забавы? Время таких смешных конкурсов для нас с тобой прошло, дорогой Аброр.

— Ты уходишь в кусты, дорогой Шерзод. Наши

с тобой конкурсы не кончились. Вчерашний ты проиграл, потому что у тебя не творческое, а стереотипное мышление. Зачем ты вообще пошел в архитектуру? Ты способен мыслить только стандартными кубиками да бетонными плитами. А вот когда надо нарисовать или воспроизвести что-то индивидуальное, неповторимое — тебя не хватает. Я видел десятки твоих рисунков, чертежей. Они все однотипные, ты это знаешь сам. И потому замахиваешься на все живое, губишь его.

Аброр все это выпалил залпом. Но и расчетливо громко и остро: за стеклянной дверью, что вела в одну из боковых комнат, он заметил легкое движение. Нигора там. Ну так пусть она слышит все.

— Какая наглость! — взвизгнула сестра Шерзода, а сам он ядовито-иронично спросил:

— Ты, Агзамов, стало быть, яркий талант, а я бездарь, так?

— Не о себе говорю. А ты, Шерзод, весьма нужный человек, нужный винт, как некогда считалось... Произносили раньше речи о маленьком человеке, необходимом человеке-винтике. Ты, конечно, большой человек, — стало быть, большой винт. Чем винты хороши? Да тем, что подходят под стандарты, их можно легко заменять, удобно вынуть из одного паза и вставить другой с той же нарезкой. Не потому ли ты и кочуешь с места на место? С одного солидного поста на другой? Но ты еще и честолюбив, Шерзод, ты используешь административный пост, чтобы выдвинуться и по творческой линии; творческие лавры, по праву принадлежащие талантам, — вот что не дает тебе покоя. Тогда ты отодвинул молодого талантливого архитектора Хатама Юлдашева, хотел занять в списке его место. Так или нет? Скажи своим родным правду. После того как я выступил в защиту Юлдашева, он получил премию или нет? Молчишь? А он получил-таки премию! Талант был достойно вознагражден... Вот и рассудите, уважаемые соседи и будущие родственники, — повернулся Аброр к смущенному вконец Мухтару, — кто из нас завистник с черным нутром?

Сестра Шерзода, хоть и растеряла значительную часть прежнего пыла, все-таки вновь вступила в бой:

— Завистник тот, кто вчера пытался сбросить моего брата с высоты. Не для того ли, чтобы самому взгромоздиться в это кресло?

— Да пусть он сидит в нем еще сто лет. А вчера...

своим выступлением я спасал доброе имя своей жены, на которую Шерзод пытался свалить вину за свой ничемный проект.

Аброр коротко рассказал о том, что вчера случилось с Вазирой на обсуждении и после обсуждения, не скрыв и того, что она сейчас лежит больная: будущие родственники должны и это знать.

Тут вдруг приоткрылась дверь с шелковой занавеской, на ручке двери показалась изящная девичья рука. Нигора не стала выходить в коридор, постеснялась показаться Аброру в домашнем халатике и с заплаканным лицом. Но молчать она больше не могла:

— Извините нас, Аброр-ака!.. Столько неприятностей и мучений мы вам всем причинили... Передайте, пожалуйста, Шакиру... Завтра я пойду в загс, чего бы это ни стоило, пойду!..

— Пойдешь, если мы тебе разрешим,— жестко осадила мать.

— Мамочка, вы тоже все слышали... Зачем вы вернули свадебные подарки?

— А почему они... почему такой ширпотреб покупают? Мы для жениха из заграничной парчи чапан шили. Костюм японский купили... А они какого-то местного производства кофты-мофты послали... Не будет наша дочь одеваться в тряпье!

— Ничего не надо, мама! Зачем вы все в торговлю превращаете?! Мне стыдно! Стыдно! — Нигора громко заплакала за дверью, но продолжала говорить сквозь рыдания: — Если вы... не прекратите... уйду из этого дома! Убегу! Выброшусь с балкона... Мне стыдно!

Шерзод сделал знак сестре, и та исчезла в комнате за стеклянной дверью. Аброр вопросительно посмотрел на Мухтара.

— Аброр Агзамович... вправду... вышло нехорошо.— Мухтар развел руками.— Дело не в подарках, конечно, но... надо было все недоразумения выяснить... Хорошо, что вы зашли... Пройдемте в гостиную... а то в коридоре все стоим... Шерзод Исламович, пригласите и вы нашего гостя в комнату.

— В другой раз, Мухтар-ака, спасибо. Сейчас я спешу на работу.

— Ну... — Шерзод замялся, прислушался к тому, как затихал плач Нигоры.— Раз молодые крепко держатся друг за друга... мы... вообще-то говоря... хотим того или нет, но оказываемся в одной упряжке.

— Вы верно сказали, Шерзод Исламович! — Мухтар сразу ухватился за эти слова. — Свадьбу сыграть надо.

— Но достойно! — Шерзод бросил на Аброра неприязненный взгляд. — Ты же любишь разглагольствовать о верности традициям, Аброр. Щедрость и широта — вот наши традиции.

— Душевную щедрость и нравственную чистоту — вот что я прежде всего ценю в традициях! В этом и будем проверять наши взаимоотношения, верно, Мухтар-ака?

Мухтар согласно кивнул головой.

Приостановленная было «свадебная машина» снова заработала. В субботу молодые должны были отправиться в загс. Вазира хоть и встала с постели, но ехать с молодыми не могла — врачи не разрешили выходить на улицу. Шакир сидел (томясь от сорокаградусной жары!) в своем черном парадном костюме. В час дня трое его друзей прикатили на новеньком «рафике». К ним присоединился Алибек с Насибой. Аброр ехал во главе на своих вишневых «Жигулях».

Договорились, что в загс поедут по пять человек со стороны жениха и столько же со стороны невесты. Но у подъезда, откуда должна была выйти Нигора, собралось гораздо больше молодых людей. Они окружили наряженную в белое невесту.

Шествием невесты руководил, конечно, Шерзод. Он небрежно кивнул в ответ на приветствие Аброра, строго заметил Шакиру:

— Транспортом жених обязан обеспечивать всех гостей. Истина известная. Это ведь свадьба, а не просто собрание...

Отец Нигоры до блеска надраил свою и без того новенькую белую «Волгу». По распоряжению Шерзода эту машину обтянули лентой, впереди, над бампером, взгромодили модный символ — пластмассовую куклу.

Мухтар-ака отдал Шерзоду ключ от своей «Волги» — она предназначалась жениху с невестой. Шерзод, прежде чем сесть за руль, произнес перед кружком шоферов маленькую инструктивную речь:

— Будете следовать за мной. Как только тронемся с места, сразу же пускайте в ход клаксон. До тех пор, пока не выедем на трассу, понятно? Пусть все во

дворе и в домах знают, что происходит большое событие!

Шоферы засмеялись:

— Попятно!

— Погудим!

В машину к Аброру сели Алибек с Насибой. «Жигули» следовали за «Волгой» через две машины. Аброр не сигнализировал, конечно. Ворчал:

— Чего расшумелись? Стыдно...

— Это, видно, какой-то новый обычай, — предположила Насиба. — Раньше так сигнализировали, когда умирал какой-нибудь таксист и товарищи провожали его на кладбище.

— Для Бахрамова и в этой церемонии главное показуха, — заметил Аброр.

А сколько пришлось вытерпеть Аброру, пока Шакир с Нигорой регистрировались в загсе! Фотограф по указке Шерзода то и дело останавливал жениха и невесту, множество раз щелкал аппаратом, едва ли руку не протягивал за деньгами после каждого кадра. Стороне жениха, то бишь Аброру, знай только расплачивайся. Затем новобрачные и гости зашли в уютный зал кафе при Доме бракосочетаний. Людей там было немного, большинство столов стояли свободные. По просьбе Аброра официантка соединила четыре стола вместе. Жениха и невесту посадили на почетное место. Насиба взяла из рук Нигоры роскошный букет алых роз и поставила его в вазу посередине стола. В глубине зала сверкал стеклом и никелем буфет, откуда принесли несколько бутылок шампанского, минеральной воды. На столе появились бутерброды, пирожные, фрукты.

Уверенный в том, что всем еще предстоит большой пир в ресторане, Шерзод сказал Аброру:

— Хватит, хватит, здесь мы посидим всего несколько минут.

— Как хотите! — Аброр протянул официантке деньги, отправил ее к шашлычнику на улицу, где вкусно дымил мангал.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Аброр вернулся домой в веселом настроении.

Вазира разговаривала по телефону:

— Павел Данилович, одну минуточку... Вот он приехал... Я ему передаю трубку. — Закрыв микро-

фон ладонью, шепнула Аброру: — Наш московский гость... Я его приглашала... Обещала познакомить с вами...

И он, Аброр, хотел бы поближе узнать человека, который столь неожиданно поддержал его на обсуждении, да еще и против себя, против своих первоначальных намерений не побоялся пойти.

— Павел Данилович, как хорошо, что вы нашлись! Я раза три звонил вам в гостиницу! — закричал в трубку Аброр.

С того конца провода послышался сильный гудящий голос:

— Да я мало бываю в гостинице. Друзья-метростроевцы то на консультацию, то на прогулку зовут... скучать в номере некогда.

— А сегодня вы свободны? Мы с Вазирой очень хотели бы видеть вас у себя.

— Я бы с удовольствием... Но, знаю, Вазира Бадаловна прихворнула. — Катинов заговорщицки понизил голос. — Мы, мужчины, толстокожи, да-да... я как узнал подробности, почувствовал себя неловко. Недогадливый пень, ей-богу. Приехал защищать, а выходит — страшно подвел женщину да еще не сразу это и понял.

— Совсем наоборот, Павел Данилович, вы сделали доброе дело не только для меня, но и для Вазир. Если вы приедете к нам, она сама вам это же скажет.

— Ну, пусть сперва Вазира Бадаловна окрепнет хоть малость. Впрочем... я собираюсь уезжать послезавтра, мог бы завтра с утра нанести вам, так сказать, кратковременный визит.

Аброр прикинул: свадебные хлопоты не один день занимают, завтра — самая кульминация. А что, если...

— Павел Данилович, завтра мы женим моего младшего брата. Вот и приглашаем вас не просто домой, а на свадьбу. Согласны?

— А я не буду вас отвлекать от забот? Не помешаю?

— Я думаю, ваше участие, наоборот... поднимет тонус.

— Ну, вы настоящий обольститель, Аброр Агзамович: мне очень хочется увидеть узбекскую свадьбу, о которой я столько слышал.

Аброр обещал заехать за Павлом Даниловичем в восемь.

Кооперативный дом оставил от прежнего большого двора лишь лоскутки свободной площади, но аксакалы изловчились и выкроили площадку, чтобы можно было проводить по обычаю свадьбы и другие многолюдные торжества. Старый тандыр для выпечки лепешек был перенесен в какой-то закуток общего двора. Знаменитый пекарь, он же водитель «поливалки», сегодня ночью приготовил тесто, рано утром развел огонь в тандыре, и — вот вам более двухсот лепешек, вдыхайте их аромат, радуйтесь, люди добрые!

С вечера появились на площадке табуретки, длинные столы — путешественники со свадьбы на свадьбу, скамейки. Установили все это хозяйство из расчета на двести человек... И закипела работа на общем дворе! Парни всей махалли резали морковь для плова, в чугунном котле жарили мясо, тоже для плова. На столах уже утречком расстелили льняные скатерти, появились фрукты, горячие лепешки. Прямо на земле стоял, пуская пар, сорокалитровый самовар, купленный на общие деньги. Сорок фарфоровых чайников и сотни пиал готовы были дать людям спасительный напиток.

Еще до восхода солнца человек сорок аксакалов пришли первыми отведать плов. По одну сторону — отец невесты и старший дядя, по другую — Агзам-ата и его старший сын Аброр, почтительно приложив к груди руки, встречали гостей-аксакалов.

Потом Аброр помчался в гостиницу за Павлом Даниловичем.

Во дворе играла музыка, выделялся высокий протяжный звук сурная, нервно отбивала ритм нагара — грушеобразный барабан... Все это было ново и интересно для Павла Даниловича. Сперва поливали ему воду на руки из красивого медного кувшина, дали чистое полотенце, и он тщательно вытер их. Потом посадили его на одно из почетных мест, перед большими атласными и бархатными коврами — сюзане, на которых красовались удивительные узоры, вышитые разноцветным шелком.

Аброр протянул Павлу Даниловичу пиалу:

— В жару хорошо пить зеленый чай, Павел Данилович. И фрукты берите... У нас сегодня традиционный плов. Подчас мы жалуемся — зачем с утра есть жирный плов? Но этот обычай придуман не интеллигентами, сидящими за письменными столами. Чтобы целый день махать тяжелым кетменем, нужно было

много физических сил. И лучше было поднабрать их с утра.

— Да и нам врачи советуют самые калорийные блюда есть с утра.

— Тогда вот, пожалуйста, Павел Данилович... Тут сверху плова кружочки вроде колбасы. Это казы.

— Из конины, знаю, знаю... Я пробовал казы в Москве в ресторане «Узбекистан».

Аброр начал есть плов с блюда, которое было поставлено между ним и Павлом Даниловичем.

— Из одного блюда — лягана, по-нашему, — плов едят обычно двое. Но, может быть, вам удобней с отдельной тарелки?

— Нет-нет, как положено, так и будем есть. И хорошо, что без выпивки, Аброр Агзамович. А то с утра в такую жару...

— Да, только плов, фрукты и чай.

Павел Данилович обратил внимание, что те кто приходил на утренний плов, не засиживались более двадцати минут: исполнили долг, отдали дань уважения, а потом вставали, благодарили и уходили по своим делам.

На небе уже с утра ослепительно сияло солнце, день обещал жару до тридцати пяти градусов в тени! Но воздух был сухой — дышалось легко. Павел Данилович чувствовал себя уверенно и весело. И во дворе, и потом в квартире Аброра, где гостя и мужа уже ожидала Вазира.

Стол был накрыт. Павел Данилович обратил внимание на то, как скромно одета Вазира и как трогательно смущенно она держится, не думая о том, что и это смущение ей очень идет, она кажется совсем юной.

Аброр открыл шампанское, разлил его по бокалам.

— Павел Данилович, вы сейчас находитесь, как говорится, в восточной семье. Семейная жизнь здесь, на Востоке, для посторонних глаз подобна невидимой стороне луны. Но так случилось, что вы своим приездом и своим выступлением там, на... дискуссии, невольно оказали воздействие на невидимую сторону...

Аброр увидел, как опускает глаза Вазира, как зарделось ее лицо. Вазира, перехватив нить разговора, продолжала:

— Давайте подыдем бокал за нашего гостя. Сами того не ведая, Павел Данилович, вы помирили меня

с мужем... Его победу сейчас я чувствую, как свою. Так вот, мой тост... Чтобы этого больше никогда не было и чтоб каждый из нас поступал всегда так же принципиально, благородно, как Павел Данилович. За нашего гостя!

Павел Данилович поднял бокал с приятно охлажденным шампанским. Что греха таить: он любил добрые напитки, придающие человеку веселое, приподнятое настроение. Он любил красоту жизни, природы, дружеского застолья. А тут на столе переливались то мягкими, то пылающими красками персики, золотистый инжир, алые ломти арбуза, кисти матово-черного винограда, и рядом сидели — Павел Данилович чувствовал это — по-настоящему искренние люди.

— У вас какое-то сказочное изобилие, Вазира Бадаловна! Скажу вам откровенно: готовился услышать от вас упреки... ну, пусть скрытые, пусть намеком. А вы такое мне сказали, что уж и не знаю... Праздник в душе, и все тут!.. Сказка? Нет, я вижу, добро и красота вполне и в жизни совместимы.

Прерывая Катинава, загремел звонок в коридоре. Слышно было: Малика вышла открывать дверь, ее приглашение войти перебил глуховатый голос Агзама. В гостиной появился Зафар и по-узбекски сказал Аброру тихо, что дедушка просит на минутку выйти к нему.

Аброр извинился перед гостем, пошел к отцу. Агзам-ата сидел на кухне, сгорбленный, никак не мог отдышаться после того, как поднялся к ним на третий этаж.

Ах эти свадебные хлопоты! Уже несколько дней Агзам-ата почти не спит. Вчера у себя на участке они задали утренний плов для двухсот человек. Вчера же Агзам-ата ездил на загородный базар — за баранами для свадебного пира. Сегодня тоже с пяти утра на ногах: у дома невесты встречал и провожал тех, кто приходил на утренний плов. Часам к одиннадцати думали завершить все это дело, и Агзам-ата рассчитывал, что с его плеч упадет груз забот, появится возможность вздохнуть с облегчением. Да тут на своих белых «Жигулях» прибыл Шерзод Бахрамов. Хмуρο посмотрел на отца Нигоры, что встретил шурина тоже без особого восторга. Но распорядитель свадьбы есть лицо важное.

— В багажнике у меня усилитель с микрофонами, выгрузите их.

Выгрузили из машины аппаратуру, упакованную в картонные коробки. Шерзод между тем взялся за Агзама:

— Ата, почему вы... позорите нас?

— Э-э... как так... что мы сделали плохого?

— После загса все уважаемые люди устраивают обед-банкет в ресторане. А ваш сын Аброр поспешил!

— Не говорите так! В нашем роду нет скупых. Вот сегодня... большого барана, мешок риса... и другие продукты... всего на пятьсот рублей привезли сюда. А помните, вы просили денег для подарков матери, и мы дали эти четыреста рублей!

— А наряды невесты? Ваши кофты и пальто никуда не годятся! Мы идем вам во всем навстречу, а вы... Вон ваша жена пожелала, чтоб на головном уборе жениха красовались совиные перья, — так наши измучились, пока их отыскивали, все улочки Старого города обегали, но нашли наконец, купили — по пятнадцать рублей за пару перьев!

— Будь она неладна, моя старая... вполне могли обойтись без этой совы...

— Нет, не могли. И мы пошли навстречу... А вы обещали, что пригласите знаменитых певцов. Что же оказывается? Мы узнали, ваш сын пригласил ребят из самодеятельного кружка! Это просто издевательство! Чем хуже других девушек моя племянница?

— Тот знаменитый певец, который обещал к нам прийти, заболел. Что нам оставалось делать?

— Он разве единственный, других знаменитых певцов нет, что ли? Тот, кто не скупится, находит... Или вам помочь деньгами, ата?

Агзам побледнел.

— Э-э... Бахрамов, сколько хотите возьмите денег с нас, а оскорблять не надо! Пригласите того певца, которого вы... ждете!

— Если у вас еще есть деньги, отдайте их вашему сыну! Пусть найдет певца сам.

Агзам-ата уже истратил все свои, вчера занял у младшего зятя триста рублей. Подумав о том, что возьмет в долг еще и у старшего зятя, бросил:

— Хорошо! Мы найдем!

— Вечером, когда приедете за невестой, — продол-

жал приказывать Шерзод, — с вами должны прибыть карнайчи и сурнайчи — в барабаны чтоб били — тоже двое. Иначе не примем жениха! Запомните, ата!

Агзам-ата наконец рассердился. Встал с места, давая понять, что больше говорить не желает.

— Э, сын Ислама, внук Бахрама! Говоришь, словно торгуешь на скотном базаре! Ради своей невестки мы сделаем все, что надо. Агзамовы не из тех, что дрожат над рублями и тряпками!

Агзам-ата рассказывал обо всем этом Аброру с негодованием и волнением.

— Да плюньте вы на этого Бахрамова! — вспылил Аброр. — Все будет как надо! Все идет хорошо! Пойдемте выпейте с нами чаю.

— Нет, дай мне здесь, на кухне, пиалу холодной воды, да побегу я к старшему зятю.

— Лучше выпейте чаю. Посидите с нами, отдохните. Гость очень хороший человек. Он же слышал вас и видел. Его не надо стесняться.

Аброр взял отца под локоть, привел в гостиную.

— Вот, Павел Даниилович, вы говорили о празднике... о сказке. А мой отец возвращает нас в реальный мир.

И пока Агзам-ата пил зеленый чай, Аброр пересказал гостю, что происходит.

— У нас свадьба... много хлопот, добрый гость, — подтвердил Агзам-ата. Он хорошо все понимал, но говорил по-русски не без труда. — Надо — дом свой заложить, но что просит семья невесты — сделай... Иначе не джигит!.. И карнай-сурнай нужно, артист знаменитый нужно, найдем!

— Но это предрассудок, отец! — возразил Аброр. — Зачем развращать артистов легкими большими деньгами? Тысячи рублей за вечер выбросить! Кто это может? Спекулянты, вообще те, кто с жиру бесятся! Пригласим музыкантов. А певцов знаменитых не надо, отец!..

— Нет, Аброр, я слово дал! Если ты не разыщешь, я сам пойду искать!..

— Хорошо, отец, я постараюсь. Вы успокойтесь, отдохните, посидите вот с нашим гостем.

Агзам-ата выпил еще чаю и тяжело поднялся.

— Мне надо сейчас к сурнайчи, сынок. Не один, оказывается, — пара сурнаев сегодня вечером должна играть.

Еще раз Агзам-ата пригласил Павла Даниловича на вечерний той. И ушел неверным шагом, усталый, измученный.

Павел Данилович сказал Аброру:

— Сказка сказкой, а видно, везде есть корыстолюбцы. Любую прекрасную традицию можно извратить...

— Бахрамов, кажется, не случайно выбрал моего отца своей мишенью. Я теперь боюсь за старика. Ведь Бахрамов только внешне кажется мелким и неопасным. А по сути он тихо подкрадывающийся охотник. Он сумел пайти беззащитное звено в нашей семейной цепи и играет на предрассудках.

— Ну теперь, Аброр Агзамович, поедете искать знаменитых артистов-певцов? — спросил Павел Данилович.

— Не поеду! Не нужен нам этот тысячерублевый предрассудок! Успокоил отца, и ладно. Нехорошо — понимаю. Но уступить Бахрамову — еще хуже! И так уж сколько других излишеств в этой свадьбе вынужден брать я на себя из-за бахрамовского распорядительства!

Узнав, что невеста Шакира приходится племянницей Бахрамову, Павел Данилович вдруг встрепнулся:

— О, тогда я должен рассказать вам один эпизод... Прилетаю я из Москвы, и тотчас Шерзод Исламович повез меня к себе домой. Прямо из аэропорта. Говорит, тетушка из кишлака привезет свежий кумыс. Когда мы приехали к ним, дверь в квартиру оказалась закрытой. Ключа нет. Оказывается, десятилетняя дочь Бахрамова его потеряла. Старая женщина с цветным мешком сидит на ступеньках лестницы. И девочка сидит. И тетя и девочка друг друга корят. Бахрамов достает из кармана ключ, хочет открыть замок. А ключ не лезет в отверстие. Оказывается, девочка, потеряв ключ, попыталась открыть замок гвоздем. А гвоздь сломался, и часть его осталась в замке... Отец с дочкой разговаривают по-русски, я все понимаю. А старая тетя из кишлака говорит только по-узбекски, жестикулирует, что бурно объясняет Шерзоду Исламовичу. Девочка обвиняет ее: это она, мол, заставляла открывать замок гвоздем. А та отнекивается. Потом Бахрамов мне объяснил. Произошло, мол, между ними недоразумение.

Девочка не знает по-узбекски, а тетя не знает по-русски. Они и не поняли друг друга... Ну, в общем-то, Шерзод Исламович нашел выход: залез через соседний балкон к себе в кухню, при этом рисковал упасть с третьего этажа на бетонку внизу. Запертую стеклянную дверь кухни кое-как тоже преодолел, замок открыл изнутри. Вот с такими приключениями мы попали к нему домой. Но я не о них рассказываю. О другом. Ну, сели, попили кумыс — он оказался на редкость вкусным, от него шел удивительный запах трав. А девочка и тетя все дуются и дуются друг на друга. Я знал, что жена Бахрамова тоже узбечка, ну так спрашиваю у него, почему же это дочка, живя в Ташкенте, не знает языка родителей? Тут Шерзод Исламович отвечает: «Мы дома разговариваем только по-русски. Так привыкли». Говорит это Бахрамов и смотрит на меня так, будто я должен прийти в восторг от его слов. Не знаю, за кого он меня принимал. Русскому человеку приятно видеть, что люди другой национальности наряду с родным языком владеют и русским: говорят, читают, тянутся к нашей культуре. Вот у вас в семье слышу и узбекскую речь, и русскую. Вы легко, естественно переходите с одной на другую. Я даже удивляюсь этой легкости.

— Да мы и сами не замечаем, как это происходит, — сказал Аброр. — Верней, не задумываемся... Оба языка для нас... ну как две руки.

— Язык своего народа — это вроде ключа от собственного дома, — улыбаясь, продолжал Павел Данилович. — Потеряешь его — и придется лезть через балкон, как Бахрамов... И смешно было, и в то же время я чувствовал себя тогда с ним неловко. Уж очень льстец большой. Я это сразу понял. И не без корысти, конечно. Я был нужен Шерзоду Исламовичу как сторонник его проекта, так вроде бы считалось. Ну, а после обсуждения он меня уже не узнает.

— Да, Павел Данилович, мы еще не представляем себе, до какой степени корыстолюбие и эгоизм способны осквернить святыне наши понятия. Использовать их то как ширму, то как щит, то как палку, чтобы ударить неугодных людей, а порой и обвинить в чем-либо, например, в национальной ограниченности.

— Я про вас, Аброр Агзамович, многое успел услы-

шать хорошего. Мне крепко запомнился утренний наш разговор в машине,— задумчиво сказал Павел Данилович.— Ну, об антисейсмических поясах ташкентских домов... когда вы сравнили их с прочным, как алмаз, нравственным «держателем» каждой настоящей семьи.

Вазира заметила:

— Да, это его любимое сравнение.

— Вот и мне оно понравилось, Вазира Бадаловна. Семья... если взять ее пошире... все народы нашей страны живут в единой семье, не так ли?.. Вчера вот гуляю по Ташкенту, по улице Ленина, ну, фактически по бульвару — целому парку в центре города. Там я увидел чорбог. «Четыре сада» буквально, да? Вы знаете, конечно, узбекский чорбог в классическом стиле немого по-другому делался, но здесь взята основная идея. Четыре разновидности сада как четыре стороны света — восток, запад, юг, север. На востоке — японский сад. Я сразу узнал его характерные приметы по каменным завалам, вроде беспорядочным, и струящейся воде. На западе — французский. Он тоже вполне узнаваемо сделан. В северной стороне — русский пейзаж с белой березой. А рядом — узбекский сад с пирамидальными тополями и навесом из виноградных лоз. Чорбог — интересная задумка! Так вот, весь Ташкент — это сад, скрепленный алмазно прочным поясом братства и дружбы... Я хочу выпить, друзья, за Ташкент!

Аброр налил в бокалы игристое шампанское.

— Надо выпить, Павел Данилович, обязательно надо. Только можно мне, ташкентцу, добавить? Новый Ташкент строила вся страна, каждый народ внес в его сокровищницу свой алмаз, превратив нашу столицу в великий алмазный пояс.

Павел Данилович поднял бокал:

— Так за алмазный пояс Ташкента!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В четыре часа ночи Аброр пробудился от сна: резко и тревожно звонил телефон. Спотыкаясь обо что-то в темноте, он добрался до аппарата на столе, ощупью нашел и снял трубку.

— Аброр-ака... быстрее приезжайте к нам...

— Шакир? Это ты?.. Что случилось? Почему ты так...

— Отец... Был совсем здоров... Вчера даже ходил сторожить... А ночью... внезапно...

Аброр не хотел верить в смерть отца, хотя мысль о смерти молнией пронеслась в еще отуманенном сном мозгу.

— Доктора вызвали? Или мне привезти доктора?

Шакир плакал, уже не скрывая слез от брата:

— Я сейчас... Сейчас!

Проснулась и вскочила с постели Вазира. Включив свет, подошла к мужу и увидела, как мелко дрожит Аброр. Налила ему холодного чая из чайника, смутно догадываясь о случившемся.

— Выпейте... успокойтесь... хоть немного...

Аброр побоялся спросить у брата, жив ли еще отец, но сердце подсказало ему, что произошло самое худшее.

И пока они спешно с Вазирой собирались, пока в темноте шагали к железному гаражу, оставив дома сладко спавших Зафара и Малику, перед внутренним взором Аброра не переставая вспыхивали и гасли кадры: усталый отец на строительстве участка; изможденный отец с винтовкой в сторожевой будке среди большой стройки; бегают-сует отец на свадьбе Шакира... Уже неделя, как отшумела свадьба. Аброр, встревоженный состоянием здоровья отца, хотел показать его докторам, но вновь нахлынули заботы с Маликой. Хотя она последние экзамены сдала прекрасно, опасались первой тройки. Да и Вазира еще толком не оправилась от болезни. И вот только вчера наконец выяснилось: по решению приемной комиссии Малика стала студенткой...

— Все надо было бросать к черту,— говорил сейчас Аброр в горечи и ярости,— а отца везти к докторам!

— Но и сам он мог бы сходить к докторам, просто он их не признает, не любит к ним обращаться.

Вазира говорила о свекре как о живом человеке, и это звучало как-то обнадеживающе. Успокаивает его? А может, и правда еще не поздно?

Однако, вылезая из машины у ворот дома на Бешкайрагаче, они слышали безнадежные рыдания Ханифы.

На свадьбе младшего сына Агзам-ата чувствовал себя очень скверно. Думал, придет в себя, отсидев одну смену в сторожевой будке. Пошел на работу, как обычно, на вторую стройку. «Хватит, отец, хватит, дом-то уже стоит!» — сказал ему вчера Шакир. Отец же ответил: «А долги? Вот рассчитаемся с ними, тут же брошу работу». Вчера ночью, когда обходил стройплощадку, внезапно потемнело в глазах. Присел на грудку кирпичей, перевел дух. Но тяжелая боль в груди не исчезла. До дома-то от ворот было метров двести всего, но ему не хватало воздуха, и дважды по пути он останавливался, переждал, когда пройдет острый приступ боли.

Дома не помогли ему ни заботы Ханифы, ни чай. Агзам-ата потерял сознание, и когда Шакир прибежал с врачом, что жил на соседней улице, отец был уже мертв.

— Он сгорел словно свеча. — Врач сокрушенно покачал головой. И добавил, помолчав: — Хорошо жил и умер по-мужски... Не надо горевать и убиваться...

Аброр увидел безжизненное тело дорогого человека, еще вчера ходившего по земле, делавшего столько добра людям, и навзрыд заплакал:

— Отец!.. Я не успел!.. Отец!

Но и от этих рыданий взрослого сына Агзам-ата не открыл глаза и ничего уже не сказал любимому старшему своему. Отца, мудрого от природы человека, всегда готового помочь каждому, не стало. Ощущение безвозвратной потери, беспощадности, с которой обошлась судьба, постепенно охватывало Аброра.

Перед неотвратимостью смерти все житейские заботы казались мелкими и ненужными. Но они были и есть, а теперь еще больше их стало...

К обеду весь двор заполнили люди. По обычаю тело, обмыв, завернули в белый саван, открытым оставили одно лицо. Положили тело на широкие носилки, покрытые материей, а поверх набросили новый бекасамовый чапан. Агзам-ата всего раза два и надевал его. Плач и рыдания женщин взметнулись ввысь, когда носилки выносили со двора. За ними шло много людей — больше трехсот человек. Аброр, Шакир, другие самые близкие родственники покойного в тонких летних чапанах, подпоясанных матерчатыми кушаками,

шли на десять — пятнадцать шагов вперед. Встречные автомашины и даже трамваи останавливались перед похоронной процессией, неподвижностью и молчанием своим отдавая дань уважения покойному.

Так всю трехкилометровую дорогу от Бешкайрагача до кладбища Кукчи носилки переходили с плеч на плечи, с рук на руки и ни разу не были опущены на землю.

Но вот старики закончили свои обряды. Тело покойного опустили в могилу. Старший зять собрал в кушак немного земли, раздал тем, кто нес носилки. Потом снова собрал эту землю и высыпал ее на могилу. Чтоб тепло ладоней тех, кто пришел отдать последние почести, перешло земле.

После того как тело было укрыто в нише и вход в нее закрыт кирпичами, могилу, глубиной в рост человека, засыпали землей. По обычаю первыми это должны были делать сыновья. Аброр взял в руку кетмень, обрушил вглубь на краю лежащий ком земли; и от этой жестокости, когда родной сын собственными руками должен зарывать отца, у Аброра, быть может впервые, вдруг онемели ноги и закружилась голова... Аброр передал кетмень кому-то, а сам с трудом отошел в сторону.

А во дворе, где совсем недавно играли свадьбу, теперь справляли поминки. И опять был расстелен дастархан, и опять светлый большой самовар пускал пар, в маленьких чайниках заваривался чай для всех тех, кто приходил сюда, чтобы сказать слова соболезнования семье покойного, опять люди ели лепешки, а на столах красовались фрукты и сладости.

Все было, только не было больше мираба Агзама. Как примириться с мыслью, что уходят лучшие?.. Эти чертовы стрессы, полосы житейских переутомлений, невзгод... Не полосы. Штормовой силы волны. Сам Аброр выздоровел, поднялся — Вазира заболела. Вазиру удалось спасти, а вот отца... Аброр чувствовал, что трудно отцу, не выдержать ему, но упустил время... Почему не сумел опередить, подготовиться отразить эту волну?

Безответные вопросы вызывали неутраченную боль в душе. Лишь на время Аброр возвращался к действию-

тельности, вспоминал проблемы, которые не исчезали продолжали существовать.

Директор Сайфулла Рахманович, позабыв все прежние их с Аброром стычки, явился рано утром в день похорон, шел вместе со всеми пешком до кладбища. Были здесь и Сергей, и Фарид, и Хатам Юлдашев, и сослуживцы. И каждый говорил:

— Надо привыкать, Аброрджан, родители уходят...

— Будьте мужественны, Аброр Агзамович...

— Мы разделяем ваше горе!

Среди родственников, которые встречали и провожали пришедших, вьюном крутился и Шерзод Бахрамов. Он тоже был опоясан, правда не поверх халата, а по тенниске опущенным шелковым белбогом — траурным кушаком. Лицо он старался делать скорбное, но иногда бросал украдкой на убитого горем Аброра едва ли не злорадный взгляд. А, обращаясь к людям, Шерзод, как подобает, демонстрировал всепрощающую свою мягкость.

Вечером после похорон приехали в дом покойного представители главного управления во главе с Садриевым. Шерзод первым поспешил к ним на улицу, остановился перед машиной.

Садриев хмуро с ним поздоровался, начал искать глазами Аброра. Шерзод тут же сообщил:

— Аброр Агзамович во дворе. Я сейчас его позову. Вы заходите во двор, Наби Садриевич, пожалуйста!

Аброр увидел Садриева, когда тот входил в ворота. Пошел навстречу гостю. Садриев быстрым шагом приблизился к Аброру, пожав руку, выразил свои соболезнования. Между тем Шерзод подозвал из группы женщин, находившихся на террасе-айване, Вазиру. Знаком показал ей на Садриева.

Вазира была в легком черном платке и черном платье. Траурный наряд особенно подчеркивал бледность ее лица. Садриев чувствовал себя сейчас виноватым перед этой усталой, поникшей и даже сейчас красивой женщиной. Она всегда привлекала его, вызывала внутреннее восхищение своим умом, независимостью.

— Вазира Бадаловна, примите мои соболезнования. Очень тяжело, но так уж мир устроен, — сказал

Садриев.— В этот час мы все решили быть рядом с вами...

— Благодарим.

Шерзод сообщил Вазире:

— Наби Садриевич двух молодых парней в помощь вам прислал и на два дня дал «рафик». Чтоб машина дежурила здесь.

Вазира еще раз выразила свою признательность Садриеву. Внимательно посмотрела в глаза Шерзоду. Учтивый родственник... Другой бы мучился угрызением совести — ведь это он, Шерзод, совсем недавно безжалостно гонял свекра за музыкантами да певцами... А сейчас делает вид, что сочувствует. «Бетонный человек,— так его Аброр однажды называл.— Защитился от мук душевных и рефлексий плитой эгоизма и живет себе припеваючи». Поймала себя на мысли, что думает точно так же, как муж.

Она беспокоилась уже за мужа, хотела поговорить с ним наедине, ободрить.

Вазира почему-то вспомнила и другое выражение Аброра — «озоновая защита». Она, эта защита, простирается над всей землей, над всем живым на ней. Но и в душах людских она необходима: от того, какими будут души человеческие, зависит благополучие планеты.

Вазира искала глазами Аброра. Как плохо он выглядит, как мучительно переживает потерю отца! Тихо, чтобы муж не слышал, попросила начальника:

— Наби Садриевич, поговорите с Аброром, пожалуйста... отвлеките его, прошу вас...

Наби Садриевич с пониманием кивнул. Вазира тихоенько вернулась назад, на айван, к женщинам.

До машины Садриева провожали безучастный Аброр с одной стороны и Шерзод — с другой.

Садриев взял Аброра за локоть:

— Аброр Агзамович, добрая весть в трудный момент поднимает дух человека. Я бы хотел сообщить вам и Вазире Бадаловне одну новость...

— Позвать жену?

— Лучше вы ей сами потом передадите... Ну, у всех в памяти, конечно, дискуссия. Справедливо нас тогда ударили... И сейчас мне больно оттого, что я слишком сурово упрекнул Вазире Бадаловну.

— Но вы тогда, примерно, тоже были правы, — заметил Шерзод.

Садриев отвернулся от него. Говорил дальше так, будто Шерзода здесь и не было:

— Вы интересовались судьбой Ганчтепе — возвышенности на берегу Бозсу, помните?

Аброр будто из другого мира возвращался к давним спорам:

— Да, помню, мы говорили как-то об этом холме с нашим директором.

— Так вот, там вскоре будут устанавливать памятник жертвам землетрясения — «Мужество». И наше предложение, чтобы на Ганчтепе построить музей Дружбы народов, одобрено в инстанциях. С правой стороны комплекса решено проложить небольшое новое русло.

Это известие явно обрадовало Шерзода. Агзамов же отнесся к новости весьма сдержанно, но несколько улучшилось его настроение, когда Садриев добавил, что историческое русло Бозсу будет здесь сохранено, живописные излучины его останутся, какими были издревле, а по новому бетонированному руслу потечет лишь часть воды канала, давая возможность лучше регулировать общий водосток, образовав островок с красивыми пешеходными мостками-связками.

— Ландшафтно-архитектурную часть работы над всем этим комплексом мы просим принять на себя вас, Аброр Агзамович. Ну, и раз в этом комплексе будет частично использована идея нового русла Бозсу, то в составе авторской группы будет и Вазира Бадаловна... и товарищ Бахрамов. — Садриев наконец взглянул и на Шерзода. — Мир... Тесен мир, Аброр Агзамович. — Садриев попытался улыбнуться. — Вот вы даже стали родственниками с Шерзодом Исламовичем. И все мы работаем в одном творческом союзе. Чинары, посаженные рядом, бывает, отклоняют ветви друг друга, а всю жизнь все-таки растут рядом.

Аброр безучастно кивал головой. Думал о чем-то своем, далеко. Шерзоду опять пришлось отвечать на душевные слова Садриева, словно от всей, породненной теперь, семьи:

— Вы совершенно правы, Наби Садриевич! Мы должны работать дружно, в одной упряжке! И тогда нет проблем, которых...

— Нет, и проблемы, и заботы есть... товарищ Бахрамов. Раз в одной упряжке, так и арбу тащить надо всем честно.

Замечание Садриева заставило примолкнуть Шерзода.

Аброр же смотрел сейчас на все текущее, сегодняшнее из какой-то далекой-далекой дали, откуда впервые отчетливо дошло до него понимание того, как коротка жизнь человеческая и как преходяще и маловажно многое, из-за чего люди волнуются, спорят...

Аброр сказал глухо и размеренно:

— Наби Садриевич, спасибо вам за участие. Добрую вашу весть я передам Вазире.

— Держитесь крепче, Аброр Агзамович! Вы же мужественный человек! Впереди у вас много хорошего... Недалек день, когда мы будем претворять в жизнь и проект вашего культурно-этнографического комплекса. Помните, конечно, одно из любимых ваших детищ?

Как-то очень отдаленно подумал Аброр и об этом своем проекте. Вблизи, прямо перед глазами, все время стояли кадры-воспоминания: отец, отец, отец... Где ты теперь, отец?

В этот вечер Аброру несколько раз приходила на память одна картина... Мальчиком еще он вместе с отцом следил за пролетающими журавлями. Это было за городом, весной, в дождливый день. Небо затянули облака, и журавли летели очень низко. Аброр тогда впервые увидел, какие у них длинные шеи, какие это большие птицы.

Журавли быстрее обычного взмахивали длинными крыльями. Раз-два, раз-два, раз-два! Клин то разрывался почти надвое, когда птицы отдалялись одна от другой, то снова сжимался, становился единым целым. Порой один или два журавля вообще отставали, а потом снова догоняли сородичей.

«Почему они летят так беспокойно, папа?»

«Сам удивляюсь. Наверное, крылья намокли. Видно, долго летят под дождем».

«А почему они не спустятся отдохнуть?»

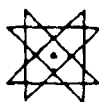
«Тут кругом дома. Вот, смотри, повернули к Бозсу. Может, там спустятся».

Да, журавли тогда летели беспокойно, тяжело; вершина и концы треугольника-клина перемещались то вправо, то влево. Но курлыканье больших птиц, как

обычно, звучало ясно и чисто. Они привыкли к таким трудностям за время длительных своих перелетов. И сколько бы страданий им ни выпадало, спокойными, мирными голосами переговаривались они меж собой и продолжали полет.

Последние годы жизни отца напоминали Аброру тот, из детства, полет журавлей. У него, у сына, характер отцовский, это Аброр знал, об этом ему многие говорили. Ну что ж, значит, надо теперь суметь жить и за себя, и за отца.

1975—1982

Стр. 10. *Хондамир* (Хондемир) Гияс-ад-дин ибн Хумам-ад-дин аль-Хусейни (1475—1535) — персидский историк. Сначала придворный историк Тимуридов, после 1507 — шаха Исмаила I Сефевида, с 1528 — Великих Моголов.

Стр. 15. *...бежал через Куву* — древняя крепость между Ферганой и Андижаном. Остались руины от крепости. Ныне кишлак в Ферганской области Узбекской ССР.

Стр. 20. *...в крепости Ахсы*. — Крепость в 80 км от Андижана. От крепости остались руины, но рядом возродился поселок.

...кашгарский властитель. — Речь идет о кашгарах (уйгурах), проживавших в Западном Китае.

Узген — город в Ошской области.

Стр. 21. *Отец Тахира в страхе узватился... за ворот рубахи*. — Жест, выражающий сильный испуг.

Герат — город на северо-западе Афганистана. Основание Герата приписывается Александру Македонскому. Наивысшего расцвета Герат достиг в XV в. при Тимуридах, стал крупнейшим торговым, ремесленным, культурным центром.

Стр. 32. *...как Рустам*. — Герой эпической поэмы «Шахнаме» Фирдоуси. Символ мужества и храбрости.

Стр. 35 *...долголетие шейха Саади!* — Персидский писатель и мыслитель Саади (1203—1292).

Стр. 36. *Из Исфары*. — Город в Ленинабадской области Таджикской ССР.

Стр. 48. *...сдали врагу Ходжент!* — Пржнее название г. Ленинабада — одного из древнейших городов нашей страны.

Стр. 83. «*Былое*» — так первоначально называлась книга, которую Бабур писал на протяжении всей жизни, знаменитая впоследствии «Бабурнаме».

...в Канибадаме — ныне город в Ленинабадской области.

Стр. 84. *...подобно мирзе Улугбеку...* — Улугбек Мухаммед Тарагай (1394—1449) — узбекский астроном, математик, правитель Самарканда.

Стр. 85. ...поэмы *Навои*. — Низамиддин Мир Алишер (1441—1501) — классик узбекской литературы, мыслитель, государственный деятель. Автор поэм «Смятение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Искандерова стена» — эти поэмы объединены в «Пятерицу смятенных».

...строил *Фархад*. — Герой поэмы Алишера Навои «Фархад и Ширин».

Стр. 87. В *Герате Мир Алишер построил знаменитую троицу: Ихлосия, Халосия, Унсия*. — Ихлосия — «Дом преданности», Халосия — «Дом исцеления», Унсия — «Дом дружбы».

Стр. 111. *Гори Ошикон* — «Пещера влюбленных», около самаркандских ворот Феруз.

Стр. 113. *Караван из Джизака...* — город в Сырдарьинской области Узбекской ССР, расположен на Большом Узбекском тракте.

Стр. 115. *Махмуд Кашгари* — среднеазиатский ученый-филолог XI в. В 1072—1074 гг. составил «Словарь тюркских наречий».

Абдурахман Джамии (1414—1492) — персидский и таджикский философ и писатель. Учитель Навои.

Стр. 120. *Ура-Тюбе* — город в Ленинабадской области.

Карши — центр Кашкадарьинской области Узбекской ССР.

Стр. 121. *Шахрисябз* — город в Кашкадарьинской области.

Стр. 136. *Хорасан*. — В III — XVIII вв. историческая область на Среднем Востоке, включавшая северо-восточную часть современного Ирана, Мервский оазис, оазисы юга современного Туркменистана, северные и северо-западные части современного Афганистана.

Стр. 137. ...со стены в одиннадцать слоев. — Каждый слой кладки примерно 70 см.

Стр. 152. *Ургут* — город в Самаркандской области Узбекской ССР.

Стр. 156. *Ходжа Абдор* — известный реакционер, спровоцировавший убийство Улугбека, предводитель влиятельного религиозного ордена накшбендиев.

Стр. 162. *Султаны мангитов, кунгратов, кушчи...* — Все эти племена входили в состав тюркоязычных народов Мавераннахра. Племена «найман», «кунграт», «кипчак», «дурмен» и др. вошли позднее в состав как узбекского, так и казахского, каракалпакского и частично киргизского народов.

Стр. 163. *Узбек-хан* — хан Золотой орды в 1312—1342 гг.

Стр. 164. *Рум* — тюркское название Византии, завоеванной турками-османами.

Лутфи (1366/1367—1465/1466) — классик узбекской литературы.

...второй *Искандер*. — На Востоке Искандером называли Александра Македонского. Он был популярен своей идеей соединения народов Запада и Востока.

Стр. 172. *Пянджикент* — город в Ленинабадской области.

Стр. 176. ...«джокая» по-кипчацки... — В тюркских языках есть «джокающие» и «йокающие» говоры.

Стр. 188. *Гузар* — райцентр в Кашкадарьинской области.

Стр. 197. *Дабусия* — «Железная крепость». Место, где сейчас находятся развалины крепости, известно под названием Зиявуддин.

Стр. 216. ...подобно *Искандеру Зулькарнаю* — имеется в виду Александр Македонский.

Стр. 224. ...как *Джамшид*. — — Мифический царь древнего Ирана и его основатель, повелитель людей и духов, обладатель сказочной чаши («Джами-Джем»), глядя в которую можно было видеть все, что происходит в мире; Джамшид якобы научил людей многим ремеслам; при нем люди не знали ни болезней, ни смерти.

Стр. 230. ...*Бабур закрыл голые... ноги...* — Во время молитвы или ритуального чтения Корана тело мусульманина должно быть закрыто одеждой.

Стр. 233. ...на горе *Осмон Яйлау*. — Осмон — небо, яйлау — пастбище. — Небесное пастбище.

Стр. 246. *Мерв* — один из древних городов Средней Азии. Ныне город Мары в Туркменской ССР.

Кандагар — город на юге Афганистана, у подножия Западного Гиндукуша.

Стр. 249. ...*переваливайте скорей через Гиссар*. — Гиссарский хребет в Средней Азии в западной части Памиро-Алайской системы.

Стр. 250. ...к берегам *Мургаба*... — река в Туркмении и в Афганистане.

Стр. 253. ...*медресе Гавхаршод-бегим*... — Гавхаршод-бегим — мать Улугбека. Она построила в Герате медресе, похожее на медресе Биби-ханум в Самарканде.

Стр. 255. ...*закончил «Хамсу»*... — Хамса — «пятерица», цикл из пяти поэм, — распространенная форма в восточной поэтической классике, форма объединенных сюжетом самостоятельных произведений.

Стр. 254. *Бехзад Камалиддин* (1455—1535/36) — крупнейший мастер гератской школы миниатюры, которая оказала сильное влияние на миниатюру Ирана, Индии, Средней Азии.

Стр. 259. *Шахрух* (1377—1447) — младший сын Тимура, унаследовавший обширную часть империи с центром в Герате. Отец Улугбека.

Стр. 272. *Газни* — город на юго-востоке Афганистана.

Стр. 273. *Астрабад* — до 1930 г. название города Горган в Иране.

Стр. 287. ...*во имя великого дела двенадцати имамов*... — Двенадцать имамов, потомки Али, зятя пророка Мухаммеда, почитаются шиитами и отрицаются суннитами. Последний, двенадцатый, имам, считают шииты, не умер, а тайно скрывается до своего часа,

когда окончится его состояние «скрытого имама», он явится в мир в роли *Махди* — мессии, осуществляющего справедливость и воздающего людям заслуженное ими.

Стр. 305. *...люди дар-уль-ислама страдали и мучили бы друга друга до сих пор...* — У пророка Мухаммеда было четверо сподвижников. Самый молодой из них, Али, был его двоюродным братом и мужем единственной дочери Мухаммеда, Фатимы. Считается также, что Али первым после жены Мухаммеда уверовал в божественность его проповедей. После смерти пророка, когда возник вопрос о том, кто из четырех его сподвижников должен встать во главе новообразованного исламского государства и продолжать распространение ислама, одержали верх сторонники Абу-Бекра — самого старшего из сподвижников, к тому же отца второй жены Мухаммеда; Абу-Бекр стал первым халифом (правда, всего в течение двух лет). Сторонники Али убивают следующих двух халифов — Омара и Османа. Наконец халифом становится Али. Но раскол в халифате углубляется. Перевес получает Муавия, двоюродный брат Османа, продолжатель халифской династии Омейядов. Через пять лет Али терпит поражение. Сторонники Али, *шииты* (шие по-арабски сторонник), провозглашают главою мусульманского мира его сыновей Хасана и Хусейна, рожденных Фатимой. Но имам Хасан умирает от болезни, а имам Хусейн погибает от рук суннитов в Кербеле. Имамы, относящиеся к роду Али, уничтожаются один за другим.

Стр. 307. *...бадахшанские рубины...* — очень почитались на Востоке.

Стр. 308. *...мелодию «Сарви наво»* — вид классической восточной музыки.

Стр. 322. *...отвратительные существа Гог и Магог...* — В иудейской, христианской и мусульманской мифологиях два диких народа, нашествие которых должно предшествовать «страшному суду».

...на целый данг. — Данг — одна часть золота. Вес танги (монеты) был 4,6 грамма. Шейбани увеличил его до 5,2 грамма.

Стр. 328. *Хатти Бабури* — алфавит Бабура.

Стр. 340. *...ни Сухраб, ни Алпамыш...* — Сухраб — герой поэмы «Шахнаме», Алпамыш — герой одноименного эпоса.

Стр. 342. *...с плеча моего Хумо...* — Хумо — птица счастья. Хумаюн — обладающий счастьем.

Стр. 345. *...сигнакийский дар...* — От г. Сигнак на берегу Амударьи.

Стр. 346. *...в стиле «савт»* — вид классической восточной музыки.

Стр. 349. *...еще одна книга... «Мухтассар»* — очерк теории стихосложения — аруза.

Стр. 355. *...о державе Лоди...* — — Лоди — династия правителей Делийского султаната из афганского рода Гильзаев; основатель Бахлуд (1451—1489) сменил тюркских правителей, связанных с Тимуридами.

Стр. 360. *Баги Вафо* — «Сад верности».

Адинапур — город на юге Афганистана.

Стр. 362. ...но и дочери ваши прославили свои имена! —

Гульбадан-бегим стала последовательницей прозаика-мемуариста Бабур. Она написала книгу о жизни и деятельности своего старшего брата, назвав ее «Хумаюннаме». Это единственное в своем роде произведение мемуарного жанра, написанное женщиной-мусульманкой той эпохи.

Стр. 368. ...хорезмиец *Бируни*. — Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни (973—1048/1050) — среднеазиатский ученый-энциклопедист. Родился в Хорезме.

Хосров Дехлеви — великий поэт Хиндустана. Его отец Амир Махмуд был предводителем племени лочин (сокол). Это племя жило между Самаркандом и Шахрисябзом. Уходя от нашествия Чингисхана, добралось до Северной Индии, где и родился поэт.

Стр. 386. *В каждом месяце праздника*. — Это удивительно для мусульман, поскольку у них только два праздника в году — ураза-байрам (праздник после поста), курбан-байрам (праздник жертвоприношений).

Стр. 387. *А ее пять даров угодны богу Шиве*. — «Пять даров коровы» согласно шиваистской ветви индуизма — это молоко, масло, простокваша, навоз, моча.

Стр. 388. *Хайбарские ворота*. — Имеется в виду Хайбарский проход в хребтах Сафедкох (Спингар) к югу от ущелья реки Кабул, близ границы между Афганистаном и Пакистаном. Перевал находится на высоте 1030 м.

Стр. 395. *Кохинур* — «скала света». Один из самых знаменитых алмазов. Ученые установили, что история его «странствий» начинается с 1304 г. Сейчас этот алмаз находится в Лондоне.

Стр. 432. *«Хашт Биштиш»* — восемь райских садов. По мусульманским верованиям, в раю вкушают восемь видов плодов и ягод: виноград, гранат и т. д.

Стр. 440. *Среди воинов моих из-за недавних происшествий...* — Имеются в виду первые военные успехи Рано Санграма, его победы над отдельными военачальниками и вассалами Бабур.

Стр. 455. *Бабур теперь был готов к встрече*. — То, что говорил Бабур своим эмирам и бекам, передавая престол Хумаюну, изложено в книге Гульбадан-бегим «Хумаюннаме». В частности, она приводит слова отца о том, что он давно задумал сделать сына шахом, сам же хотел жить в «приюте уединения» в саду Зеравшан.

Стр. 458. *Бабур отыскал глазами Семь Братьев, неподвижную Золотую Ось и... веселую гурьбу созвездия Хулькар*. — Семь Братьев — Большая Медведица, *Золотая Ось* — Полярная звезда, *Хулькар* — Плеяды.

Стр. 459. *Тадж-Махал* — выдающийся памятник индийской

архитектуры периода Великих Моголов, сооруженный около 1630—1652 гг. на берегу реки Джамны близ Агры. Стены выложены белым полированным мрамором, с инкрустацией из самоцветов.

Стр. 466. *Юнусабад* — название северной части Ташкента.

Стр. 467. *Бешагач* — один из старинных районов Ташкента.

Стр. 505. *Урда* — один из старинных районов Ташкента.

Стр. 509. *Папа, а почему вы так поздно...* — В узбекских семьях дети с родителями, родители между собой почтительно обращаются друг к другу на «вы».

Стр. 513. *Усман Юнусов* (1901—1966) — советский государственный и партийный деятель.

Стр. 520. *Ахунбабаев Юлдаш* (1885—1943) — Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Стр. 588. *Встать никто и не пытался.* — Это свидетельство невоспитанности. Гости встречают почтительно, обязательно все встают с места.

Стр. 620. *Бурджар* — букв.: «Волчий яр» — приток Бозсу, который проходит по западной части Ташкента.

Стр. 626. *Кукча* — квартал в северо-западной части Ташкента.

Стр. 643. *Отаси* — отец моих детей. Так обращается жена к мужу. Произносить имя мужа или жены у узбеков было не принято.

